На правахъ рукописи.

ИСТОРІЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ.

Лекцій проф. С. Н. БУЛГАКОВА,
читанныя въ Московскомъ Коммерческомъ Институтѣ
въ $19^{12}/_{13}$.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе четвертое.

Редактированное авторомъ изданіе книжнаго магазина „Высшая школа".

МОСКВА,
Типо-литографія Н. А. ЯШКИНА, Кожевники, 2-ой кожевнический пер., д. 14 Тиль
1914.

„Пров 38“

МЕРКАНТИЛИЗМЪ,
КАКЪ ПЕРВОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.
ЕГО ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВЪ ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ. СТАДІИ ЕГО РАЗВИТІЯ.
УЧЕНІЕ О ДЕНЕЖНОМЪ И ТОРГОВОМЪ БАЛАСТѢ.

До сихъ поръ намъ приходилось имѣть дѣло съ общими системами экономическаго міровоззрѣнія, съ тѣмъ, что можно назвать поэзіей политической экономіи. Теперь мы переходимъ къ дѣловой прозѣ, къ тѣмъ системамъ, которыя относятся уже къ политической экономіи въ собственномъ, узкомъ смыслѣ слова, т.е. къ ученіямъ объ организаціи хозяйственной техники. Это зарожденіе политической экономіи, какъ науки въ собственномъ смыслѣ слова, относится къ новому времени и связано съ образованіемъ новаго государства и новаго хозяйственнаго строя.

Какъ извѣстно, средніе вѣка отдѣляются отъ новаго времени рядомъ событій во всевозможныхъ отрасляхъ жизни политической, экономической и духовной.

Что касается экономической области, то здѣсь коренныя перемѣны произошли въ самой организаціи хозяйства. Эту перемѣну можно, въ общемъ, опредѣлить какъ переходъ отъ хозяйства феодальнаго и городского, раздробленнаго и мѣстнаго, къ хозяйству территоріальному, затѣмъ народному и, наконецъ, всемірному, ведущемуся по болѣе широкому плану. Затѣмъ самый этотъ переходъ къ хозяйству народному и происхожденіе народнаго хозяйства связаны съ рядомъ всемірно-историческихъ событій, повліявшихъ въ этомъ направленіи. Къ числу этихъ событій принадлежатъ крестовые походы, которые хотя непосредственнымъ побужденіемъ имѣли чисто религіозные мотивы, но въ числѣ косвенныхъ результатовъ имѣли весьма значительныя экономическія послѣдствія. Завязываются торговыя связи съ Востокомъ, расширяется обмѣнъ, расширяется торговое мореходство. Вслѣдствіе этого получаютъ выдающееся значеніе торговые города Средиземнаго моря, какъ Венеція. Затѣмъ, въ связи съ расширеніемъ торговли, получаетъ значеніе денежный капиталъ. При феодальныхъ отношеніяхъ, при отношеніяхъ городского хозяйства, деньги, денежный капиталъ, не имѣли широкаго примѣненія; главной сферой примѣ-

нѣнія денегъ было ростовщичество. Съ развитіемъ торговли денежный капиталъ находитъ естественное примѣненіе и притомъ постоянно растущее.

Такое же значеніе, какое имѣли Крестовые походы для торговыхъ сношеній съ Востокомъ, имѣло открытіе Америки и морского пути въ Индію. Открытіе Америки имѣло еще то значеніе, что богатѣйшія залежи благородныхъ металловъ изъ Новаго Свѣта устремились въ Европу. Это произвело настоящую революцію цѣнъ, вслѣдствіе чего цѣны на основные предметы необходимости и рыночный оборотъ вмѣстѣ съ ними увеличились въ 5,6 и болѣе разъ, а эта денежная революція имѣла и многочисленныя соціальныя послѣдствія. Затѣмъ на основаніи образованія болѣе широкаго рынка происходитъ постепенное разложеніе цехового строя. Мелкія цеховыя ремесла объединяются въ домашней формѣ крупной промышленности, пріобрѣтаютъ первую форму капиталистическаго производства.

Въ то же время совершается рядъ открытій и усовершенствованій самой техники торговаго обмѣна, изобрѣтаются векселя, которые въ настоящее время составляютъ непремѣнную принадлежность денежнаго торговаго оборота, получаютъ большое распространеніе. Для того времени они являлись могущественнымъ и благотворнымъ стимуломъ развитія народнаго хозяйства. Такое же значеніе имѣетъ и развитіе банковъ. Нельзя не упомянуть еще о томъ переворотѣ въ государственномъ и политическомъ строѣ, который произвело изобрѣтеніе пороха. Съ изобрѣтеніемъ пороха связана постоянная армія и спеціализація въ военномъ дѣлѣ лишь нѣкоторой части населенія. Благодаря этой спеціализаціи, большая часть населенія получила возможность отдаться мирному труду. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще изобрѣтеніе книгопечатанія, имѣющаго значеніе для всѣхъ областей жизни.

Не меньше, чѣмъ экономическія преобразованія, были несомнѣнно и духовныя. Что касается духовныхъ перемѣнъ, то отчасти я упоминалъ о нихъ и раньше. Онѣ сводятся къ двумъ основнымъ фактамъ. Это - два историческія теченія, которыя въ это время пробиваютъ себѣ дорогу: съ одной стороны, гуманизмъ, съ другой - реформація, одно чисто-свѣтское, другое чисто-религіозное теченіе. Но и то и другое имѣютъ одну общую черту,

общее значеніе. Они становятся въ оппозиціи къ средневѣковому аскетическому міровоззрѣнію, отрицавшему самостоятельное значеніе мірского труда, въ лучшемъ случаѣ смотрѣвшаго на него, какъ на одно изъ средствъ религіозной дисциплины, - и признаютъ самостоятельную, независимую цѣнность мірского труда. Гуманизмъ приводилъ къ возвышенію правъ и потребностей натуральнаго, плотскаго человѣка и признавалъ самодовлѣющую цѣнность всѣхъ видовъ дѣятельности, въ частности, экономическаго труда.

Это гуманистическое отношеніе къ жизни въ дальнѣйшемъ развитіи приводитъ къ философіи такъ называемаго просвѣщенія и матеріализму XVIII вѣка. Въ значительной степени это теченіе мысли продолжается въ наше время въ формѣ гуманистическаго соціализма. Въ настоящее время въ связи съ этимъ гуманистическимъ теченіемъ находится пробужденіе научнаго раціонализма. А этотъ духъ раціонализма, какъ очень талантливо показалъ Зомбартъ въ своемъ сочиненіи о новѣйшемъ капитализмѣ, существенно входитъ въ экономическую жизнь нашего времени. Капитализмъ основанъ на расчетѣ, онъ раціоналенъ, онъ вноситъ точные методы въ тѣ хозяйственные процессы, тѣ хозяйственныя отношенія, которыя совершались раньше по мѣрѣ силъ, на совѣсть, по инстинкту. Такимъ образомъ, одна сторона новаго человѣка, новой личности, которая имѣетъ значеніе для капитализма, вырабатывается этимъ гуманистическимъ міровоззрѣніемъ на трудъ и на жизнь. Но рядомъ съ гуманизмомъ и до извѣстной степени въ связи съ нимъ, хотя со значительными различіями отъ него, дѣйствовала и реформація. Если гуманизмъ противопоставлялъ права натуральнаго человѣка дисциплинѣ средневѣковаго аскетизма, то реформація брала подъ свою защиту свободу религіозной личности. Въ этомъ смыслѣ реформація была не только отрицаніемъ стараго, но и созданіемъ новаго, и въ этомъ новомъ, какъ особенно хорошо показали новѣйшія изслѣдованія Макса Вебера, реформація имѣла то значеніе, что она выработала новое, свое ученіе пониманія христіанства, которое считаетъ міровой трудъ исполненіемъ религіознаго долга. Лютеръ ввелъ въ нѣмецкій переводъ Библіи и въ нѣмецкій языкъ слово и понятіе „Beruf“, т.е. такое свѣтское дѣло, которое человѣкъ долженъ исполнить не ради своихъ матеріальныхъ выгодъ и интересовъ, а какъ религіозное служеніе и призваніе; и это своеобразное новое понима-

ніе мірской жизни, не какъ педагогическаго средства, а какъ самостоятельнаго дѣла, самостоятельнаго служенія, способствовало выработкѣ совершенно новыхъ чувствъ и новаго психологическаго типа. Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣли реформатскія секты, которыя появлялись въ Англіи и на европейскомъ континентѣ: кальвинисты, пуритане, квакеры, методисты и другія секты, которыя дисциплину личности развивали въ высокой степени. Такимъ образомъ, рядомъ съ гуманистическимъ типомъ человѣка, создавался другой типъ свѣтскаго человѣка, полнаго сознанія хозяйственнаго долга. Такая личность вступала въ экономическую жизнь, вооруженная всей силой энергіи, которая въ средніе вѣка уходила въ аскетическій монастырскій подвигъ; создалась новая психическая атмосфера, въ которой и развивается народное хозяйство, промышленный капитализмъ. Въ этой атмосферѣ вырабатывается и новое понятіе государства, независимаго отъ церкви и свободнаго отъ римской опеки. Ему отводится самостоятельная роль, какъ посредника между личностью и человѣчествомъ и какъ средство для экономическаго воспитанія, экономическаго развитія націи, а черезъ это и средство вообще человѣческаго развитія.

Идея меркантилизма и государственности, о которой я буду говорить, разсматриваемая внѣшне, въ сущности кажется идеей международнаго людовѣдства, выражаемой языкомъ грубой физической силы, примѣняемой въ экономическихъ отношеніяхъ.

Но то содержаніе, которое сюда вкладывается пуританами и квакерами, создавшими Новую Англію, характеризуется болѣе глубокимъ пониманіемъ историческихъ задачъ государства и служенія этому государству. Въ связи съ этимъ новымъ идейнымъ теченіемъ слѣдуетъ отмѣтить выступленіе ряда политическихъ мыслителей и писателей, которые тоже выражаютъ одну общую идею о самостоятельности и самостоятельной цѣнности мірского государства. Они становятся въ оппозицію къ папской теократіи, которая полагала, что хороши всѣ средства для торжества теократическихъ идей на землѣ. Она утверждаетъ сосредоточеніе свѣтской и духовной власти въ однѣхъ рукахъ, отстаивая теорію двухъ мечей, духовнаго и свѣтскаго, врученныхъ земному намѣстнику Христа.

Уже Данте, который является одной стороной великимъ пред

ставителемъ средневѣковаго міровоззрѣнія, всей душой предчувствуетъ другое время - протестуетъ противъ этой свѣтской власти папы и возвышаетъ идею свѣтскаго государства. Послѣ Данте явился политическій мыслитель, менѣе религіозный, но болѣе смѣлый, - явился Макіавелли, который въ своемъ сочиненіи „О князѣ" послѣдовательно развивалъ свою теорію о государствѣ, гдѣ для служенія государству считалъ удобными всякія средства, не смущаясь ни этическими, ни религіозными требованіями. Онъ воскресилъ греческую и римскую идею о государствѣ, какъ о самодовлѣющемъ началѣ жизни.

Ту же идею, но иначе, выразилъ и Гоббесъ. У него государство это - „Левіаеанъ", государственный организмъ, который беретъ на себя задачу устройства общественной жизни и прекращенія борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Поскольку эта идея противоположна идеѣ папской теократіи, она тоже служитъ эмансипаціи жизни отъ средневѣковой теократической опеки и эмансипаціи мысли, которая проходитъ по различнымъ направленіямъ, сказывается въ различныхъ теченіяхъ мысли и жизни. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что и каноническое право, которое непосредственно стѣсняло католическое населеніе въ экономической жизни, хотя бы своимъ запрещеніемъ права взиманія процентовъ на капиталъ, ограничивается въ дѣйствіи, напр., это запрещеніе отчасти отмѣнено въ Англіи Елизаветой. Реформаторы Лютеръ и Кальвинъ, хотя въ принципѣ были противъ процента, но въ видѣ исключенія допустили взиманіе процентовъ. Слѣдовательно, доктрина сохраняла силу лишь на части прежней территоріи.

Мы должны остановить наше вниманіе на фактѣ образованія территоріально-народнаго хозяйства изъ государства городского, мѣстнаго. Это не могло совершиться безъ активнаго участія политической организаціи государственной власти. Народное хозяйство есть нѣчто слишкомъ сложное, чтобы можно было представить себѣ его на первыхъ порахъ развивающимся, говоря обратно, не въ оранжереѣ, а подъ открытымъ воздухомъ. Этой оранжереей для народнаго хозяйства, для экономическаго объединенія человѣчества, и является государство. Для этого оно само должно было предварительно родиться на свѣтъ. Для этого нужно было, чтобы надъ центробѣжной силой государственнаго раздробленія восторжествовала сила центростремительная, объединяющая. Такія госу-

дарства образуются въ Европѣ къ началу новаго времени: это - Франція, Англія, Россія, отчасти Германія. Всѣ они стремятся стягиваться въ политическія территоріи, и когда это объединеніе происходитъ, то создается новый факторъ общеисторическаго и общеэкономическаго прогресса, - именно, центральная государственная власть. Это дѣйствіе государственной власти на экономическое развитіе сводится къ тому, что центральная власть ставитъ себѣ прямой задачей созданіе народнаго хозяйства, развитіе промышленности, - вообще, насажденіе новой экономической жизни. И эта политика называется въ исторіи не совсѣмъ точно меркантилистической. Поэтому, прежде всего, говоря о меркантилизмѣ, нужно устранить основное недоразумѣніе, что меркантилизмъ не есть ученіе отдѣльныхъ писателей, какъ его часто понимаютъ, хотя онъ выражается и въ отдѣльныхъ ученіяхъ. Это есть прежде всего цѣлое историческое теченіе, рядъ историческихъ дѣйствій, объединенныхъ одной общей цѣлью. Профессоръ Конъ дѣлаетъ такое опредѣленіе меркантилизма: „Такъ называемый меркантилизмъ въ дѣйствительности есть стремленіе европейскихъ государствъ съ среднихъ вѣковъ до XIX вѣка поднимать свое народное хозяйство путемъ развитія производительныхъ силъ. Это является дѣломъ воспитанія и планомѣрныхъ воспитательныхъ средствъ, которыя въ такой же мѣрѣ требовали искусства государственнаго человѣка, какъ и созданія новѣйшаго государства."

Подобнымъ же образомъ характеризуетъ меркантилизмъ и другой историкъ хозяйственнаго быта, профессоръ Карлъ Вюхеръ: „Меркантильную систему долгое время считали теоретическимъ научнымъ построеніемъ, покоящимся на томъ основномъ положеніи, что богатство страны заключается въ суммѣ наличныхъ денегъ, находящейся въ ея предѣлахъ. Вѣроятно, въ настоящее время этотъ взглядъ уже всѣми оставленъ. Меркантилизмъ не мертвая догма, а направленіе практической дѣятельности всѣхъ выдающихся государственныхъ людей отъ Карла V до Фридриха Великаго. Типическимъ выраженіемъ меркантилизма явилась экономическая политика Кольбера."

Уничтоженіе или пониженіе внутреннихъ пошлинъ и пошлинъ подорожныхъ, введеніе единой системы пограничныхъ таможенъ, обезпеченіе снабженія страны необходимымъ сырьемъ и жизнен-

ными припасами путемъ затрудненія вывоза ихъ и введенія лѣсной регаліи, поощреніе крупной промышленности насажденіемъ новыхъ ея отраслей, поддержка ея со стороны государственной власти и техническая регламентація, а также охрана черезъ таможенно-полицейскія мѣропріятія отъ иноземной конкуренціи, устройство искусственныхъ дорогъ, каналовъ, морскихъ портовъ, попытка къ объединенію мѣръ и вѣсовъ, регулированіе торговаго права и торговой пересылки извѣстій, попеченіе о техникѣ, искусствѣ и наукахъ въ учрежденіяхъ, принадлежащихъ самому государству; упорядоченіе государственнаго и коммунальнаго хозяйства; устраненіе неравенствъ въ податномъ обложеніи, - все это служило одной цѣли, созданію замкнутаго извнѣ государственнаго хозяйства, способнаго удовлетворять всѣмъ потребностямъ своихъ членовъ національной работой и путемъ оживленнаго внутренняго обмѣна отдавать въ распоряженіе цѣлаго всѣ естественныя вспомогательныя средства страны и всѣ индивидуальныя силы народа."

Такъ вотъ что такое меркантилизмъ.

Въ смыслѣ хронологическомъ, меркантилизмъ, какъ государственное воздѣйствіе на промышленную жизнь, какъ извѣстная активная экономическая политика государства, простирается на рядъ столѣтій и едва ли и въ настоящее время мы можемъ считать эту эру законченной. Во всякомъ случаѣ господство его, въ узкомъ смыслѣ слова, продолжается съ XVI по начало XIX вѣка.

Меркантилизмъ, съ наступленіемъ извѣстнаго историческаго возраста, при наступленіи извѣстныхъ условій, наблюдается въ разныхъ государствахъ. Онъ наблюдается въ Англіи, начиная съ эпохи Елисаветы, въ Италіи - съ эпохи Медичи, въ Германіи - съ Карла V, въ Россіи, начиная съ Петра Великаго. Это историческое явленіе отражается и въ сознаніи современниковъ извѣстными ученіями, и вотъ эти ученія и опредѣляютъ какъ меркантилистическія въ узкомъ смыслѣ слова.

Прежде чѣмъ перейти къ отдѣльнымъ представителямъ меркантилизма, которыхъ вообще очень много, я изложу это ученіе въ видѣ положеній, выражающихъ тѣ общія и характерныя мнѣнія, которыя раздѣляются большинствомъ меркантилистическихъ дѣятелей, представителей меркантилистическаго настроенія и государственныхъ людей. Эти положенія слѣдующія: I) чѣмъ больше денегъ

имѣетъ страна, тѣмъ больше ея богатство. Точка зрѣнія на богатство какъ на деньги, слѣдовательно, признаніе денегъ исключительной и какъ бы спеціальной формой богатства, является характерной чертой для всего меркантилистическаго міровоззрѣнія. и мы будемъ наблюдать ее въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни измѣнилась меркантилистическая доктрина, но это мнѣніе, что богатство есть деньги, сопровождаетъ ее повсемѣстно. Это мнѣніе кажется намъ теперь или страннымъ, или глупымъ; вѣдь и маленькому ребенку понятно, что деньгами нельзя питаться, нельзя одѣваться. Какъ извѣстно, Евгеній Онѣгинъ безъ особаго углубленія въ политической экономіи усвоилъ:

„почему
Не нужно золота ему (государству),
Когда простой продуктъ имѣетъ."

Такая иллюзія или аберрація со стороны цѣлаго поколѣнія явилась бы совершенно непонятной, если бы мы не приняли во вниманіе тотъ историческій моментъ, когда это мнѣніе высказывалось. Нужно сказать, что политическая экономія есть наука относительная, и всѣ ея истины относительны и то, что является вѣрнымъ, какъ характеристика положенія вещей въ одинъ историческій моментъ, то становится невѣрнымъ черезъ извѣстное время. Можно утверждать, что меркантилистическая эпоха, стремившаяся къ деньгамъ, была по своему права и что тогда, дѣйствительно, чѣмъ больше денегъ имѣла страна, тѣмъ больше было ея богатство. Напр., Англія не имѣетъ ни своихъ рудниковъ, ни своихъ естественныхъ источниковъ для добыванія благородныхъ металловъ, между тѣмъ роль денегъ въ мѣновомъ хозяйствѣ совершенно ясна и незамѣнима. Хотя деньги - товаръ, но товаръ, служащій мѣновымъ эквивалентомъ, покупающимъ всѣ другіе товары. Слѣдовательно, для того чтобы имѣть возможность развить шире и оплодотворить народное хозяйство, нужно имѣть извѣстное количество денегъ, пріобрѣтаемыхъ сложнымъ путемъ обмѣна. Деньги являются первымъ средствомъ для развитія производительныхъ силъ страны.

Я остановился на характеристикѣ меркантилизма, на перечисленіи основныхъ положеній, къ которымъ сводятся принципы меркантилистической политики. Первое положеніе сводится къ тому, что чѣмъ больше денегъ имѣетъ страна, тѣмъ больше ея бо-

гатства. Я указывалъ относительное историческое оправданіе ея, относительную вѣрность ея положенія, которое заключается въ томъ, что для широкаго развитія мѣнового и капиталистическаго хозяйства необходимъ капиталъ въ денежной формѣ, т.е. необходимо извѣстное количество денегъ въ странѣ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ своихъ рудниковъ не имѣется или не имѣется въ достаточномъ количествѣ добываемыхъ внутри страны металловъ, ставится на очередь вопросъ о привлеченіи денегъ или металловъ изъ чужихъ странъ. А такъ какъ, кромѣ колоніальной политики, мирнымъ способомъ ихъ привлеченія является только торговля, то очевидно, что внѣшняя торговля съ заграницей оказывается естественнымъ средствомъ исполненія этого правила меркантилистической мудрости. Отсюда и проистекаетъ извѣстное стремленіе меркантилистической политики привлекать деньги въ страну. Это направленіе мысли получило классическое выраженіе, отлилось въ лапидарную форму въ отвѣтѣ лондонскихъ купцовъ, лондонскаго Сити, данномъ королю Ричарду II, когда онъ спросилъ ихъ, что потребно для народнаго благосостоянія. Они отвѣчали: „Мы должны стараться покупать у иностранцевъ менѣе, чѣмъ продавать." Средства для привлеченія и удержанія денегъ были различны, и та самая Англія, которая раньше другихъ странъ вступила на путь меркантилизма, и выработала первые для того пріемы, самые грубые и наивные. Признавая задачей этой политики удержаніе денегъ въ странѣ, Англія въ раннюю пору своей экономической исторіи (XIV, XV, XVI вѣка) понимала эту задачу въ смыслѣ буквальномъ, почти физическомъ. Англія принимала цѣлый рядъ мѣръ, чтобы деньги, попавшія въ страну, изъ нея не выпускались. Такъ была организована внѣшняя торговля Англіи съ континентомъ для того, чтобы деньги, которыя получали англійскіе купцы за товаръ, не попадали въ карманъ чужихъ странъ и были израсходованы тутъ же и чтобы ихъ не миновала королевская пошлина, были устроены особыя складочныя мѣста, гдѣ производилась торговля. На континентѣ эти складочныя мѣста были, напр., въ Шампаньи, Антверпенѣ и Брюгѣ. Въ этихъ-то складочныхъ мѣстахъ была сосредоточена торговля и здѣсь подвергнута надзору. Каждому купцу необходимо было ѣздить въ эти складочныя мѣста, гдѣ каждую копейку высчитывали въ заботѣ о томъ, чтобы она не ушла за границу. Еще болѣе грубымъ средствомъ являлось учреж -

деніе монетнаго двора и института королевскихъ мѣнялъ.По средневѣковымъ понятіямъ монета не является естественной цѣнностью, а цѣна ея опредѣляется тѣмъ, что на ней написано. Право выпускать монету было прерогативой королевской власти, которая могла выпускать монету, не сообразуясь съ ея естественной цѣнностью. Если пріѣзжалъ иностранецъ и привозилъ съ собой монету своей страны, то озабочивались тѣмъ, чтобы онъ эти деньги оставилъ въ странѣ, а для этого онъ долженъ былъ ихъ размѣнять на мѣстныя деньги. Этотъ законъ былъ не къ выгодѣ иностранцевъ, потому что имъ приходилось за свои деньги брать такое количество англійскихъ, какое имъ давали. Вслѣдствіе этой операціи создавалась возможность контролировать суммы денегъ и удерживать ихъ въ странѣ. Затѣмъ еще болѣе грубымъ, средневѣковымъ средствомъ былъ статутъ: „истраченія". Согласно этому статуту каждый купецъ или иностранецъ, который попадалъ въ Англію съ извѣстной суммой денегъ, обязывался ихъ истратить на мѣстные товары. Для того, чтобы купецъ исполнилъ требованіе этого статута, къ нему былъ приставленъ особый надсмотрщикъ, хозяинъ, впослѣдствіи замѣненный особымъ чиновникомъ, сыщикомъ, который ходилъ за нимъ и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы онъ истратилъ деньги на покупку англійскихъ товаровъ. Это - самый примитивный способъ удержанія въ странѣ денегъ.

Вторымъ положеніемъ меркантилистической политики является то, что источникъ обогащенія благородными металлами есть внѣшняя торговля. Это положеніе находится въ связи съ характеромъ тѣхъ странъ, которыя вступили на путь меркантилистической политики и не имѣли своихъ рудниковъ. Онѣ могли сдѣлаться богатѣйшими странами лишь посредствомъ внѣшней торговли. Кромѣ того, здѣсь заключается и другая мысль. Когда начинается мѣновое хозяйство, а страна въ своемъ большинствѣ ведетъ еще хозяйство натуральное, чуждое обмѣну, тогда это мѣновое хозяйство ограничивается только поверхностью; въ то же время мѣновое хозяйство нуждается въ расширеніи обмѣна, а такъ какъ достаточнаго рынка не находится въ самой странѣ, внутри ея, то естественно, что она вынуждена прибѣгнуть къ торговлѣ внѣшней. Въ связи съ этимъ находится общеизвѣстный фактъ изъ исторіи капиталистическихъ странъ, что въ началѣ капиталистическаго развитія внѣшній рынокъ имѣетъ непропорціонально большое значеніе и лишь впослѣд-

ствіи онъ его теряетъ, благодаря развитію внутренняго рынка.

Если искать параллели въ русской жизни, то здѣсь можно найти весьма близкое ученіе, находящееся въ связи съ этими меркантилистическими идеями. Именно въ началѣ 90-ыхъ годовъ, когда только впервые выступало такъ называвшееся неомарксистское теченіе въ русской экономической мысли, когда входило въ мысль пониманіе экономическаго развитія Россіи, какъ процесса капиталистическаго, отрицавшагося господствовавшими раньше народническими понятіями, то однимъ изъ пунктовъ пререканій былъ слѣдующій: Николай - онъ и Воронцовъ учили, что развитія капитализма въ Россіи не можетъ быть, потому что капитализмъ нуждается во внѣшнемъ рынкѣ, а внѣшняго рынка Россія завоевать не можетъ. Противная сторона была другого мнѣнія, именно, что капитализмъ можетъ существовать и внутреннимъ рынкомъ; въ сущности обѣ стороны были по своему правы, потому что, если разсматривать дѣло въ историческихъ перспективахъ, то по мѣрѣ того, какъ натуральное хозяйство уступаетъ мѣсто мѣновому, развивается и создается внутренній рынокъ; начальныя же стадіи мѣноваго хозяйства нуждаются во внѣшнемъ рынкѣ, или искусственно создаваемомъ сбытѣ.

Третьимъ положеніемъ меркантилистической доктрины будетъ то, что внѣшняя торговля является наиболѣе выгодной, если обмѣнъ собственныхъ продуктовъ на продукты чужихъ странъ производится черезъ посредство собственныхъ купцовъ - а въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о морской торговлѣ - на собственныхъ торговыхъ корабляхъ. Это положеніе довольно ясно: оно является слѣдствіемъ желанія удержать торговую прибыль, которую пришлось бы платить, если бы торговля находилась въ чужихъ рукахъ. Въ Англіи историческимъ памятникомъ меркантилистической политики остаются навигаціонные законы, составленные Кромвелемъ и затѣмъ измѣненные нѣсколько разъ въ болѣе позднюю эпоху. Это навигаціонные законы, которые даже Адамъ Смитъ, приверженецъ свободной торговли, считаетъ мѣропріятіемъ мудрымъ и полезнымъ и которые въ исторіи Англіи играли вообще очень большую роль, такъ какъ привели къ столкновенію съ С.-А.Соединенными Штатами и къ отложенію ихъ. Законъ этотъ сводится къ слѣдующему:

1) никакіе товары не должны вывозиться и привозиться изъ

британскихъ колоній иначе, какъ англичанами или на англійскихъ или колоніальныхъ судахъ;

2) ни одно лицо, которое не состоитъ англійскимъ подан - нымъ, не можетъ быть купцомъ и мануфактуристомъ въ этихъ колоніяхъ;

3) всякій колоніальный чиновникъ долженъ дать клятву, что онъ будетъ наблюдать надъ исполненіемъ этихъ постановленій;

4) никакіе товары не могутъ быть ввозимы въ Англію иначе, какъ на своихъ корабляхъ;

5) никакіе колоніальные продукты не должны быть вывозимы въ иное мѣсто, какъ въ Англію.

Этотъ актъ былъ изданъ для колоній, но имѣлъ значеніе и для всемірной торговли. Мѣновая торговля играла тогда гораздо болѣе значительную роль, нежели теперь.

Слѣдующимъ положеніемъ меркантилизма, особенно характеризующимъ его съ теоретической точки зрѣнія, является такое: богатство растетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе продается за-границу и чѣмъ менѣе покупается у заграницы. Разница между суммою, на которую продается, и суммою, на которую покупается, должна выплачиваться наличными деньгами. Международная торговля уподобляется вѣсамъ или балансу: ввозъ и вывозъ подобны чашкамъ вѣсовъ, и перевѣсомъ какой-либо изъ нихъ опредѣляется, проника - етъ ли золото въ страну и, слѣдовательно, страна богатѣетъ, или же золото уходитъ, и страна бѣднѣетъ. Задача внѣшней торговли - поддержать благопріятный балансъ, и ею проникнута не только меркантилистическая политика, но и вообще политика международнаго хозяйства. Въ развитіи меркантилистической мысли эта общая задача относительно того, какъ создать внѣшнюю торговлю наиболѣе благопріятную для денежнаго баланса страны, прошла нѣсколько стадій. Она понималась то болѣе узко, то болѣе широко. Самое узкое понятіе сводится къ тому, чтобы не пускать денегъ изъ страны, запирать ихъ въ кошелекъ и подальше прятать. Для этого были приноровлены такія особыя мѣры, какъ институтъ мѣнялъ, складочныя мѣста; къ этому была приноровлена и вся торговая практика. Это - самая ранняя стадія меркантилизма XI - XVI вѣковъ. Но затѣмъ развитіе хозяйственныхъ отношеній и экономической мысли привело къ тому сознанію, что вопросъ былъ слишкомъ узко поставленъ, потому что прятать деньги въ ко

шелекъ не есть самый выгодный способъ употребленія денегъ. Стали отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что вывозить за границу деньги выгоднѣе, чѣмъ оставлять ихъ у себя. Вмѣсто денежнаго баланса появился торговый балансъ. Онъ понимаетъ ту же самую задачу благопріятнаго баланса технически гораздо шире, т.е. уже не какъ удержаніе денегъ, а какъ извлеченіе ихъ изъ международной торговли, - это идея торговаго баланса.

Въ настоящее время политическая экономія и вообще раціональное международное хозяйство не отказались отъ идеи торговаго баланса, а только еще болѣе расширили ее въ идею платежнаго баланса. Такимъ образомъ понимаются отношенія странъ торгующихъ. Если платежный балансъ благопріятенъ, то торговый балансъ можетъ быть неблагопріятенъ, но страна тѣмъ не менѣе выигрываетъ.

Въ настоящее время Англія имѣетъ благопріятный платежный балансъ и неблагопріятный торговый, и въ то же время представляетъ изъ себя одну изъ самыхъ богатыхъ странъ.

Во всякомъ случаѣ тѣ заботы, которыя ставили себѣ меркантилисты, вообще проистекаютъ изъ мѣнового хозяйства, изъ международнаго обмѣна и получаютъ различныя формулировки въ зависимости отъ политическихъ условій. Въ настоящее время въ Россіи эта забота представляетъ собой одну изъ самыхъ основныхъ пружинъ, движущихъ нашу финансовую, экономическую и торговую политику. Россія должна поддерживать благопріятный торговый балансъ, т.е. должна больше вывозить, чѣмъ ввозить. Средство, къ которому она для этого прибѣгаетъ - это покровительство идеямъ меркантилизма. Въ этомъ отношеніи идеи меркантилизма, въ связи съ развитіемъ народнаго хозяйства, остаются въ силѣ и по настоящее время; только мы уже отказались отъ того узкаго пониманія этой задачи, которое было свойственно ранней эпохѣ и объяснялось болѣе простыми историческими обстоятельствами.

Слѣдующимъ стремленіемъ меркантилистической политики является созданіе многосторонняго народнаго хозяйства, другими словами, созданіе промышленности: чѣмъ больше занятій, чѣмъ больше возможности найти заработокъ, тѣмъ лучше положеніе всего населенія. Этимъ положеніемъ опредѣляется дѣятельность всѣхъ выдающихся политиковъ меркантилизма. Имъ руководился Кольберъ, когда насаждалъ во Франціи промышленность за счетъ земледѣлія

этимъ же руководился Фридрихъ Великій въ Германіи, этимъ же руководились англійскіе политики и Петръ Великій въ Россіи.

Политика министерства Витте, насаждавшаго насильственными мѣрами государственную промышленность, есть то же, что въ исторіи политической экономіи носитъ названіе меркантилизма, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ и новыхъ формахъ, почему ее слѣдуетъ называть неомеркантилизмомъ. Такъ какъ развитіе народнаго хозяйства связано съ ростомъ населенія, т.е. оно, съ одной стороны, создаетъ этотъ ростъ, а съ другой - обусловливается этимъ ростомъ, то отсюда понятно, что меркантилистическая политика включила въ свою задачу и заботу объ увеличеніи населенія. Меркантилисты жили въ такую историческую эпоху, когда считали возможнымъ опасаться недостаточнаго народонаселенія, а не избытка населенія, не перенаселенія, какъ это обнаружилось въ XIX вѣкѣ. Въ этомъ смыслѣ они были, въ противоположность Мальтусу, оптимистами и потому общее пониманіе меркантилистами проблемы населенія можетъ быть выражено такъ: „чѣмъ больше населеніе страны, тѣмъ больше ея хозяйственное процвѣтаніе".

Слѣдующее положеніе меркантилизма такое: на предметахъ вывоза получается больше прибыли въ томъ случаѣ, если они состоятъ изъ переработанныхъ продуктовъ, а не сырья. Отсюда вытекаетъ, что переработка собственныхъ матеріаловъ внутри страны гораздо цѣлесообразнѣе, нежели отправка ихъ сырьемъ за границу для того, чтобы они въ видѣ товаровъ возвращались снова внутрь страны. Это положеніе, которому меркантилизмъ особенно придавалъ значеніе, которое является вѣрнымъ и для настоящаго времени, характеризуетъ народное хозяйство любой страны. Если есть возможность перерабатывать сырье въ своей странѣ, то убыточно пересылать его за границу. Яркій примѣръ этого мы видимъ въ Остъ-Индіи. Остъ-Индія, благодаря своей зависимости отъ Англіи, принуждена свой хлопокъ посылать въ Англію, а изъ Англіи получать бумажныя ткани. Насколько это выгодно для Англіи, настолько же невыгодно для Остъ-Индіи, и если Остъ-Индія нарушаетъ правила меркантилистической мудрости, то потому только, что не въ состояніи ихъ осуществить.

Если вообще такую роль играетъ забота о внѣшней торговлѣ и внѣшнемъ рынкѣ, то сами собой выдвигаются чисто политическія задачи, состоящія, какъ видно на только что указанномъ примѣрѣ

Англіи и Остъ-Индіи, въ установленіи отношеній политической зависимости между странами, въ стремленіи превращенія чуже - земной страны въ колонію, въ развитіи колоній. Наиболѣе вы - годной является торговля съ такой страной, которая не располагаетъ политическимъ вліяніемъ или, подобно колоніямъ, на - ходится въ положеніи зависимости отъ сосѣдней страны. Это правило меркантилизма было создано въ XVI, XVII, XVIII вѣ - кахъ, когда началъ развиваться капитализмъ, когда была от - крыта Америка, когда былъ проложенъ морской путь въ Остъ-Индію, когда получилась возможность пріобрѣтенія колоній и от - крылось поле дѣйствія для колоніальной политики, т.е. расши - ренія своей территоріи за счетъ земель отдаленныхъ и чуже - земныхъ. Это правило представляетъ собой нѣчто не только прошедшее и изжитое въ исторіи, но продолжающееся и до на - шихъ дней. И въ настоящее время народно-хозяйственное, эко - номическое развитіе еще не вышло изъ того состоянія, въ ко - торое оно вошло при переходѣ къ новому времени и которое вы - разилось въ этомъ правилѣ меркантилистической политики. Всѣмъ извѣстно, какую роль и теперь играютъ колоніальные интересы, колоніальныя войны, особенно послѣ русско-японской войны, яр - ко иллюстрирующей собою эту колоніальную политику.

Слѣдующимъ положеніемъ политики меркантилизма является признаніе цѣлесообразности и необходимости вмѣшательства го - сударства въ экономическія отношенія въ цѣляхъ національныхъ и общегосударственныхъ интересовъ. Лишь планомѣрное вмѣша - тельство государства придаетъ торговлѣ такое состояніе, въ какомъ она приноситъ странѣ наибольшую пользу; и не только торговлѣ, но и промышленности. Вмѣстѣ съ созданіемъ новаго государства, вмѣстѣ съ появленіемъ крѣпкой государственной власти, сознающей свою силу, явилась мысль, что эта власть имѣетъ не только политическія, но и экономическія задачи, что она должна быть творческимъ могуществомъ и живительной энер - гіей не только въ области чисто государственной, но и соціа - льной и общественной. Эта общая идея сближаетъ мерканти - лизмъ, какъ это ни странно, съ соціализмомъ, сближаетъ эпоху зарожденія капитализма съ эпохой его зрѣлости и, быть можетъ, начинающагося упадка. Но эта общая мысль, что государство

призвано регулировать экономическія отношенія, которая выразилась и въ рядѣ утопій, конкретно принимаетъ самыя различныя формы. Въ началѣ той эпохи, о которой идетъ рѣчь, меркантилистическая политика приняла форму, мало способную расположить къ себѣ; именно форму мелочного полицейско-государственнаго контроля надъ разными сторонами экономической жизни. Государство регламентируетъ производство со всевозможныхъ сторонъ. Въ настоящее время существуетъ фабричное законодательство, посредствомъ котораго государство вмѣшивается въ отношенія производителей и потребителей. Тогда такого законодательства не было, но существовалъ рядъ законовъ, которые опредѣляли отношенія работодателей и рабочихъ, устанавливали заработную плату, продолжительность рабочаго дня, качество продукта, его количество, въ извѣстныхъ случаяхъ его цѣну и т.д. Въ Англіи, напр., закономъ было установлено, какое сословіе какой костюмъ можетъ носить; былъ изданъ рядъ законовъ о роскоши, подъ страхомъ наказанія преслѣдовая ихъ роскошь; затѣмъ государство запрещало вывозить шерсть, въ позднѣйшее время запрещалось вывозить машины, обученныхъ рабочихъ и такъ далѣе.

Однимъ словомъ, была введена въ жизнь очень обременительная, мелочная и многосторонняя опека государства надъ экономической жизнью, и меркантилизмъ тамъ больше всего исполнилъ свою воспитательную миссію, культивируя внутреннюю промышленность. Несомнѣнно, эти мѣры были цѣлесообразны и явились какъ бы оранжереей, въ которой могло расти молодое растеніе, - развивавшійся капитализмъ.

Наконецъ, послѣднее общее положеніе, которое даетъ меркантилистическая доктрина, это то, что перевѣсомъ въ торговлѣ и промышленности усиливается и политическій перевѣсъ, что экономическая сила лежитъ въ основѣ политическаго вліянія государства.

Вотъ въ краткихъ и общихъ чертахъ то, что представляетъ собой такъ называемый меркантилизмъ, какъ совокупность мѣропріятій, примѣняемыхъ въ извѣстную политическую эпоху государственной властью разныхъ странъ.

Какъ въ политикѣ, такъ и въ литературѣ, развитіе меркантилизма представлено весьма обширно. Въ каждой европейской странѣ насчитывается цѣлый рядъ выдающихся представителей экономиче -

ской науки, которыхъ можно причислить къ меркантилизму. Какъ я указалъ, съ эпохи меркантилизма начинается политико-экономическая литература въ собственномъ смыслѣ слова, т.е. начинается тотъ потокъ монографій, посвященныхъ общимъ и частнымъ вопросамъ экономической жизни, который съ тѣхъ поръ все увеличивается и расширяется. Трактаты о деньгахъ, торговлѣ, промышленности, земледѣліи, о разныхъ сторонахъ хозяйственной жизни изъ-подъ пера меркантилистовъ появляются уже въ весьма большомъ количествѣ, поэтому въ своемъ изложеніи, для того, чтобы познакомить васъ съ духомъ и характеромъ этой литературы, приходится дѣлать выборъ и остановиться на нѣсколькихъ наиболѣе яркихъ представителяхъ англійскаго меркантилизма, какъ на наиболѣе раннихъ, съ одной стороны, съ другой стороны - на представителѣ нашего русскаго меркантилизма, Иванѣ Посошковѣ.

Въ Англіи видным писателемъ XVI вѣка является Вильямъ Стаффордъ, выступившій подъ псевдонимомъ начальныхъ буквъ своего имени, что дало поводъ связать его имя съ именемъ Вильяма Шекспира и приписать этотъ памфлетъ великому драматургу.

Произведеніе его написано въ видѣ діалога, на манеръ Томаса Мора, что было распространенной формой въ литературѣ того времени, но по содержанію отъ Мора отличается: оно болѣе практично и болѣе узко. Бесѣдуютъ четыре лица: рыцарь, фермеръ, купецъ и докторъ теологіи, которому въ спорахъ принадлежитъ рѣшающій голосъ, и за которымъ скрывается самъ авторъ. Всѣ жалуются на тяжелыя времена, каждый по своему, при чемъ общій мотивъ жалобы состоитъ въ упадкѣ цѣнности денегъ, ибо приливъ металловъ произвелъ революцію цѣнъ. Рыцарь жалуется на дороговизну товаровъ, за которые приходится платить гораздо больше, чѣмъ раньше. Фермеръ-земледѣлецъ жалуется на крайнее возвышеніе ренты и на огораживаніе, на которыя жалуется и Моръ въ своей „Утопіи". Купецъ жалуется на общее возвышеніе заработной платы, которая настигаетъ представителей капитала. Это - отдѣльныя жалобы. Затѣмъ, что касается общихъ вопросовъ, то Стаффордъ останавливается на томъ, что иностранный купецъ, являясь въ Англію, вывозитъ англійскія монеты, а это представляетъ собою самостоятельное народно-хозяйственное зло. Онъ съ негодованіемъ относится къ развитію роскоши, вслѣдствіе чего

англичане покупаютъ множество совершенныхъ пустяковъ, за ко - торые приходится платить большія деньги. Затѣмъ его огорчаетъ то обстоятельство, что позволяютъ вывозить за границу матеріалы для мануфактуры, которые, отдѣлавши, иностранцы снова ввозятъ въ Англію, перепродавая по дорогой цѣнѣ. „Долго ли мы будемъ, - говоритъ онъ, - оставаться такими глупцами, чтобы видѣть и терпѣть этотъ постоянный грабежъ нашего добра и нашихъ сокровищъ?" Средствомъ для того, чтобы эти матеріалы перерабатывались въ странѣ, средствомъ къ развитію внутренней промышленности онъ видитъ, что естественно для меркантилиста, въ таможенныхъ пошлинахъ. „Однажды, - говоритъ онъ, - я спросилъ книгопродавца, почему бѣлая и сѣрая бумага не дѣлаются у насъ такъ же, какъ за моремъ? На это и получилъ слѣдующій отвѣтъ: нѣсколько времени тому назадъ одинъ человѣкъ началъ выдѣлывать бумагу, но скоро закрылъ фабрику, ибо увидѣлъ, что не можетъ ее теперь дѣлать такъ же дешево, какъ за границей. Но я увѣренъ, прибавилъ книгопродавецъ, что если бы ввозъ иностранной бумаги былъ запрещенъ или даже обложенъ болѣе высокой пошлиной, то скоро у насъ начали бы дѣлать бумагу де - шевле иностранной". Вотъ вамъ его идеалъ: высокія пошлины, которыя дѣлаютъ чудеса.

Однако Стаффордъ это покровительство считаетъ не для всей промышленности одинаково полезнымъ. Онъ раздѣляетъ всѣхъ промышленниковъ на три класса: „нѣкоторые изъ нихъ только удаляютъ деньги изъ страны; сюда принадлежатъ торговцы колоніальными товарами, виноторговцы, модистки и т.п.; ко второму классу принадлежатъ промышленники, которые полученныя въ странѣ деньги въ ней же и тратятъ (портные, мясники, булочники), и, наконецъ, къ третьему разряду принадлежатъ фабриканты матерій и лица, обрабатывающія кожи и шерсть, которые вывозятъ деньги изъ-за границы и привлекаютъ, слѣдовательно, сокровища въ страну. Этотъ третій разрядъ промышленниковъ и заслуживаетъ особаго покровительства и поощренія".

О томъ, какъ Стаффордъ широко, можно сказать, съ прямолинейностью понимаетъ возможность вмѣшательства государства въ экономическія отношенія, лучше всего показываетъ слѣдующій случай, разсказанный имъ въ своемъ памфлетѣ: „я желалъ бы, - разсказываетъ онъ, - чтобы мы послѣдовали примѣру одно-

го приморскаго городка въ Валлисѣ, Кармертена. Когда разъ туда прибыло съ грузомъ яблокъ судно, которое до тѣхъ поръ привозило хорошій хлѣбъ, то городскія власти приказали, чтобы никто не покупалъ этихъ яблокъ подъ страхомъ большой пени. Судно долго стояло въ гавани; яблоки начали гнить, и, наконецъ, владѣлецъ его обратился къ властямъ за объясненіемъ: почему запрещено жителямъ покупать привезенные имъ фрукты. Ему отвѣчали, что вѣдь онъ пріѣхалъ покупать лучшіе товары города, какъ то: шерсть, фризъ и шерстяныя матеріи между тѣмъ, какъ для продажи привезъ такой пустой товаръ, какъ яблоки, которыхъ грузъ былъ бы уничтоженъ въ одну недѣлю. Пусть онъ привезетъ, какъ онъ это прежде дѣлалъ, солодъ или хлѣбъ, въ которыхъ страна дѣйствительно имѣетъ нужду, и тогда его просятъ пожаловать во всякое время, и онъ получитъ въ городѣ право свободной купли и продажи." Этотъ случай онъ считаетъ не только весьма типичнымъ, но и рекомендуетъ его своему отечеству для подражанія. Вообще, онъ является рѣшительнымъ сторонникомъ развитія промышленности по сравненію съ земледѣліемъ и возражаетъ тѣмъ, которые не соглашаются съ нимъ: „нѣкоторые утверждаютъ, что лучше было бы, если вмѣсто того, чтобы съ невыгодой заниматься промышленностью, ремесленники занялись обработкой земли; но спрашивается, чѣмъ же будетъ жить весь этотъ лишній народъ, когда и теперешніе земледѣльцы едва добываютъ хлѣбъ для своего существованія."

Главный же и рѣшающій аргументъ, который выставляется имъ въ пользу развитія промышленности, тотъ, что она приноситъ въ страну деньги, которыя являются непосредственнымъ и единственнымъ богатствомъ.

Такова первоначальная система меркантилистической политической экономіи, которую мы видимъ у Стаффорда.

Дальше слѣдуетъ цѣлый рядъ меркантилистическихъ писателей на протяженіи XVI, XVII, XVIII вѣковъ, общій характеръ которыхъ заключается въ томъ, что они постепенно смягчаютъ рѣзкость и односторонность меркантилистической доктрины. Система денежнаго баланса дѣлаетъ уже значительный шагъ въ эту сторону въ лицѣ Эдуарда Миссельдена, трактующаго вопросъ о свободѣ торговли и монополіи. У него деньги являются не только цѣлью, но и средствомъ торговой политики. Въ зависимости отъ торгов-

ли стоять всѣ остальныя стороны хозяйства. Вотъ что говоритъ онъ: „когда торговля процвѣтаетъ, королевскій доходъ увеличивается, земли и ренты улучшаются, судоходство увеличивается и бѣдный людъ находитъ работу. Съ упадкомъ же торговли все это падаетъ."

Относительно свободы этой торговли и степени ея регламентаціи онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что, хотя отношенія свободной торговли цѣлесообразны и допустимы, но можно принять за общее правило, что только такое ограниченіе дозволительно, которое вознаграждается общественной пользой, хотя и самъ онъ осмѣиваетъ простодушнаго Стаффорда, восхищающагося практикой города Кармертена; онъ постоянно выставляетъ принципъ, что государство имѣетъ право нарушать интересы отдѣльныхъ лицъ, если это соотвѣтствуетъ общему благу. Въ полемику съ нимъ вступилъ Малейнсъ, который въ 1701 году издалъ книгу „О ракѣ, разъѣдающемъ англійское государство", посвященную изслѣдованію современнаго положенія Англіи. „Государь, - говоритъ онъ, - не долженъ терпѣть перевѣса баланса въ торговлѣ на сторонѣ иностранныхъ продуктовъ сравнительно съ своими, туземными или, говоря иначе, не долженъ покупать больше, чѣмъ продавать. Богатство страны можетъ уменьшаться тремя путями: 1) вывозомъ денегъ, 2) продажей туземныхъ товаровъ слишкомъ дешево и 3) покупкой иностранныхъ товаровъ слишкомъ дорого."

Слѣдующій шагъ впередъ въ сторону освобожденія отъ узости доктрины денежнаго баланса меркантилистической системы дѣлается въ 2-хъ сочиненіяхъ Томаса Мена. Первое изъ нихъ издано въ 1609 году, второе же лишь послѣ смерти автора, въ 1664 году. Воззрѣніе Мена выражается такъ во второй главѣ его трактата „О богатствѣ Англіи черезъ иностранную торговлю": „обыкновенное средство, - говоритъ онъ, - къ увеличенію нашего богатства и нашихъ сокровищъ есть иностранная торговля, въ которой мы всегда должны держаться того правила, чтобы ежегодно продавать иностранцамъ своихъ товаровъ на большую сумму, чѣмъ мы потребляемъ ихъ товаровъ. Поэтому предположимъ, что наше королевство имѣетъ въ избыткѣ сукно, олово, свинецъ, желѣзо и другіе мѣстные продукты, и мы ежегодно вывозимъ этотъ избытокъ въ чужія страны на сумму 22 сотни тысячъ фунтовъ. Черезъ это мы получаемъ возможность купить за моремъ иностранныхъ товаровъ для на-

шего потребленія, положимъ на 20 сотенъ тысячъ, и тогда королевство дѣлается богаче въ одинъ годъ на остальныя двѣ сотни тысячъ фунтовъ, которыя должны быть возвращены домой не иначе, какъ деньгами."

Слѣдовательно, этотъ писатель понимаетъ отношенія системы торговаго баланса уже какъ результатъ торговыхъ отношеній между двумя странами. Относительно денегъ и торговли и ихъ взаимныхъ отношеній онъ высказываетъ такое мнѣніе: „деньги создаютъ торговлю, и торговля увеличиваетъ деньги, - таково ея положеніе. Поэтому, чѣмъ больше денегъ пускать въ оборотъ, тѣмъ лучше. Если, пріобрѣтая нѣкоторое количество денегъ черезъ торговлю, мы и рѣшимся сохранить ихъ въ государствѣ, то заставитъ ли это и другія націи потреблять нашихъ товаровъ больше, чѣмъ прежде, и наша торговля оживится ли и расширится? Конечно, нѣтъ. Такого благого дѣйствія не произойдетъ, скорѣй даже можно ожидать противнаго, потому что всѣ согласятся, что изобиліе денегъ въ странѣ дѣлаетъ иностранные продукты дороже для иностранцевъ, которые и перестаютъ ихъ потреблять." Въ приведенномъ мнѣніи видна уже вполнѣ сознательная идея торговаго баланса; авторъ возражаетъ противъ прятанія денегъ въ кубышку и высказывается за употребленіе ихъ въ торговлѣ: „деньги, которыя приносятся въ королевство посредствомъ баланса нашей иностранной торговли, суть единственныя деньги, которыя остаются при насъ и черезъ которыя мы обогащаемся. Какъ много богатства ввозится или вывозится изъ страны, такъ много перевѣшиваетъ торговый балансъ въ нашу или чужук пользу. И все это должно происходить необходимо и неотвратимо внѣ всякой возможности измѣненія: всѣ другіе пути и направленія усилить притокъ денегъ въ королевство можетъ быть и произведутъ это, но только на время и, въ концѣ концовъ, окажутся не только полезными, но даже и вредными. Они подобны сильнымъ потокамъ, которые иногда вдругъ заливаютъ свои берега, но такъ же внезапно оставляютъ ихъ сущими по недостатку воды."

Такимъ образомъ въ Менѣ мы имѣемъ уже законченное и сложившееся ученіе о торговомъ балансѣ, второй формѣ меркантилистической доктрины.

ПОСТЕПЕННОЕ СМЯГЧЕНІЕ МЕРКАНТИЛИЗМА И ПЕРЕХОДЪ КЪ УЧЕНІЮ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛѢ ВЪ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПЕРЕХОДА. ПОСОШКОВЪ И ЕГО ТРУДЪ „О СКУДОСТИ И БОГАТСТВѢ".

Слѣдующимъ шагомъ въ освобожденіи отъ этой доктрины и вообще въ развитіи экономической мысли будетъ уже переходъ къ болѣе широкимъ понятіямъ экономическихъ отношеній, гдѣ допускается свободная торговля между государствами. Этотъ шагъ дѣлаетъ писатель начала XVIII вѣка, Дедлей Нортъ, который окончательно уже освобождается отъ многихъ односторонностей меркантилистическихъ доктринъ. Прежде всего, онъ въ своихъ „Разсужденіяхъ о деньгахъ" указываетъ дѣйствительную роль денегъ и тѣмъ самымъ уничтожаетъ ту исключительную оцѣнку ихъ, какъ богатства по преимуществу, какъ единственной и непосредственной формы богатства которая лежитъ въ основаніи доктрины меркантилизма: „деньги, - говоритъ онъ, - суть ничто иное, какъ вѣсы и мѣры, которыми торговля болѣе удобно ведется, чѣмъ это было бы безъ нихъ. Въ подтвержденіе этого можно указать на то, что націи, которыя очень бѣдны, употребляютъ въ началѣ ихъ торговли вмѣсто монеты что нибудь иное. Такъ, Швеція употребляетъ мѣдь, нѣкоторыя колоніи - сахаръ и табакъ. Какъ только ихъ богатство увеличивается, онѣ переходятъ къ употребленію золота и серебра. Итакъ, благородные металлы выбраны для денегъ, потому что представляютъ больше удобствъ". Дальше онъ говоритъ, что „такъ какъ обмѣнъ представляетъ много техничѣскихъ неудобствъ, то деньги и получили форму монеты... Но деньги, служа мѣрой для обмѣна, въ то же время и сами составляютъ такой же товаръ, какъ и всѣ другіе, и въ нихъ также можетъ быть недостатокъ и изобиліе. Въ этомъ случаѣ деньги бе - рутся тамъ, гдѣ ихъ много, отвозятся съ хорошимъ барышемъ туда, гдѣ ихъ мало и гдѣ желаютъ ихъ получить, какъ и всякій другой товаръ. Такъ поступаетъ дѣятельная и благоразумная нація; другая политика тутъ не можетъ пособить, кромѣ той, которая благопріятствуетъ увеличенію торговли и богатства. Это положеніе, какъ оно ни просто, однако рѣдко понимается большинствомъ человѣчества: до сихъ поръ стараются удержать въ своей странѣ золото и серебро, разсчитывая черезъ это немед -

ленно разбогатѣть, что составляетъ, однако, глубокую ошибку и всегда служило препятствіемъ къ возрастанію богатства иностранъ." Въ Дедлеѣ Нортѣ, слѣдовательно, меркантилистическая доктрина о деньгахъ, какъ о богатствѣ, находитъ уже рѣшительнаго своего противника. Онъ сознаетъ ту односторонность, тѣ внутреннія противорѣчія, которыя она въ себѣ заключаетъ. Относительно государства онъ высказываетъ также болѣе смѣлые и широкіе принципы. Онъ сознаетъ, что хотя народное хозяйство представляетъ изъ себя до извѣстной степени самостоятельное цѣлое, но оно есть въ то же время часть международной организаціи. Онъ утверждаетъ, что „весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю или народъ, а всѣ отдѣльныя націи - все равно, какъ индивиды одного народа; что потеря торговли одной націи составляетъ несчастіе не для нея одной, но и для всего свѣта, ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ. Что не можетъ существовать торговли невыгодной для народа, ибо если бы таковая оказалась, люди ее оставили бы, а гдѣ торговцы преуспѣваютъ, тамъ и народъ, котораго часть они составляютъ, также преуспѣваетъ.

Нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ принести, пожалуй, выгоду кому-нибудь, но народъ черезъ это ничего не пріобрѣтаетъ, ибо то, что дается одному подданному, то берется у другого".

Свою замѣчательную книгу Дедлей Нортъ заканчиваетъ слѣдующими замѣчательными словами: „ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, но только миръ, трудолюбіе и свобода создали торговлю и богатство."

Такимъ образомъ, путемъ внутренняго саморасширенія и самоуглубленія меркантилистическая доктрина въ рядѣ писателей и литературныхъ произведеній все болѣе и болѣе перестаетъ быть односторонней и все болѣе и болѣе приближается къ тѣмъ понятіямъ, которыя существуютъ и въ настоящее время.

Кромѣ этихъ англійскихъ экономистовъ, я хочу теперь остановить ваше вниманіе на нашемъ отечественномъ меркантилистѣ, крестьянинѣ Иванѣ Посошковѣ, который былъ современникомъ Петра Великаго. Этотъ писатель, если только можно такъ назвать крестьянина, жившаго въ своемъ селѣ и посвящавшаго свои досуги составленію различныхъ произведеній, представляетъ со-

бой одинъ изъ примѣровъ русскаго самоучки, который силой своего ума и таланта пробиваетъ себѣ дорогу вопреки всѣмъ жизненнымъ обстоятельствамъ, вопреки тому, что не получилъ никакого образованія. Профессоръ Погодинъ, издавшій сочиненіе Посошкова, сдѣлалъ эпиграфомъ слѣдующее изреченіе самого Посошкова, какъ характеризующее этого самородка: „много нѣмцы насъ умнѣе науками, а наши остророю, по благодати Божьей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно." Нужно дѣйствительно сказать, что произведенія Посошкова интересны не только какъ первыя наши экономическія сочиненія, но не уступаютъ самымъ выдающимся произведеніямъ европейскаго меркантилизма.

Крестьянинъ Иванъ Посошковъ родился около 1670 года и жилъ въ селѣ Покровскомъ Новгородской губерніи. Въ 1700 году онъ подавалъ проэктъ финансовой реформы, а въ 1701 году онъ написалъ записку боярину Головину о ратномъ поведеніи.

Въ 1710 году Посошковъ написалъ сочиненіе „Отеческое завѣщательное поученіе" своему сыну, который среди другихъ молодыхъ людей былъ отправленъ Петромъ Великимъ за границу. Это завѣщаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нравоученіе, которое содержитъ самыя различныя, какъ религіозныя, такъ и практическія указанія относительно его жизни. Слѣдующее его сочиненіе уже по вопросамъ церковнаго характера, было подано Стефану Яворскому, рязанскому епископу, впослѣдствіи митрополиту. Наконецъ, въ 20-хъ годахъ, около 1724 года, онъ написалъ сочиненіе, которое остается выдающимся и до настоящаго времени, подъ заглавіемъ: „Книга о скудости и о богатствѣ, сіе есть изъясненіе отъ чего приключается скудость и отъ чего гобзовитое (изобильное) богатство умножается".

Это произведеніе было написано имъ для подачи императору Петру, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія произведенія, Петръ умеръ, а тѣ отрывочныя данныя, которыя мы имѣемъ относительно Посошкова, не даютъ возможности прослѣдить дальнѣйшую судьбу сочиненія, которое при преемникахъ Петра привело Посошкова въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и застаетъ его 1725 годъ. Въ 1726 году онъ умеръ и похороненъ въ С.-Петербургѣ. Въ точности причины его заключенія въ Петропавловскую крѣпость неизвѣстны, но можно думать, что причиной было это сочиненіе. Самое произведеніе до XIX вѣка было затеряно и неиз-

вѣстно, и только въ XIX вѣкѣ проф. Погодину посчастливилось его открыть и сдѣлать общимъ достояніемъ. Сочиненіе представляетъ собой огромный интересъ не только для развитія экономической мысли, но и для русской исторіи, потому что наблюдательность ума, остроуміе и талантъ этого простого крестьянина касаются различныхъ сторонъ жизни своего времени. Эта книга „О скудости и о богатствѣ" на самомъ дѣлѣ представляетъ изъ себя трактатъ, посвященный не только вопросамъ экономической жизни, но и затрагивающій цѣлый рядъ вопросовъ, судопроизводства, полицейскаго и церковнаго права, общекультурной жизни, - однимъ словомъ, книга представляетъ яркую и живую картину жизни русскаго народа въ эпоху Петра Великаго. Она раздѣлена на 9 главъ: 1-ая глава о духовенствѣ, гдѣ онъ сѣтуетъ на низкій уровень образованія духовенства и высказываетъ пожеланіе повышенія его образованности. Слѣдующая, 2-ая глава, посвящена военному дѣлу; 3-я - вопросамъ правосудія, объ устройствѣ суда; 4-ая трактуетъ о купечествѣ, - это собственно чисто экономическая глава; 5-ая-о художествахъ, о мануфактурной промышленности; 6-ая-о разбойникахъ, т.е. по вопросамъ уголовнаго права; 7-ая - о крестьянствѣ; 8-ая - о дворянствѣ и землѣ; 9-ая - о царскомъ интересѣ, т.е., такъ сказать, о финансовомъ правѣ. Во вступленіи къ своему сочиненію Посошковъ высказываетъ общія свои понятія о томъ, что такое богатство: „понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ; ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истончеваютъ." Вы слышите, какъ здѣсь русскій мужикъ повторяетъ разсужденія Вильяма Стаффорда. „Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще печися о невещественномъ богатствѣ, т.е. объ истинной правдѣ; правдѣ - отецъ Богъ, и правда тельми богатство и славу умножаетъ, и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ діаволъ, и неправда не токмо вновь богатитъ, но и древнее богатство

оттончеваетъ, и въ нищету приводитъ, и смерть наводитъ." Высказывая это общее сужденіе о богатствѣ онъ дальше излагаетъ основную руководящую мысль своего сочиненія. Нужно сказать, что, дѣйствительно, нельзя не удивляться смѣлости и самоотверженности этого крестьянина, который пишетъ трактатъ и передаетъ его въ руки Петра Великаго, трактатъ, хотя и проникнутый искреннимъ чувствомъ преданности къ нему, но безусловно содержащій такую рѣзкую и безпощадную критику того, что происходитъ, что, очевидно, мысль о собственной безопасности была далека отъ автора.

Въ четвертой главѣ сочиненія Посошкова содержится трактатъ о купечествѣ или о торговлѣ. Здѣсь проявляется собственно меркантилистическій характеръ воззрѣній Посошкова или, по крайней мѣрѣ, тѣ черты его, которыя сближаютъ воззрѣнія Посошкова съ воззрѣніями, развивающимися въ западно-европейской экономической литературѣ, и которыя характеризуются обычно, какъ меркантилистическія. Прежде всего, это меркантилистическое міровоззрѣніе придаетъ торговлѣ значеніе совершенно исключительное. Посошковъ особенно подчеркиваетъ и отстаиваетъ, даже въ полемической формѣ, значеніе, какое имѣютъ купечество и торговля. Не нужно забывать, что эта защита относится къ тому времени, когда занятіе торговлей не считалось особенно почетнымъ. „И купечества, - начинаетъ онъ эту главу, - въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никаковое, не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ, и всякія потребности имъ уготовляетъ. -

И того ради и о нихъ попеченіе не скудное надлежитъ имѣть яко бо душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы не малыя обиды имъ отъ служивыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди - купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкій человѣкъ не потребенъ былъ бы."

Послѣ этой общей защиты купечества онъ обращается къ анализу тѣхъ недостатковъ организаціи современной ему торговли, которые онъ наблюдаетъ, и прежде всего указываетъ, что купечество не представляетъ собой замкнутаго сословія и что доступъ къ занятію торговлей открытъ всякому желающему.

Вслѣдствіе этого неумѣренная конкуренція затрудняетъ правильную организацію торговли со стороны тѣхъ, кто является къ тому призванъ. Поэтому Посошковъ стоитъ за регламентацію торговли и разрѣшеніе ея лишь для опредѣленнаго сословія: „и посему воину и всякому иночинцу отнюдь купечествовать не подобаетъ; но буде у кого желаніе къ купечеству припадетъ, то уже въ тотъ чинъ и вписатися надлежитъ. И сего ради аще не учинитъ о семъ предѣла, еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчинныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатитись купечеству не возможно, и собранію пошлинной казны умножиться не отъ чего будетъ." Это - та же самая мысль, которая лежала въ основѣ меркантилистической политики Англіи и другихъ странъ, гдѣ было раздѣленіе на сословія, и привиллегіи выдавались извѣстнымъ торговымъ компаніямъ, гильдіямъ. Забота о торговлѣ входила, какъ существенная часть, въ составъ меркантилистической политики.

Далѣе Посошковъ съ горячностью останавливается на томъ, что въ торговлѣ слишкомъ много обмановъ и что качество товаровъ совершенно не гарантируется: „а сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть неправъ, еже и между собой другъ другу неправду чинятъ, ибо другъ друга обманываютъ. Товары яко иноземцы, тако и русскіе, на лице являютъ добрые, а внутрь ноложены или содѣланы плохи, а иные товары и самые плохіе, да закрасивъ добрыми, продаютъ за добрые, и цѣну берутъ неправедную, и неискустныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми изъянятъ; и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгаютъ, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого неправаго порядка незнающимъ людямъ великія пакости чинятся.

А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ пропадаютъ и въ убожество вящшее приходятъ; и тако вси отончеваютъ. А еще бо въ купечествѣ самая христіанская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристоинству това-

ру прямую настоящую, почему коему товару цѣна положена, а из - лишнія бъ цѣны ни у какого товара не то что взять, но и не при прашивали бъ, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывали бъ, и во всемъ поступали бъ самою правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе пошло бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ."

Какъ извѣстно, въ Западной Европѣ, напр. въ Англіи, были установлены строгіе законы о качествѣ товаровъ: ихъ мѣра, ширина и длина, ихъ достоинство, - все это предусматривалось цеховой регламентаціей, а затѣмъ и правительственной регламентаціей. Отсутствіе таковой у насъ заставляетъ нашего меркантилиста выражать пожеланія ея. Для того, чтобы эта задача выполнялась, онъ развиваетъ весьма своеобразный и курьезный планъ организаціи торговли, въ которой главную роль играетъ особый чиновникъ. „И ради неподвижныя въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, и въ коей лавкѣ сидитъ сотскій, то надъ дверьми лавочными прибить дощечка, окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дощицѣ написать еще: сотскій; такожде надъ лавкой пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, купя какой товаръ, знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямоль отвѣсилъ или обмѣрялъ, и товаръ доброй или плохой и настоящую ли цѣну взялъ. А буде взялъ цѣну не противо настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ и высѣчь батоги или плетьми, чтобы впредь такъ не дѣлалъ, а буде въ другой разъ также учинитъ, то доправить штрафу сугубо, и наказаніе учинить сугубоемъ."

Такимъ образомъ, это - тѣ же самыя меркантилистическія идеи надзора за торговлей, но преломляющіяся, соотвѣтственно исторической обстановкѣ, своеобразно у нашего мыслителя.

Затѣмъ слѣдующій вопросъ, на которомъ онъ останавливается, состоитъ въ томъ, что, благодаря организованности иностранной торговли и неограниченности конкуренціи, не устанавливаются крѣпкія цѣны для заграничныхъ товаровъ. И для того, чтобы это зло устранить, онъ предлагаетъ своеобразную организацію торговли, нѣчто въ родѣ торговыхъ синдикатовъ, существующихъ въ настоящее время, нѣчто въ родѣ нормировки въ цѣляхъ поддержанія извѣстнаго уровня цѣнъ. „И съ воли командира своего и

по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе съ воли командира своего по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было. И егда иноземецъ сторгуетъ какова товара русскаго, многое число или малое, то всѣмъ русскимъ людямъ, какъ богатымъ, такъ и убогимъ, комуждо изъ своихъ товаровъ поверстався по количеству товаровъ своихъ, чтобъ ни богатому, ни убогому обиды не было."

Дальше онъ предусматриваетъ тотъ случай, что иностранцы, въ отвѣтъ на такую забастовку русскихъ купцовъ, на этотъ синдикатъ, отвѣтятъ тоже синдикатомъ и не возьмутъ товаровъ. На это онъ предлагаетъ отвѣтить еще увеличеніемъ цѣнъ: „и буде двойныя цѣны за наши товары не похотятъ намъ дать, то и ихъ товары передъ ними: мы благословеніемъ Божьимъ можемъ безъ ихъ товаровъ пробыть. Обще же я мню: хотя они хитры въ купечествѣ и въ иныхъ гражданскихъ расправахъ, а аще увѣдаютъ нашего купечества твердое положеніе о возвышеніи цѣны, то не допустятъ до двойныя цѣны: будутъ торгъ имѣть повсягодно, видя бо наше твердое постоянство, всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложатъ: нужда пригоняетъ и къ поганой лужѣ. Для насъ, хотя они вовсе товаровъ своихъ къ намъ привозить не будутъ, мню, можемъ прожить безъ товаровъ ихъ; а они безъ нашихъ товаровъ и 10 лѣтъ прожить не могутъ. И того ради подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовати передъ нами, и во всемъ упадокъ передъ нами держать, а не гордость. Сіе странное дѣло, что къ намъ пріѣхавъ со своими бездѣлками, да нашимъ матеріальнымъ товарамъ цѣну уставляютъ низкую, а своимъ цѣну ставятъ двойную, а инымъ товарамъ и выше двойныя цѣны." Онъ хочетъ обуздать иностранцевъ не только относительно цѣнъ, но и относительно цѣнности денегъ, жалуется, что иностранцы размѣниваютъ наши деньги не по номинальному курсу, а по ихъ дѣйствительной цѣнности. Онъ говоритъ: „имъ надлежитъ деньги цѣнить своихъ государей, потому что они власть имутъ надъ своими владѣльцы. А нашъ великій Императоръ самъ собою владѣетъ, и въ своемъ государствѣ аще и копейку повелитъ за гривну брать, то такъ и можетъ правитися."

Въ сущности это та же самая мысль, только наивно выражен-

ная, которая лежала въ основѣ англійской политики, института королевскихъ мѣнялъ и королевскаго монетнаго двора: задача этого института была въ томъ, чтобы полноцѣнныя иностранныя деньги размѣнять на англійскія по ихъ номинальной цѣнности. Такой же порядокъ Посошковъ мечталъ бы завести для иностранного купечества, торгующаго въ Россіи, чтобы имъ давать наши обезцѣненныя деньги по ихъ номинальной цѣнности.

Далѣе онъ рекомендуетъ обставить самый пріемъ заграничныхъ товаровъ большей строгостью со стороны ихъ качества. „А ихъ заморскіе товары весьма надлежитъ принимать купечеству нашему по разсмотрѣнію, и по согласію общему, и съ воли командира своего, а не по прежнему, самовольно, и выбирали бъ, кои товары были прочны и самые были добрые, а плохихъ отнюдь не принимали, и тѣ принятые товары такожде дѣлили между собой по количеству своихъ товаровъ съ общаго совѣта, чтобы никому обиды не было. А буде же иноземцы на тотъ отборный товаръ еще сверхъ настоящія цѣны наложатъ цѣну излишнюю, то и того отборнаго товара съ наложеніемъ прибавочной ихъ цѣны не брать бы у нихъ ничего, но брать по настоящей цѣнѣ, какова до того отбиранія установилась. А буде заупрямятся, и давать тѣхъ товаровъ по настоящей цѣнѣ не похотятъ; то отказать имъ: пусть весь свой товаръ повезутъ назадъ, а плохихъ и непотребныхъ товаровъ и на полцѣны отнюдь бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками насъ не называли, и въ товарахъ нашихъ надъ нами не издѣвались бы."

Слѣдовательно, это синдикатское соглашеніе должно охватить организацію какъ внѣшней, такъ и внутренней торговли. При этомъ онъ предостерегаетъ нашихъ соотечественниковъ относительно увлеченія заграничными товарами, въ особенности предметами роскоши, разными иностранными винами и разными нарядами. Подобно тому, какъ въ Англіи существовалъ законъ противъ роскоши, и законъ, который опредѣлялъ, кто въ какой костюмъ имѣетъ право наряжаться, и Посошковъ рекомендуетъ установить обязательные костюмы для всѣхъ сословій и чиновъ, такъ что, если въ настоящее время Россія представляетъ такое множество формъ, установленныхъ закономъ, то проэктъ Посошкова идетъ въ этомъ направленіи значительно дальше. Онъ мечтаетъ одѣть всю Россію въ установленные закономъ костюмы или формы: „па -

ки мнѣ мнится - не худо бы расположить, чтобы всякій чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ: посадскіе люди, все купечество, собственное свое платье носили; чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А нынѣ никоими дѣлы по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадскій или приказный или дворянинъ или холопъ чей; и не токмо съ военными людьми, но и съ царедворцы распознать не можно." Далѣе онъ подробно описываетъ, какіе костюмы какому сословію слѣдуетъ носить. Вотъ собственно самыя яркія и цѣнныя идеи его по вопросу о торговлѣ.

Слѣдующая глава его сочиненія называется: „О художествѣ" т.е. о ремеслахъ, объ организаціи ремеслъ, слѣдовательно, обрабатывающей промышленности. Здѣсь Посошковъ совершенно справедливо съ точки зрѣнія историческаго момента организаціи ремесленнаго труда того времени сѣтуетъ о томъ, что у насъ не существуетъ строгой цеховой регламентаціи производства, за свидѣтельствованнаго умѣнья заниматься ремесленнымъ трудомъ, до извѣстной степени ограждающихъ производство отъ конкуренціи товаровъ дурного качества. Основная его мысль здѣсь состоитъ въ желательности установленія у насъ цехового строя ремесленной промышленности. „Въ художникахъ, - говоритъ онъ, - аще не будетъ добраго надзирателя и надлежащаго имъ управленія, то имъ ни коими дѣлы обогатитися невозможно, ниже славы себѣ доброй получити, но до скончанія вѣка будутъ жить въ скудости и безславіи. А если бъ учиненъ былъ о нихъ гражданскій указъ, еже бы имъ изъ самаго начала учитися постоянно жить, давшись къ мастеру въ наученіе, жить до уреченнаго сроку, а не доживъ не то, что года, но и недѣли не доживъ, прочь не отходить, и не взявъ отпускного письма и послѣ сроку со двора не сходить то бы всѣ мастеры ни въ томъ бездѣльномъ порядкѣ были, но совершенными добрыми мастерами были бы. А прежде такой поря - докъ въ нихъ былъ, что отдавшись въ наученіе лѣтъ на 5 или на 6, и годъ мѣста или другой поживъ, да мало-мало понаучась, и прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать собою, да и цѣну спуститъ и мастера своего оголодитъ, а себя не накормитъ, да такъ и вѣкъ свой изволочитъ - ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ. А сказываютъ про иноземцевъ, что у нихъ учиненъ о семъ гражданъ

скій указъ такой твердый, что буде кто, не доживъ до сроку хотя и единаго дня, да прочь отойдетъ, то уже тотъ человѣкъ не будетъ добрымъ человѣкомъ никогда, а буде и доживетъ до сроку, а письма отъ мастера своего не возьметъ отпускного, никто де его не приметъ въ наймиты, ни въ ученики, никто де его не возьметъ; и того ради у нихъ и мастеры добры и похвальны."

Такъ вотъ онъ полагаетъ, что „по иноземческимъ уставамъ надлежитъ и владѣть тѣмъ мастерствомъ до смерти своей, кто его вымыслилъ, а инымъ не попускаютъ того мастерства дѣлать до смерти его". Остальныя его замѣчанія по поводу ремеслъ касаются вопросовъ сравнительно второстепенныхъ и не принципіальныхъ.

Слѣдующая, 6-ая глава, посвящена вопросу о разбойникахъ. Эта глава, во-первыхъ, свидѣтельствуетъ о томъ, насколько плохо обстояли дѣла съ общественной безопасностью, какъ распространены были у насъ разбои, и, во вторыхъ, она характеризуетъ уголовное міровоззрѣніе лучшихъ людей того времени, наиболѣе просвѣщенныхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и Посошковъ. Согласно этому міровоззрѣнію, лишь самыя крупныя и рѣзкія мѣры должны быть примѣнены для борьбы съ этими разбоями: „во всѣхъ государствахъ христіанскихъ и басурманскихъ разбоевъ нѣтъ такихъ, каковы у насъ въ Руси, а все оттого, что тамъ потачки имъ ни малыя нѣтъ: въ тюрьмахъ долго не держатъ; когда кого поймаютъ, тогда ему указъ учинятъ; и того ради тамъ не смѣютъ и воровать много. А у насъ, поймавъ вора или разбойника, не могутъ съ нимъ разстатися: посадятъ въ тюрьму да кормятъ его будто добраго человѣка, и держатъ въ тюрьмѣ лѣтъ 10 и 20, и въ такомъ долгомъ сидѣньѣ много ихъ уходятъ, а ушедъ, уже пуще стараго воровать станутъ." Посошковъ самъ здѣсь высказывается за самыя строгія мѣры и за примѣненіе скорой смертной казни за всякое совершеніе разбоя и убійства.

Слѣдующая глава посвящена вопросу о крестьянствѣ. Здѣсь онъ касается цѣлаго ряда больныхъ сторонъ въ положеніи современнаго крестьянства: „крестьянское житье скудостно ни отъ чего инаго, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичья насилія, и отъ небреженія ихъ." Онъ заботится о поднятіи производительности и энергіи

крестьянскаго труда, и больше всего его заботитъ, что по условіямъ русскаго земледѣлія, по условіямъ климата, значительную часть года, зимнее время, крестьяне остаются безъ труда, лѣнятся и вслѣдствіе этой лѣности разоряются. Онъ касается не только этихъ сторонъ крестьянской жизни, но и ихъ соціальнаго положенія, отношенія къ нимъ помѣщиковъ, и говоритъ много горькихъ истинъ по адресу помѣщиковъ, призывая ихъ болѣе разумно относиться къ своимъ крестьянамъ, подчиняя точку зрѣнія частноправовую точкѣ зрѣнія государственной: „а и сіе не весьма право зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣно косную пору всю и потеряютъ у нихъ; что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало мало посытнѣе быть, то на него и подать прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его, яко овцу, до гола. И тако творя, царство пустошатъ: понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ." - „Крестьянамъ помѣщики, - возражаетъ онъ противъ этого, - невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ Владѣтель - Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно." Эту мысль онъ не разъ приводитъ и въ другихъ мѣстахъ, желая сказать, что крестьяне и ихъ благосостояніе есть дѣло государственной важности, а не помѣщичьяго только интереса. Не нужно забывать, что крѣпостное право въ Россіи въ это время было явленіемъ, если и не новымъ, то во всякомъ случаѣ сравнительно недавняго происхожденія. Какъ разъясняетъ проф. Ключевскій въ третьемъ выпускѣ своей исторіи, крѣпостное право отвердѣваетъ послѣ Смутнаго времени, въ результатѣ и въ связи съ тѣми соціальными процессами, которые развивались въ Смутное время до Петра Великаго. Крѣпостное право было, такъ сказать, явленіемъ вчерашняго историческаго дня. Эти воззрѣнія, противопоставляющія частную помѣщичью точку зрѣнія на крестьянъ и крестьянскую собствен-

ность точкѣ зрѣнія государственной, - въ сущности въ корень подрывающія и ограничивающія права помѣщиковъ на крестьянъ - нельзя не признать весьма передовыми, до извѣстной степени предвозвѣщавшими идеи освобожденія крестьянъ еще въ эпоху Петра Великаго. „По моему мнѣнію, - повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, - царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи; понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а царю они вѣковые, и крестьянское богатство - царственное, а нищета крестьянская - оскуденіе царственное. И того ради царю, яко великородныхъ и военныхъ, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были. И аще по вышеописанному крестьянскіе дворы управятся, то каково за сильными лицы будетъ крестьянамъ жить, таково и за самыми убогими быть, и къ прежнему бѣгать крестьянамъ будетъ уже не для чего, потому что вездѣ равно будетъ жить."

Здѣсь онъ заботится о равномѣрномъ распредѣленіи податей.

Слѣдующая глава: „О дворянахъ, крестьянахъ и земельныхъ дѣлахъ." Онъ обращается къ дворянамъ, призывая ихъ раціонально относиться къ земледѣлію.

Наконецъ, послѣдняя глава - „О царскомъ интересѣ" - посвящена вопросу о финансовыхъ дѣлахъ. Здѣсь онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ умныхъ замѣчаній относительно распредѣленія податей и способа ихъ полученія въ Россіи и, между прочимъ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на чистотѣ денежной системы. Забота о деньгахъ, о порчѣ денегъ, является, какъ извѣстно, вообще характерной для меркантилистическаго направленія въ виду того особаго значенія, какое придавалось торговлѣ и денежнымъ отношеніямъ. Это была такая эпоха, когда поддѣлка монеты не считалась предосудительной, хотя чеканка монеты и считалась какъ бы прерогативой короны данной страны. Обращаясь къ русскимъ государямъ, Посошковъ говоритъ: „яко у насъ въ Россіи вѣра содержится христіанская самая чистая, никакого примѣса еретическая неимущая, тако треба и деньгамъ россійскимъ быть самымъ чистымъ, безъ всякаго примѣса и еже бы имъ отъ всѣхъ иностранныхъ отмѣннымъ и отъ всѣхъ похвальнымъ быть, яко въ мастерствѣ, тако и въ чистотѣ серебра."

Сочиненіе это подписано слѣдующими словами: „и нынѣ всеусердно твоего милосердія прошу, дабы имя мое сокровенно отъ

сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелкбящихъ правды; конеже писахъ не слагая имъ. Паче же да будетъ воля Божія и твоя превысокая царская воля во мнѣ. Аминь.

Яко аще кто восхочетъ Богу угодить, тотъ не можетъ мамонѣ услужить. Ничимъ же разнствуетъ, аще кто и Царю вѣрно потщится услужить, то всему міру имать ненавистенъ быть.

Всенижайшій и мизирнѣйшій рабочищь, правдѣ же всеусердный желатель, Иванъ Посошковъ, утаенно отъ вѣка людскаго трилѣтнимъ трудомъ восписавъ Твоему Царскому Величеству предлагаю. Аминь."

Я старался васъ познакомить въ длинныхъ выдержкахъ съ замѣчательнымъ произведеніемъ нашего отечественнаго экономиста и этими выдержками старался дать вамъ почувствовать, какъ литературныя достоинства, живость изложенія, яркость образовъ, такъ и свѣжесть мысли, которая проявляется въ этомъ произведеніи и заставляетъ причислить его къ числу самыхъ выдающихся произведеній меркантилистической литературы, не только въ Россіи, гдѣ оно почти единственное, но и вообще міровой меркантилистической литературы.

Въ немъ отразились достаточно ярко и наиболѣе выдающіяся особенности меркантилистической доктрины, именно: вѣра въ полицейское государство и регламентацію, отсутствіе всякихъ сомнѣній въ цѣлесообразности и допустимости этой регламентаціи, забота о торговлѣ, о денежной системѣ и, вообще, забота о развитіи внутренняго труда, враждебное и недовѣрчивое отношеніе къ за-границѣ и торговымъ сношеніямъ съ за-границей.

Посошковымъ я закончу изложеніе собственно меркантилистическаго направленія въ политической экономіи.

Теперь намъ надлежитъ идти дальше къ тѣмъ направленіямъ и понятіямъ, которыя отмѣчаютъ собой новые шаги въ развитіи экономической мысли, или въ которыхъ отражается новѣйшая исторія.

Дальнѣйшее развитіе, которое было пережито меркантилистической доктриной, въ общемъ сводится къ тому, что она первоначально приходитъ какъ будто къ полному разложенію, т.е. въ результатѣ развитія меркантилизма получается ученіе, которое вполнѣ его отрицаетъ, представляетъ какъ бы полную его противоположность. Такимъ отрицаніемъ меркантилизма въ Англіи является Адамъ Смитъ, во Франціи - физіократы. Однако это отрица-

ніе, какъ показываетъ дальнѣйшее развитіе экономической мысли, не представляетъ изъ себя окончательнаго вывода, а есть лишь, по выраженію Гегеля, антитезисъ къ тезису, т.е. противополож - ность къ ранѣе принятой крайности.

Писателями о меркантилизмѣ, кореннымъ образомъ его отри - цающими, его антагонистами въ Англіи являются цѣлый рядъ выдающихся экономистовъ. Начиная съ Д.Норта, цѣлый рядъ экономиче - скихъ писателей камешекъ за камешкомъ вынимаютъ изъ зданія мер - кантилизма и уменьшаютъ его прочность.

Въ Англіи, въ періодъ между меркантилизмомъ и Адамомъ Смитомъ, заслуживаютъ упоминанія два выдающихся философа, которые были вмѣстѣ и выдающимися политико-экономами XVII - XVIII вѣк. Это - Локкъ и Юмъ.

Что касается Локка, то онъ развиваетъ дальше мысли, высказанныя Д.Нортомъ, относительно того, что торговля представля - етъ собой международное раздѣленіе труда, и устанавливаетъ на этомъ раздѣленіи труда экономическое братство народовъ. Шагъ, который онъ дѣлаетъ въ направленіи разрушенія меркантилистиче - ской доктрины, заключается въ томъ, что онъ ставитъ вопросъ о природѣ источниковъ богатства и, если меркантилистическая док - трина видѣла его въ деньгахъ и торговлѣ, то Локкъ устанавлива - етъ принципъ, которому суждено сыграть первостепенную роль въ политической экономіи XIX вѣка. Этимъ принципомъ онъ считаетъ трудъ.

Итакъ, Локкъ указываетъ на трудъ, какъ на источникъ цѣн - ностей и какъ на причину обогащенія. „Трудъ есть, - говоритъ онъ, - то, что опредѣляетъ различіе цѣнности всякихъ вещей. Возь - мите, напримѣръ, акръ земли, засаженный табакомъ или сахарнымъ тростникомъ, и засѣянный пшеницей или ячменемъ, и, наконецъ, тотъ же акръ необработанной земли, вы увидите тогда, что только улучшеніе труда составляетъ большую часть цѣнности. Если мы возьмемъ, - говоритъ онъ далѣе, - нѣкоторые изъ обыкновенныхъ предметовъ необходимости и проведемъ ихъ черезъ нѣсколько ста - дій обработки прежде, чѣмъ они дойдутъ до нашего употребленія, мы увидимъ тогда, сколь многая часть ихъ цѣнности получается черезъ человѣческій трудъ. Хлѣбъ, вино и платье суть предметы ежедневнаго потребленія и находятся въ большомъ изобиліи; одна - ко желуди, вода и листья или шкуры были бы еще нашимъ хлѣбомъ,

питьемъ и одеждой, если бы трудъ не снабдилъ насъ болѣе полезными предметами; все, чѣмъ хлѣбъ дороже желудей, вино - воды, сукно или шелкъ - листьевъ, кожъ или моха, - все это всецѣло принадлежитъ труду и индустріи." Такимъ образомъ, Локкъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми писателями XVII и XVIII вѣковъ, вмѣстѣ съ Вильямомъ Петти, авторомъ „Политической ариѳметики", высказываетъ ту идею, что трудъ есть основа цѣнности, идею, которая легла въ основу классической политической экономіи и соціалистической, въ лицѣ Маркса и Родбертуса, - и которая съ тѣхъ поръ вообще не сходитъ съ лица земли экономической науки. По своимъ представленіямъ о даровыхъ силахъ въ природѣ, которымъ сообщаетъ цѣнность только трудъ человѣка, Локкъ на полвѣка опережаетъ ученіе физіократовъ. Это сходство съ школой физіократовъ замѣчается и въ другихъ вопросахъ экономіи и финансовъ. Такъ, въ значеніи, которое онъ придавалъ земледѣлію: „страна, говоритъ онъ, напр., - дѣлается богатой или бѣдной, смотря по тому, какимъ дѣлается земледѣлецъ, и не иначе... Такъ какъ первый источникъ богатства заключается въ землѣ, то и общественныя потребности должны удовлетворяться удобнѣе всего налогомъ на землю. Какимъ бы путемъ налогъ не взимался и изъ какихъ-бы то ни было рукъ получался, но въ странѣ, гдѣ главнѣйшій фондъ земля, онъ, въ концѣ концовъ, все-таки упадетъ на землю. Во всякой странѣ, гдѣ только взимаются налоги, наибольшая тягость ихъ чувствуется землей." Кромѣ этихъ вопросовъ, Локкъ много занимался вопросами пауперизма и призрѣнія бѣдныхъ въ виду того что пауперизмъ въ это время чрезвычайно усилился. Интересно, что философъ, который является однимъ изъ самыхъ самобытныхъ, крупныхъ мыслителей въ области философіи, является и въ области экономической мысли однимъ изъ самыхъ значительныхъ мыслителей своего времени. Это еще болѣе можно сказать про другого философа Англіи, Давида Юма, къ воззрѣніямъ котораго мы теперь переходимъ.

Что касается значенія Юма въ философіи, то ни до, ни послѣ Англія, пожалуй, не имѣла ему равнаго по силѣ ума и анализа. Юмъ былъ тотъ, кто въ извѣстномъ смыслѣ духовно родилъ Канта; Кантъ сознавался самъ, что Юмъ пробудилъ его отъ догматическаго сна. Хотя главная сила его въ философскихъ трудахъ, но мы остановимся лишь на экономическихъ его воззрѣніяхъ, которыя тоже чрез-

вычайно интересны и поучительны. Наиболѣе оригинально мнѣніе Юма относительно вопроса о деньгахъ. Если Локкъ въ своемъ ученіи о трудѣ, какъ основѣ цѣнностей, подрываетъ одинъ изъ столбовъ, на которомъ зиждется меркантилизмъ, именно ученіе о производительности торговли, то Юмъ своимъ ученіемъ о роли денегъ подрываетъ другое ученіе меркантилизма, именно о деньгахъ, какъ исключительной и главной формѣ богатства.

Юмъ разсматриваетъ деньги лишь какъ орудіе для того, чтобы облегчить обмѣнъ товаровъ: „онѣ составляютъ, по метафорическому выраженію, не колеса торговли, а масло, благодаря которому движеніе этихъ колесъ становится мягче и легче." Самъ по себѣ большій или меньшій запасъ денегъ не имѣетъ никакого значенія; большое количество денегъ въ странѣ, если и выгодно для кого, то только для правительства, которому оно можетъ оказать помощь въ военномъ дѣлѣ. Исходя изъ этого воззрѣнія о почетной роли денегъ, какъ средства, Юмъ взрываетъ и всю теорію денежнаго и торговаго баланса, которая вся была построена на признаніи исключительной оцѣнки денегъ, на ихъ привлеченіи въ страну во что бы то ни стало. „Предположимъ, что въ одну ночь четыре пятыхъ всѣхъ денегъ Великобританіи исчезнутъ, и что нація въ отношеніи денегъ очутится въ томъ положеніи, въ которомъ была при Генрихѣ и Эдуардѣ; какія послѣдствія отсюда произойдутъ? не должны ли черезъ это пропорціонально упасть цѣны всякаго труда и товаровъ и все сдѣлаться столь же дешевымъ, какъ нѣкогда, въ прежнія времена? Какая же тогда нація можетъ конкурировать съ нами на чужихъ рынкахъ или брать такія незначительныя фрахтовыя деньги и продавать мануфактуры такъ же дешево, какъ мы, и съ весьма большой прибылью? Въ короткое время мы должны привезти назадъ наши деньги, которыя отъ насъ исчезли, и у насъ опять настанетъ въ нихъ такое же изобиліе, какъ у сосѣдей. Какъ скоро это произойдетъ, мы потеряемъ опять всѣ выгоды, которыми пользовались, благодаря дешевымъ цѣнамъ труда и товаровъ, и деньги уже потекутъ отъ насъ вслѣдствіе ихъ изобилія. Но возьмемъ теперь обратное: предположимъ, что количество денегъ Великобританіи въ одну ночь увеличилось бы въ 5 разъ; какое бы дѣйствіе отсюда послѣдовало? Не должны ли черезъ это всѣ товары и трудъ сдѣлаться такъ крайне дороги, что никакая чужая нація не будетъ у насъ

ничего покупать? Напротивъ, иностранные товары будутъ сравнительно такъ дешевы, что несмотря на всѣ запретительные законы, которые мы могли бы установить, нашъ рынокъ будетъ переполняться чужими товарами, и наши деньги потекутъ вонъ до тѣхъ поръ, пока мы не сравняемся съ сосѣдями и не потеряемъ этого преимущества, повлекшаго за собой столь вредныя послѣдствія."

Здѣсь проявляется пониманіе интересовъ международнаго обмѣна гораздо болѣе углубленное, и потому гораздо болѣе вѣрное нежели то, которое существовало въ меркантилистическомъ ученіи.

Меркантилизмъ опирался на представленіе о деньгахъ, какъ объ исходномъ пунктѣ и цѣли всякой торговли. Юмъ исходитъ изъ воззрѣнія на деньги лишь какъ на средство торговли, слѣдовательно, все его пониманіе процесса обмѣна международной торговли приводитъ къ совершенно другимъ результатамъ, нежели меркантилистовъ. Если меркантилисты были протекціонисты, то Юмъ является уже сторонникомъ свободной торговли. Такія мѣры, какъ таможенныя пошлины, являются несущественными, второстепенными по сравненію съ общимъ производствомъ, производительностью труда, которыя опредѣляются состояніемъ народнаго хозяйства. „Чѣмъ больше находится людей, - говоритъ онъ, - больше трудолюбія и больше товаровъ, тѣмъ, слѣдовательно, больше и денегъ; послѣднее всегда соразмѣрно первому, и отсюда происходитъ ихъ взаимное равновѣсіе." Въ этомъ разсужденіи Юма мы слышимъ уже многое изъ того, къ чему мы привыкли послѣ Адама Смита; и послѣ этого разсужденія его, послѣ физіократовъ, всѣ воззрѣнія Адама Смита представляются уже не такъ новыми, не такъ оригинальными, скорѣй подводящими итоги, нежели проводящими революціонныя идеи. Юмъ останавливается такъ же, какъ и Локкъ и другіе предшественники Смита, на вопросѣ о значеніи народнаго труда для народнаго хозяйства. „Все на свѣтѣ, - говоритъ онъ, - пріобрѣтается черезъ трудъ, и наши страсти суть единственная пружина труда. Когда нація имѣетъ излишекъ въ мануфактурахъ и механическихъ искусствахъ, то собственники земли, равно какъ и фермеры, обращаются къ земледѣлію, какъ къ наукѣ, и удвоиваютъ свое приложеніе и вниматель-

ность. Ничего, что получается отъ ихъ труда, не пропадаетъ, но обмѣнивается на трудъ мануфактуриста, и люди становятся стяжательны изъ любви къ роскоши. Сверхъ необходимаго на содержаніе земледѣльцевъ, образуется излишекъ сельскихъ произведеній, который идетъ въ мирное время на содержаніе мануфактуристамъ и занятымъ свободными профессіями. Но кромѣ того государству весьма легко многихъ изъ этихъ мануфактурныхъ рабочихъ обратить въ солдатъ, и тогда они содержатся на тотъ же излишекъ." Соотвѣтственно этому своему міровоззрѣнію, Юмъ весьма высоко ставитъ значеніе иностранной торговли и стоитъ за возможно большее развитіе потребностей. А такъ какъ роскошь является однимъ изъ средствъ и условіемъ развитія международной торговли, то естественно, что меркантилисты были противниками роскоши, а Юмъ является ея защитникомъ. Типичнымъ для меркантилизма отношеніемъ къ вопросу о роскоши является отношеніе нашего отечественнаго меркантилиста Посошкова. Напротивъ, Юмъ старается доказать, что стремленіе человѣка къ удовлетворенію второстепенныхъ нуждъ и прихотей является главнымъ двигателемъ къ торговлѣ и усиленной производительности. Чѣмъ болѣе богатыхъ людей живетъ въ странѣ, чѣмъ роскошнѣе они живутъ, тѣмъ болѣе страна богатѣетъ и процвѣтаетъ. Прежде всего, по его мнѣнію, развивается иностранная торговля, такъ какъ гораздо удобнѣе и легче получать иностранные продукты, нежели дожидаться развитія собственныхъ мануфактуръ, что совершается медленно и постепенно. Но затѣмъ кругъ потребностей и самая сила стремленія къ ихъ удовлетворенію еще болѣе расширяются и тогда получаютъ свое развитіе и туземныя мануфактуры, которыя, слѣдовательно, обязаны своимъ происхожденіемъ отчасти иностранной торговлѣ. Само собой разумѣется, обсужденіе этого вопроса о роскоши, желательности или вредѣ ея, какъ меркантилисты, такъ и Юмъ, совершаютъ съ точки зрѣнія экономической цѣлесообразности, внѣ общечеловѣческой оцѣнки ея.

Ставится вопросъ не о томъ, желательна или нежелательна роскошь, а о томъ, выгодна или невыгодна она въ цѣляхъ развитія производства, и нужно сказать, что этотъ вопросъ въ его экономической постановкѣ не сошелъ со сцены и въ позднѣйшее время.

Еще въ началѣ XIX вѣка между Мальтусомъ и другими эконо-

мистами велся споръ о томъ, полезны или не полезны землевла - дѣльцы, какъ главные потребители предметовъ роскоши? По мнѣ - нію однихъ, ихъ функція состоитъ въ томъ, что они содѣйствуютъ развитію отечественной промышленности; по мнѣнію другихъ - это не плюсъ, а минусъ для народнаго хозяйства. Такимъ образомъ, тѣ вопросы, которые раздѣляли еще Юма и меркантилистовъ, перешли въ политическую экономію новѣйшаго времени. Ближайшимъ и не - посредственнымъ предшественникомъ Смита является, съ одной стороны, по своимъ воззрѣніямъ почти меркантилистъ, писатель Джемсъ Стюартъ, который написалъ полный и систематическій трудъ политической экономіи и издалъ его за десять лѣтъ до появленія труда Смита - „Богатство народовъ", а съ другой стороны, писатели Джоссуа Токкеръ и Адамъ Фергюсонъ, которые идутъ еще дальше Юма въ своемъ отрицаніи идей меркантилизма, отрицаніи, приведшемъ къ возникновенію идей экономическаго либерализма. Если меркантилизмъ представляетъ собой возведеніе въ систему національнаго антагонизма, экономическаго соперничества народныхъ хозяйствъ, то, по мнѣнію Токкера, „между народами не существуетъ никакого антагонизма интересовъ, а, напротивъ, господствуетъ согласіе, гармонія. Провидѣніе каждому народу доставило возможность возрастанія и успѣха." Тотъ же Токкеръ опровергаетъ мнѣніе о томъ, что деньги являются богатствомъ страны, и что бѣдныя націи являются будто бы естественными врагами богатыхъ націй въ экономическомъ отношеніи.

То же самое думаетъ и Фергюсонъ, который заявляетъ: „интересы отдѣльныхъ лицъ весьма хорошо гармонируютъ съ интересами государства: чѣмъ болѣе отдѣльные классы, особенно купеческій, пріобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе возвышается національное богатство, которое состоитъ не въ наличныхъ деньгахъ, а въ совокупности всѣхъ полезныхъ и употребительныхъ вещей, которыя находятся въ собственности гражданъ." Наконецъ, Фергюсонъ, какъ и Адамъ Смитъ, заявляетъ рѣшительно, что „торговля есть такой родъ промышленности, гдѣ люди, предоставленные дѣйствію ихъ собственнаго опыта, менѣе всего способны вступить на неправый путь".

Итакъ, наблюдая этотъ ходъ развитія экономической мысли посредствомъ разложенія экономическихъ доктринъ, мы должны

придти къ тому заключенію, что къ концу XVIII вѣка, т.е. ко времени появленія Адама Смита и его труда, идейное разложеніе меркантилизма было уже совершившимся фактомъ. Этому факту нужно было дать только соотвѣтствующее выраженіе, нужно было найти классическую форму для того, чтобы добиться общаго признанія того, что уже признавалось молчаливо или открыто многими въ то время. Это историческое дѣло сдѣлалъ Адамъ Смитъ въ Англіи.

Однако раньше Адама Смита въ Англіи, выступили, имѣвшіе аналогичное значеніе, экономисты во Франціи, подъ названіемъ физіократовъ.

Физіократовъ, какъ и Адама Смита, отъ меркантилизма отдѣляетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ переходныхъ произведеній и писателей, которые разрушаютъ, подрываютъ шагъ за шагомъ, камень за камнемъ основы меркантилизма.

Во Франціи, въ эпоху Кольбера, давшаго меркантилизму свое имя „кольбертизмъ", онъ получилъ самыя крайнія формы выраженія во внутренней политикѣ и во внутренней жизни. Этотъ кольбертизмъ совпалъ съ глубочайшимъ экономическимъ и соціальнымъ кризисомъ страны. Положеніе французскаго крестьянства и сельскаго хозяйства вообще въ XVIII вѣкѣ, и въ особенности въ эпоху революціи, достаточно изучено и описано въ литературѣ и оно таково, что трудно было бы преувеличить его тяжесть. Съ одной стороны феодальная зависимость, разныя натуральныя повинности, которыя лежали на крестьянствѣ, съ другой стороны - кризисъ, связанный съ перенаселеніемъ и отсутствіемъ сельскохозяйственнаго прогресса, и, наконецъ, страшная тяжесть налоговъ, лежавшая на этомъ крестьянствѣ. Все это въ совокупности производило самое мрачное и тяжелое впечатлѣніе о той правительственной политикѣ, которая связана была съ именемъ Кольбера и съ системой кольбертизма, поэтому и сторонники улучшенія въ положеніи крестьянства и вообще народа являлись естественными противниками Кольбера и кольбертизма.

Въ числѣ этихъ противниковъ заслуживаетъ упоминанія Буагильберъ и Вобанъ.

Буагильберъ всю свою жизнь посвятилъ борьбѣ съ системой Кольбера. Въ своихъ статистическихъ трудахъ онъ описалъ Фран-

дій его времени.

Въ своихъ сочиненіяхъ: „Détail de la France sous le regne present" 1697 г. и „Factum de la France" 1707 г. онъ описыва - етъ весьма мрачными красками царствованіе Людовика XIV, а въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ онъ является серьезнымъ и страстнымъ противникомъ меркантилизма. Онъ постоянно и на - стойчиво повторяетъ, что богатство націй заключается не въ се- ребрѣ и золотѣ, но въ полезныхъ вещахъ и въ особенности въ продуктахъ земледѣлія. Онъ съ большимъ осужденіемъ относится ко всякому произвольному вмѣшательству въ дѣла внутренней и внѣшней торговли, особенно хлѣбной которое было широко рас - пространено въ эпоху Кольбера Богатство народа, думаетъ онъ, не зависитъ отъ правительства; вмѣшательство послѣдняго въ промышленныя дѣла болѣе вредно, чѣмъ полезно; нельзя безнака- занно нарушать естественные законы экономическаго порядка, ин- тересы частныхъ лицъ и классовъ при системѣ свободы вполнѣ со- лидарны, а выгоды отдѣльныхъ личностей совпадаютъ и съ инте - ресами государства. Такая же гармонія интересовъ существуетъ и между отдѣльными націями, которыя связаны между собой, какъ города отдѣльнаго государства связаны между собой. Свобода об- мѣна приводитъ не только къ благосостоянію, но къ миру и гар- моніи.

Буагильберъ раздѣляетъ людей не по принадлежности къ на- ціямъ, а по соціальному положенію. По мнѣнію его, есть два класса людей: одни ничего не дѣлаютъ и пользуются всѣми бла - гами, другіе цѣлые дни трудятся и едва зарабатываютъ себѣ скудное пропитаніе, и для нихъ онъ желалъ бы оказать покрови- тельство и помощь.

Такимъ образомъ, въ сочиненіяхъ Буагильбера чувствуется начало революціонныхъ настроеній, хотя это и начало XVIII вѣ- ка. Буагильберъ много говоритъ и о нуждахъ земледѣлія, кото - рымъ, по его мнѣнію, неосновательно стали пренебрегать во Фран ціи, и желалъ бы замѣнить косвенные налоги прямыми подоходны- ми и возстановить уплату ихъ натурой, чѣмъ онъ надѣется обез- печить равномѣрность налоговъ.

Что касается Вобана, то онъ - извѣстный маршалъ, воен - ный дѣятель XVII вѣка, написалъ въ преклонномъ возрастѣ толь- ко одинъ трудъ: „Projet d'une dîme Royale", „Проэктъ королев-

ской десятины", вышедшій въ 1707 году. Этотъ проэктъ навлекъ на себя опалу короля и былъ изъятъ изъ обращенія правительствомъ, однако доставилъ Вобану почётное имя въ исторіи. Въ этомъ сочиненіи маршалъ Вобанъ скорбитъ о печальномъ положеніи трудящагося населенія Франціи. Правительство должно было бы заботиться равно о положеніи всѣхъ классовъ населенія и въ особенности низшаго, ибо трудъ является основой богатства, земледѣліе есть самая важная отрасль промышленности; существенное условіе промышленнаго успѣха есть свобода. Всѣ ненужныя и чрезмѣрныя ограниченія въ мануфактурной дѣятельности и торговлѣ слѣдуетъ отбросить. Съ особой энергіей онъ протестуетъ противъ неравномѣрности обложенія, противъ льготъ и привиллегій высшихъ классовъ. Всѣ существующіе въ его время виды обложенія онъ предлагаетъ замѣнить однимъ общимъ налогомъ на доходъ и землю, который долженъ падать на всѣ классы. Предложенный имъ налогъ носитъ наименованіе „королевской десятины", т.е. составляющій одну десятую часть дохода, при чемъ этотъ налогъ взимается съ земледѣльцевъ натурой, а съ торговцевъ деньгами.

Кромѣ этихъ писателей, былъ цѣлый рядъ другихъ, которые занимались или общими или отдѣльными вопросами экономической жизни, констатировали тѣ или другія затрудненія; но сочиненія Буагильбера и Вобана содержатъ въ себѣ уже довольно рѣшительное отрицаніе политики „кольбертизма." Въ этомъ отношеніи они являются предшественниками той группы экономистовъ, которые эти вопросы сдѣлали какъ бы своей спеціальностью. Тѣ потребности жизни, которыя назрѣвали, были именно: потребность аграрной реформы въ самомъ широкомъ смыслѣ, потребность оздоровленія земледѣлія, потребность финансовыхъ реформъ, освобожденіе народнаго труда отъ давленія протекціонизма, - всѣ эти назрѣвшія потребности выражали въ частности и писатели, предшественники физіократовъ; но онѣ получили систематическія выраженія и философскую формулировку лишь въ ученіи физіократовъ.

Нашему вниманію теперь предстоитъ знакомство съ экономической школой физіократовъ.

Школа эта, считавшая въ своихъ рядахъ цѣлыя группы писателей по экономическимъ вопросамъ, сама называла себя, и ея

современники звали ее, просто экономистами, и лишь одинъ изъ писателей физіократовъ, Дюпонъ-де-Немуръ, озаглавилъ собраніе статей физіократическаго направленія словомъ „физіократія", или естественный порядокъ общественнаго строя. Физіократія - это значитъ господство природы, и самое названіе лучше всего показываетъ отличительную особенность этой школы, именно то, что она стремилась къ согласію съ природой, къ естественному порядку вещей.

Особенностью міровоззрѣнія физіократовъ является то, что въ немъ мы имѣемъ болѣе или менѣе цѣлостное общее міровоззрѣніе. Въ ученіи меркантилистовъ и послѣдующихъ экономистовъ мы имѣли дѣло съ экономическими писателями, писавшими по отдѣльнымъ вопросамъ экономической жизни, но не развивавшихъ въ этихъ своихъ мнѣніяхъ общихъ основъ міровоззрѣнія. Въ этомъ отношеніи можно было чувствовать извѣстное недовольство, не - удовлетворенность, по сравненію съ предыдущими системами мі - ровоззрѣнія, съ которыми я васъ знакомилъ и которыя задумывались по гораздо болѣе широкому плану. Въ міровоззрѣніи физіократовъ мы опять имѣемъ цѣлостное міровоззрѣніе, и въ этомъ и заключается, какъ ихъ отличительная черта, такъ и преимущество по сравненію съ тѣмъ, что давали предыдущіе экономисты.

Физіократія представляется не только экономической теоріей и экономической политикой, но и философіей экономической жизни. Вопросы экономическаго міровоззрѣнія выводятся въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ, связаны съ нимъ неразрывно, такъ что нельзя излагать физіократовъ, не касаясь вмѣстѣ съ тѣмъ основныхъ устоевъ міровоззрѣнія, и нельзя начинать изложеніе ученія физіократовъ, не останавливая главное, исключительное вниманіе на личности дѣятеля и главы этой школы, Франсуа Кенэ.

Кенэ родился въ 1694 году въ деревнѣ Мере, въ крестьянской семьѣ и былъ 10-мъ изъ 13 дѣтей сельскохозяйственнаго рабочаго, а окончилъ жизнь дворяниномъ, возведеннымъ въ дворянское достоинство собственноручно королемъ, называвшимъ его: „мой мыслитель" (Mon penseur). На 12-омъ году онъ поступилъ въ школу, а на 16-омъ поступилъ въ обученіе къ деревенскому фельдшеру; но его потянуло въ Парижъ, гдѣ онъ занимался медициной и философіей. Получивши званіе практическаго врача, онъ началъ заниматься практикой и выпустилъ рядъ сочиненій по ме -

диціне и физіологіи человѣка и животныхъ.

Отличительной особенностью этого замѣчательнаго человѣка была необыкновенная разносторонность умственныхъ интересовъ. Эта разносторонность умственныхъ интересовъ сама по себѣ есть признакъ большого ума, не могущаго замкнуться въ рамки какой-либо спеціальности и удовлетвориться ею; и у Кенэ - это не только признакъ большого ума, но и признакъ талантливости изслѣдованія, потому что во всѣхъ областяхъ, гдѣ онъ прилагалъ свою силу, онъ выступалъ какъ самостоятельный изслѣдователь, какъ творческій умъ.

Въ 1749 году Кенэ поступилъ въ Версаль врачемъ къ извѣстной маркизѣ де-Помпадуръ и поселился въ королевскомъ дворцѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Людовикомъ XV, которому была близка маркиза де-Помпадуръ, и сдѣлался лейбъ-хирургомъ. Нужно сказать, что это положеніе, внѣшнимъ образомъ какъ бы двусмысленное и компрометирующее, положеніе врача у любовницы короля, по свидѣтельству біографовъ, совершенно не грязнило и не затрогивало Кенэ. Мыслитель старался не замѣчать и проходить мимо многаго изъ того, что заставило бы споткнуться болѣе слабаго духомъ человѣка, и переносилъ свое положеніе безъ урона своего нравственнаго достоинства. Въ 1753 г. онъ издалъ свое послѣднее медицинское сочиненіе о лихорадкѣ, а на седьмомъ десяткѣ своей жизни онъ становится экономистомъ, и первыя его работы по политической экономіи появляются, когда ему было 64 года отъ роду. Забѣгая впередъ, скажу, что и политическую экономію черезъ извѣстное время онъ оставилъ съ тѣмъ, чтобы подъ самую старость обратиться къ изслѣдованіямъ математическаго и геометрическаго характера, и написалъ трактатъ въ этой области. Умеръ онъ 80-ти лѣтъ отъ роду.

Въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка Кенэ, который былъ знакомъ со всѣми выдающимися умами того времени и въ антресоляхъ которого они нерѣдко собирались, дѣлается участникомъ и сотрудникомъ знаменитаго изданія „Энциклопедія". Энциклопедія въ настоящее время считается памятникомъ французскаго просвѣщенія и матеріализма XVIII вѣка; однако вначалѣ она не имѣла такого направленія и задумывалась по болѣе широкому плану. Первой статьей, которую написалъ Кенэ, была статья философская, по теоріи познанія, подъ заглавіемъ: „Evidence", т.е. „Очевидность", вышедшая

въ 1756 году; а затѣмъ вторая, экономическая статья о ферме - рахъ и зерновыхъ хлѣбахъ, гдѣ намѣчаются его экономическія воззрѣнія. Въ концѣ 1754 года онъ окончилъ свое самое извѣстное сочиненіе по земледѣлію: „Экономическую таблицу" (Tableau économique). Но это сочиненіе было издано всего въ нѣсколькихъ экземплярахъ для частнаго употребленія и лишь въ 90-хъ годахъ XIX вѣка оно было найдено и издано австрійскимъ экономистомъ Стефаномъ Бауэромъ, тогда какъ раньше помѣщался только анализъ этихъ таблицъ.

Эта „Экономическая таблица" въ видѣ математическихъ схемъ заключаетъ въ себѣ какъ бы математическое изложеніе экономическаго ученія физіократовъ. Эта темная и трудная матерія популяризировалась рядомъ писателей, сторонниковъ и послѣдователей Кенэ, въ числѣ которыхъ, прежде всего, долженъ быть названъ Мирабо старшій, который въ своемъ сочиненіи „Другъ людей" (Ami des hommes) изложилъ идеи Кенэ.

Идеи ученія Кенэ получили дальнѣйшее развитіе въ журналѣ, издававшемся однимъ изъ близкихъ друзей Кенэ, Дюпонъ-де-Немуромъ, и называвшемся „Журналъ земледѣлія, торговли и финансовъ". Послѣ прекращенія этого журнала въ 1776 году, одинъ изъ физіократовъ издавалъ журналъ, который тоже былъ посвященъ популяризаціи идей Кенэ и выходилъ при близкомъ его участіи. Въ 1776 году Дюпонъ-де-Немуръ издалъ сборникъ статей Кенэ, которыя, частью изъ стромности, частью изъ другихъ соображеній, печаталъ анонимно подъ заглавіемъ: „Физіократія или естественное устройство правительства, наивыгоднѣйшее для человѣческаго рода".

Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько статей, которыя разсчитывалъ помѣстить въ „Энциклопедіи", но не помѣстилъ, не сочувствуя тому матеріалистическому характеру, который приняла „Энциклопедія". Послѣ смерти Людовика XV, при Людовикѣ XVI, Кенэ попалъ въ немилость и былъ удаленъ отъ двора, но видѣлъ еще министерство своего товарища и единомышленника Тюрго, хотя и не пережилъ его паденія. Кенэ умеръ въ 1777 году, 80-ти лѣтъ отъ роду, въ Версалѣ.

Въ этой біографіи уже заключаются указанія на то, что система физіократовъ - происхожденія нѣсколько кабинетнаго. Это есть созданіе мыслителя, пробовавшаго свои умственныя силы въ

различныхъ отрасляхъ. Первой философской статьей Кенэ, помѣщенной въ „Энциклопедіи", была „Очевидность", и самое изложеніе міровоззрѣнія физіократовъ приходится начать указаніемъ на основныя философскія идеи этой статьи.

У Кенэ, вслѣдъ за Декартомъ, вопросъ о познаніи ставился, какъ вопросъ о соотношеніи между духомъ и матеріей, между активной познавательной силой и пассивной матеріей. Вопросъ заключался въ томъ, какимъ образомъ возможно соединить, привести въ связь эти два несоединимыя между собой начала, а только при этомъ соединеніи возможно познаніе истины. Этотъ вопросъ Кенэ, вслѣдъ за Декартомъ и Мальбраншемъ, разрѣшалъ въ томъ смыслѣ, что существуетъ высшая сила - Божество, которое создаетъ эту возможность познанія, которое создаетъ это соединеніе активнаго и пассивнаго начала въ нашемъ познаніи. При этомъ, если такимъ образомъ актуальное начало Божества является общимъ условіемъ нашего познанія, то Кенэ признаетъ два источника познанія. Съ одной стороны, познаніе естественно-научное, какъ мы теперь сказали бы, т.е. познаніе, въ которомъ доказательства даются опытомъ, и условіемъ доказательства является очевидность, о которой онъ и писалъ. Въ области опытнаго знанія Кенэ, вслѣдъ за Локкомъ, является представителемъ чистаго опытнаго знанія и отрицаетъ всякія прирожденныя идеи, заранѣе данныя до всякаго опыта. Но рядомъ съ этимъ, какъ самостоятельный источникъ познанія, онъ признаетъ вѣру въ истины религіозныя, въ будущую жизнь, въ Божество. Эти оба источника познанія, соединяясь, даютъ въ своемъ результатѣ оптимистическое міровоззрѣніе, основанное на вѣрѣ въ разумное начало, дѣйствующее въ мірѣ. Природа міра въ своемъ цѣломъ представляетъ собой созданіе того существа, которое все устрояетъ наилучшимъ образомъ, поэтому для человѣка нужно заботиться о томъ, чтобы, насколько ему возможно, узнать, что это благое существо отъ насъ хочетъ, и, узнавши, исполнить это желаніе. Все, что содѣйствуетъ прогрессу, счастью человѣческаго рода, все это разсматривается Кенэ въ послѣднемъ счетѣ, какъ заповѣдь Божія, такъ что и хозяйственная свобода, какъ основной тонъ экономической политики, въ этомъ смыслѣ также имѣетъ религіозное основаніе. Вотъ общая исходная точка зрѣнія Кенэ, что существуетъ предустановленная гармонія,

что естественная сила, т.е. естественныя мотивы и интересы, двигающіе человѣкомъ, въ своей совокупности образуютъ нѣкоторое гармоническое цѣлое.

Для человѣка требуется только вѣрно опредѣлить путь своей дѣятельности, при чемъ однако онъ остается существомъ свобод - нымъ. Онъ имѣетъ возможность выбирать соотвѣтственно указаніямъ своего разума тотъ или другой путь, при чемъ ему слѣдуетъ остановиться на наиболѣе правильномъ. Въ связи съ общимъ міровоз - зрѣніемъ стоитъ представленіе Кенэ объ естественномъ правѣ и естественномъ порядкѣ устройства человѣческаго общества. Такъ какъ идеи естественнаго права излагаются вамъ въ другихъ кур - сахъ, то я ограничусь лишь изложеніемъ того, какъ эти идеи преломлялись у Кенэ. Естественное право, по мнѣнію Кенэ, прежде всего должно отвѣчать справедливости. Справедливость же есть „ес тественный и верховный законъ, признанный свѣтомъ разума и точно опредѣляющій, что принадлежитъ индивиду и что - другимъ индивидамъ". Теперь само естественное право отличается отъ дѣйствующаго, „отъ законнаго права или права принудительно установленнаго человѣческими законами, тѣмъ, что съ очевидностью признается свѣтомъ разума, и въ силу одной только этой очевидности, помимо какого-либо принужденія, обязательно, тогда какъ законное право, ограниченное положительнымъ закономъ, обязательно въ силу наказанія, установленнаго санкціей этого закона за его нарушеніе, и признается нами лишь вслѣдствіе простого указанія закона. Этими различными условіями опредѣляется вся область примѣненія естественнаго права и его различія отъ права законнаго".

Слѣдовательно, существуютъ два порядка, два права: одно - естественное, разумное, а другое - законное или положи - тельное право, которое допускаетъ принудительную санкцію. Въ чемъ же состоитъ естественное право? Кенэ прежде всего опро - вергаетъ то мнѣніе, по которому естественное право людей должно было предоставлять всѣмъ право на все; онъ допускаетъ „ес тественное право человѣка лишь въ состояніи абсолютной неза - висимости людей другъ отъ друга и въ состояніи войны между ними, которую каждый изъ нихъ велъ для того, чтобы воспользо - ваться своимъ неограниченнымъ правомъ". Здѣсь Кенэ полемизируетъ съ договорной теоріей Руссо, отчасти съ Гоббсомъ, которые доказываютъ, что человѣкъ, соединяясь въ общество, со -

всѣмъ не ограничиваетъ тѣхъ естественныхъ правъ, которыя принадлежатъ каждой отдѣльной личности въ особенности. Естественное право не состоитъ въ правѣ всѣхъ на все, а лишь на тѣ вещи, пользованія которыми человѣкъ можетъ достигнуть. „Право всѣхъ на все, - говоритъ Кенэ, - походитъ на право каждой ласточки на всѣхъ летающихъ по воздуху мошекъ, которое сводится въ дѣйствительности къ тому количеству, какое она можетъ добыть трудомъ или поисками, соразмѣряемыми потребностью." Такимъ образомъ, право всѣхъ на все сводится къ праву на ту долю, которую каждый изъ людей можетъ себѣ обезпечить, при чемъ безразлично, живетъ ли онъ охотой, рыбной ловлей или естественно растущими произведеніями земли.

„Входя въ общество и заключая между собой обязательства относительно взаимной помощи, люди усиливаютъ такимъ путемъ пользованіе своимъ естественнымъ правомъ и обезпечиваютъ даже довольно широкое примѣненіе этого пользованія, если только организація общества согласна съ порядкомъ, наиболѣе выгоднымъ для людей, и соотвѣтствуетъ основнымъ законамъ ихъ естественнаго права." „... Поэтому нарушенія естественныхъ законовъ, - по мнѣнію Кенэ, - являются наиболѣе распространенными и обыкновенными причинами физическихъ несчастій, постигающихъ людей. Даже богатые, которые имѣютъ большую возможность избѣгать ихъ, благодаря своей самонадѣянности, своими страстями и даже удовольствіями навлекаютъ на себя много непріятностей, въ чемъ могутъ винить только самихъ себя. Это незамѣтно приводитъ насъ къ другой причинѣ физическаго и моральнаго зла, нѣсколько иного характера, чѣмъ физическіе законы, а именно, къ злоупотребленію людьми своей свободой. Свобода, которая является основнымъ аттрибутомъ человѣка и которую ему хотѣлось бы расширить болѣе ея естественныхъ границъ, всегда представляется ему непогрѣшимой, даже если онъ самъ наноситъ себѣ вредъ и, вслѣдствіе злоупотребленія свободой, разстраиваетъ свое здоровье, растрачиваетъ свое имущество и разоряетъ свою землю; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ жалуется лишь на виновника своей свободы, такъ какъ ему хотѣлось бы быть еще болѣе свободнымъ."

Слѣдовательно, свободу, данную человѣку, Кенэ присоединяетъ къ числу условій, нарушающихъ естественный порядокъ ве-

щей, но каждый можетъ ее и возстановить. „Итакъ, каждый имѣетъ естественное право разумно пользоваться всѣми способностями, какими только надѣлила его природа, и при всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ она помѣстила его, подъ условіемъ не вредить ни себѣ, ни другимъ; условіе, при отсутствіи котораго никто не былъ бы увѣренъ въ томъ, что сохранитъ пользованіе своими естественными правами."

Признаніе естественныхъ правъ личности приводитъ насъ къ праву объективному, т.е. къ такому порядку, который это естественное право каждой отдѣльной личности устанавливаетъ въ организованномъ обществѣ. Слѣдовательно, „люди, соединенные въ общество, должны быть подчинены естественнымъ и положительнымъ законамъ. Естественные законы бываютъ либо физическіе, либо моральные. При этомъ, подъ физическимъ закономъ понимается правильное теченіе всякаго физическаго явленія изъ области естественнаго порядка, наиболѣе выгоднаго для людей. Подъ моральнымъ же закономъ подразумѣвается здѣсь правильное теченіе каждаго человѣческаго дѣйствія изъ области моральнаго порядка, согласнаго съ физическимъ, очевидно, наиболѣе выгоднымъ для человѣческаго рода". „Совокупность этихъ законовъ составляетъ то, что называется естественнымъ закономъ..."

„Всѣ люди, - продолжаетъ Кенэ, - всѣ человѣческія власти должны быть подчинены этимъ верховнымъ законамъ, установленнымъ Верховнымъ существомъ. Они незыблемы, ненарушимы и вообще - самые лучшіе законы, какіе только могутъ существовать; основаніемъ наилучшаго правительства является, слѣдовательно, основное правило всѣхъ положительныхъ законовъ, такъ какъ положительные законы суть ничто иное, какъ законы управленія, относящіеся къ естественному порядку, очевидно наиболѣе выгодному для человѣческаго рода". Здѣсь заслуживаетъ нѣкотораго поясненія отношенія между законами физическими и законами моральными. И тѣ и другіе относятся Кенэ къ области естественныхъ правъ, естественныхъ законовъ; однако онъ ихъ различаетъ въ томъ, что физическіе законы дѣйствуютъ силой механической; причина этихъ законовъ - естественно научная, но, согласно общему міровоззрѣнію Кенэ, дѣйствіе ихъ, предоставленное естественному порядку вещей, приводитъ всякаго къ извѣстнымъ

благимъ и положительнымъ результатамъ. Морально законы включаютъ дѣятельность свободныхъ людей, направляющихъ эту дѣятельность по извѣстнымъ нормамъ въ согласіи съ естественнымъ закономъ.

Конечно, человѣкъ, дѣйствующій согласно естественнымъ законамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на основаніи своей свободы, испытываетъ дѣйствіе физическихъ и моральныхъ законовъ, какъ міра механическаго, такъ и міра одушевленнаго. Но, несмотря на это, соединеніемъ дѣятельности свободнаго человѣка и механическихъ нормъ создаются въ совокупности естественныя правила для человѣческаго общества. Что касается положительныхъ законовъ, то „положительные законы суть правила, изданныя верховной властью для того, чтобы установить порядокъ въ администраціи и управленіи".

Здѣсь залуживаетъ упоминанія то взаимодѣйствіе, которое мыслится между естественнымъ закономъ и положительнымъ правомъ. Естественно право, по самой своей идеѣ, очевидно незыблемо, неизмѣнно, но въ то же время оно формально, какъ сказали бы мы на теперешнемъ философскомъ языкѣ, регулятивный принципъ. Этотъ принципъ осуществляется въ исторіи при измѣняющихся обстоятельствахъ.

Но это историческое развитіе регулируется принципами естественнаго права. Одинъ - абсолютно неизмѣнный, неподвижный принципъ, а другой - измѣнчивый и подвижный, который долженъ постоянно измѣняться соотвѣтственно требованіямъ жизни.

Въ этомъ отношеніи вотъ тѣ признаки, въ которыхъ мыслится взаимодѣйствіе между естественнымъ и положительнымъ правомъ. Что касается вопроса о той организаціи общественной и государственной, которая наиболѣе, по мнѣнію Кенэ, выгодна и, слѣдовательно, для своего времени наилучше осуществляетъ естественное право, то міровоззрѣніе Кенэ характеризуется просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Кенэ есть сознательный противникъ конституціонализма и еще большій противникъ республики, такъ же, какъ противникъ феодализма. Отрицательное отношеніе физіократовъ къ феодализму сказалось даже въ исторіи французской революціи.

Нѣкоторые историки предполагаютъ, что настроеніе ночи

4-го августа, когда французское дворянство отказалось отъ своихъ феодальныхъ правъ, въ значительной мѣрѣ навѣяно идеями физіократовъ. Основаніемъ этой критики многовластія при феодализмѣ было то, что права отдѣльныхъ феодаловъ раздробляютъ права единой власти и узурпируютъ ее въ своихъ интересахъ. То же самое зло Кенэ, а за нимъ и другіе физіократы, усматриваютъ въ конституціонализмѣ и, какъ въ болѣе послѣдовательномъ его выраженіи, республиканизмѣ. Конституціонализмъ, какъ система противоборствующихъ силъ (système des contre-forces), характеризуется, какъ борьба различныхъ партій и группъ; при чемъ та или другая партія или классъ узурпируетъ въ свою пользу и въ своихъ интересахъ права и государственную власть. Въ еще большей степени Кенэ относитъ это къ демократической республикѣ. Кенэ исходитъ изъ того мнѣнія, что существуетъ такая единственная, абсолютная монархическая королевская власть, которая стоитъ выше борьбы классовъ, надъ классами, и которая призвана осуществить естественную справедливость, естественное право, не считаясь съ отдѣльными интересами.

Любопытно отмѣтить, какъ историческую аналогію, что эта конструкція монархической власти съ соціально-абсолютической точки зрѣнія находитъ себѣ нѣкоторое подобіе у нашихъ славянофиловъ, у тѣхъ лучшихъ идейныхъ представителей славянофильства, которые такимъ же образомъ защищали идею самодержавной власти, какъ стоящей надъ классами и выше классовъ. Подобныя же понятія мы встрѣчаемъ въ Германіи у соціалиста Родбертуса, такъ что тѣ же понятія, которыя отличаютъ нашихъ славянофиловъ, можно не разъ наблюдать въ исторіи при разныхъ историческихъ обстоятельствахъ.

Это своеобразное пониманіе наилучшей организаціи государственной власти Кенэ выразилъ въ сочиненіи о китайскомъ государствѣ, въ которомъ описываетъ китайскій порядокъ вещей, при чемъ, конечно, здѣсь не слѣдуетъ искать вѣрности китайской дѣйствительности. Это есть своего рода утопія, сочиненіе на заданную тему, съ той лишь разницей, что утопійскаго государства не существовало въ дѣйствительности, а китайское государство существуетъ. Но общаго съ Китаемъ здѣсь лишь то, что въ Китаѣ существуетъ абсолютная монархія, и для Кенэ нужно было описать государство, въ которомъ суще-

ствуетъ такой строй. Затѣмъ, что касается общей причины соціальныхъ и политическихъ золъ, то Кенэ и физіократы усматриваютъ эту причину не въ направленіи воли, не въ порочности человѣческой воли и наклонности ея ко злу, но въ незнаніи и въ невѣжествѣ. Въ этомъ смыслѣ Кенэ, какъ представитель вѣка просвѣщенія, XVIII вѣка, гораздо болѣе приближается къ Сократу и вообще къ дохристіанской этикѣ. По мнѣнію Кенэ, достаточно раскрыть глаза людямъ и освободить ихъ отъ невѣжества, чтобы спасти ихъ. Отсюда вообще преувеличенная оцѣнка теоретическаго ученія, теоретическаго знанія. Неудивительно, что Мирабо, другъ и пламенный почитатель Кенэ, оцѣнивалъ „Экономическую таблицу", какъ равносильную изобрѣтенію письма и изобрѣтенія монеты.

Вотъ, исходя изъ такой точки зрѣнія, физіократы ставятъ себѣ задачей истинное просвѣщеніе своихъ современниковъ. Съ одной стороны, относительное улучшеніе политическаго строя въ видѣ просвѣщеннаго деспотизма, съ другой стороны - въ видѣ улучшенія экономическаго строя.

Здѣсь мы вступаемъ уже въ область чисто экономическихъ ученій, и въ этой области наиболѣе сказываются черты историческаго момента и вообще окружающей экономической обстановки. Физіократы во всякомъ случаѣ, эти стадіи, эти условія момента, переработали и связали съ общей теоріей, такъ что нельзя оторвать одно отъ другого и разрушить цѣльность всего зданія. Отличительными чертами физіократовъ въ области хозяйственной является ихъ признаніе универсальнаго значенія развитія принципа естественной свободы. Въ этомъ отношеніи они, вмѣстѣ съ многими критиками меркантилизма, являются противниками меркантилистической политики; но, въ отличіе отъ нихъ, для физіократовъ требованіе свободы не есть требованіе практической политики, а есть требованіе осуществленія естественнаго права, абсолютное требованіе заповѣди Божества. Впрочемъ, ранніе физіократы въ этомъ отношеніи болѣе умѣренны и болѣе практичны. Ранніе физіократы, именно Гурнэ и Д'Аржансонъ высказывали идею свободной торговли, какъ идею разумной цѣлесообразной политики, оставляя въ сторонѣ ея практическую цѣлесообразность, которую Кенэ отстаиваетъ, какъ принципъ естественнаго права. Но при этомъ, свобода естественная понимается односторонне: она пони-

мается индивидуалистически. Это есть принудительная свобода, устраненіе всякихъ мѣръ вмѣшательства государства въ экономическую жизнь всякихъ группъ и общества. Они такъ же враждебно относятся къ таможенной политикѣ и пошлинамъ, какъ и ко всѣмъ рабочимъ организаціямъ, цеховымъ организаціямъ и вообще ко всѣмъ попыткамъ ограничить групповую и общественную свободу. Они хотятъ атомизировать общество и предоставить каждаго снова своей собственной судьбѣ. Пониманіе этой индивидуалистической свободы характерно для XVIII вѣка, для эпохи Просвѣщенія. Уже Гурнэ, который былъ практическимъ дѣятелемъ, какъ и Д'Аржансонъ, формулировалъ требованіе свободы торговли въ своей знаменитой формулѣ: „laisser faire, laisser passer", т.е. предоставить естественному порядку развиваться.

Высказывая такой принципъ, физіократы обращаются какъ противъ меркантилизма, такъ и противъ соціализма, потому что и меркантилизмъ и соціализмъ считаютъ, что необходимо какъ можно больше вмѣшательства государства. По мнѣнію Гурнэ, каждый знаетъ свой интересъ лучше, нежели другой, для котораго этотъ интересъ безразличенъ. Это - общія физіократическія идеи относительно всего экономическаго строя.

Обращаясь къ его ближайшему анализу.

Физіократы тѣмъ отличаются отъ своихъ предшественниковъ, меркантилистовъ, и отъ дальнѣйшихъ представителей политической экономіи, что они на первый планъ народнаго хозяйства выдвигаютъ земледѣліе, какъ единственно производительную отрасль народнаго труда. Только земледѣліе производительно: все остальное является паразитарнымъ по отношенію къ нему. Какъ торговля, такъ и мануфактура, зависятъ отъ земледѣлія. Онѣ питаютъ земледѣліе обращеніемъ цѣнностей, но не создаютъ ихъ. Слѣдовательно, физіократы выступаютъ здѣсь, какъ идеологи земледѣлія. Въ земледѣліи все общество, разсматриваемое съ экономической стороны, по своимъ экономическимъ функціямъ, распадается на два класса: во первыхъ, на производительный, - на тѣхъ, кто трудится въ земледѣліи, и, во вторыхъ - непроизводительный, которому чуждо земледѣліе. Въ виду того, что въ земледѣліи существуютъ земельная собственность и земельные собственники, они вытѣсняли ихъ еще въ 3-ій классъ, классъ землевладѣльцевъ, и называли его „classe mixte" (или

смѣшанный), считая этотъ классъ непроизводительнымъ, но въ то же время за его принадлежность къ земледѣлію не рѣшаясь счесть его вполнѣ непроизводительнымъ. Земледѣліе, какъ единственная производительная отрасль народнаго труда, создаетъ цѣнность не только для производительнаго класса, но и для всего общества, слѣдовательно, оно создаетъ прибавочную цѣнность, избытокъ, достаточный для того, чтобы покрыть, оплатить издержки всѣхъ непроизводительныхъ отраслей труда, т.е. мануфактуры и торговли. Только въ земледѣліи „classe productive" создаетъ чистый продуктъ. Это-то, что впослѣдствіи Марксъ назвалъ прибавочной цѣнностью, а Родбертусъ - рентой, и что является свободнымъ избыткомъ продукта, созданнаго производительнымъ трудомъ. Для народнаго труда имѣетъ важность только то, что такъ или иначе затрагиваетъ судьбы земледѣлія. Въ области цѣнъ, напримѣръ, для народнаго хозяйства имѣетъ значеніе - высокъ или низокъ уровень цѣнъ на продукты земледѣлія. Если этотъ уровень высокъ, то вся страна богата, если этотъ уровень низокъ, то вся страна бѣдна, потому что этимъ подрывается земледѣліе и понижается процентъ на капиталъ, и вообще все народное хозяйство терпитъ ущербъ. Что касается промышленнаго труда, то, хотя онъ не умножаетъ богатства, но способствуетъ умноженію населенія, если только онъ не развивается въ ущербъ земледѣлію, - иначе онъ ведетъ къ противоположнымъ результатамъ. Что касается торговли, то только націи, ведущія торговлю продуктами земледѣлія, торговлю сырьемъ, могутъ вести и международную широкую торговлю. Мануфактурная торговля можетъ подлежать только походамъ съ земледѣлія. Что касается роли денегъ, которымъ отводилось такое мѣсто въ ученіяхъ меркантилистовъ, то физіократы впадаютъ въ противоположную крайность. Они считаютъ деньги простымъ товаромъ, призваннымъ быть только посредникомъ въ обмѣнѣ и совершенно закрываютъ глаза на спеціальныя качества этого товара, присущія ему. На этомъ основаніи они смотрятъ на теорію торговаго баланса пренебрежительно, называя его химерой, потому что, если торговля не создаетъ новыхъ цѣнностей, и деньги только просто товаръ, то какимъ образомъ можно торговлей обогащаться и вообще приписывать ей какое-нибудь значеніе. Свое ученіе о производительной роли земледѣлія и о томъ значеніи, какое

представляетъ земледѣльческое производство для всего народнаго хозяйства, Кенэ облекъ въ математическую форму „Экономической таблицы". Въ ней заключаются математическія иллюстраціи къ идеямъ физіократовъ о производительной роли одного только земледѣлія. Очевидно, общая задача, которая здѣсь должна быть иллюстрирована, сводится къ тому, чтобы показать, какимъ образомъ цѣнности, производимыя въ земледѣліи, распредѣляются по всему народному хозяйству, по непроизводительнымъ отраслямъ труда и какимъ образомъ совершается этотъ обмѣнъ. Этотъ процессъ общаго производства и обмѣна облеченъ въ сложную математическую формулу и изложенъ въ „Экономической таблицѣ". Болѣе простая цифровая иллюстрація этого процесса можетъ быть сдѣлана такъ.

Кенэ, а съ нимъ и школа физіократовъ, представляли себѣ процессъ общественнаго производства и обращенія такимъ образомъ: существуютъ три класса: 1) классъ производительный (classe productive), 2) классъ собственниковъ (classe propriètaire) и 3) классъ непроизводительный (classe sterile).

Классъ производительный начинаетъ производство съ нѣкоторымъ запасомъ капитала, который мы опредѣлимъ въ два милліарда какихъ-нибудь единицъ. Этотъ классъ есть единственный общественный классъ, который производитъ новыя цѣнности и новые доходы (produit net).

Предположимъ, что этотъ produit net въ этомъ году составляетъ три милліарда, такъ что общая сумма производства перваго класса составляетъ 5 милліардовъ.

Затѣмъ, классъ собственниковъ въ началѣ года имѣетъ въ рукахъ сумму денегъ или цѣнностей въ два милліарда; эти цѣнности, полученныя имъ, какъ доходъ еще отъ прошлаго года, и представляютъ собой фондъ потребленія, которымъ классъ собственниковъ располагаетъ, какъ классъ, существующій на доходы.

Наконецъ, третій классъ - непроизводительный, который, хотя и не производитъ никакихъ новыхъ цѣнностей, но тоже нуждается въ извѣстныхъ затратахъ капитала или авансахъ; предположимъ, что этотъ авансъ будетъ равенъ одному милліарду, который и имѣется у него въ началѣ производительнаго года.

Слѣдовательно, вотъ картина общественнаго производства,

которую представляетъ себѣ Кенэ. Теперь, какъ распредѣляются эти три милліарда, и какъ вообще происходитъ весь общественный обмѣнъ? Предположимъ, что классъ собственниковъ съ двумя милліардами дохода распредѣляетъ ихъ пополамъ въ цѣляхъ покупки. Онъ нуждается и въ продуктахъ земледѣлія и въ разныхъ предметахъ промышленности.

Мы должны предположить, что классъ собственниковъ покупаетъ у перваго класса продуктовъ земледѣлія на 1 милліардъ; затѣмъ у 3-го класса онъ тоже покупаетъ на 1 милліардъ, такъ что у третьяго класса оказывается въ распоряженіи сумма цѣнностей на 1 милліардъ. 3-ій классъ, непроизводительный, который нуждается въ предметахъ, потребныхъ для своего существованія, на этотъ милліардъ покупаетъ у перваго класса предметы земледѣлія и добывающей промышленности. Такимъ образомъ, изъ трехъ милліардовъ у производительнаго класса остается produit net лишь на 2 милліарда. Но первый классъ тоже нуждается въ услугахъ 3-го класса, въ тѣхъ предметахъ и услугахъ, которые можно получить отъ третьяго класса. Предположимъ, что этотъ первый классъ предъявляетъ спросъ въ такомъ же количествѣ, какъ и 3-ій классъ, на 1 милліардъ. Значитъ, у третьяго класса этотъ первый классъ покупаетъ на 1 милліардъ предметовъ, изготовляемыхъ имъ, такъ что общая сумма покупокъ будетъ уже два милліарда; на 1 милліардъ у него купилъ 2-ой классъ и на 1 милліардъ - 1-ый. Но этотъ милліардъ 3-ій классъ не удерживаетъ въ своихъ рукахъ, потому что онъ нуждается для продолженія производства въ будущемъ году, чтобы былъ возстановленъ его авансъ, его затраты капитала. Слѣдовательно, на этотъ милліардъ непроизводительный классъ покупаетъ предметовъ земледѣлія у класса производительнаго, такъ что это будетъ уже третій милліардъ, на который предъявляется спросъ у перваго класса.

Слѣдовательно, всѣ три милліарда чистаго дохода, произведенные первымъ классомъ, распредѣляются безъ остатка, а затѣмъ остающіеся два милліарда составляютъ его остатокъ, его авансъ на будущій годъ.

Вотъ процессъ, который представляютъ себѣ физіократы согласно „Экономической таблицѣ". Нужно сказать, что въ этой „Экономической таблицѣ" заключается произвольное допущеніе,

съ которымъ и связана теорія физіократовъ.

Именно, здѣсь предполагается, что цѣнность въ 1 милліардъ, затрачиваемая непроизводительнымъ классомъ, не производитъ никакихъ новыхъ доходовъ, никакихъ новыхъ цѣнностей. Между тѣмъ этому же непроизводительному классу приписывается способность продавать эти непроизведенныя цѣнности, потому что собственно авансъ въ 1 милліардъ и долженъ бы былъ составить цѣнность въ 1 милліардъ, тогда какъ окончательная сумма продажи первому и второму составляетъ два милліарда. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, и въ третьемъ классѣ оказывается произведена новая цѣнность, только физіократы не называютъ ее чистымъ доходомъ.

Анализъ этой „Экономической таблицы" былъ помѣщенъ въ сочиненіяхъ Кенэ въ XVIII вѣкѣ. Есть еще болѣе новые документы, открытые только въ 90-хъ годахъ XIX вѣка, которые эту общую суммарную операцію распредѣляютъ на много отдѣльныхъ моментовъ, но въ общемъ идея и содержаніе остаются тѣ же.

Слѣдовательно, классъ собственниковъ и классъ промышленниковъ имѣютъ лишь паразитарное существованіе. Очевидно, при этомъ предположеніи является не безразличнымъ то или иное распредѣленіе чистаго продукта съ точки зрѣнія интересовъ всего народнаго хозяйства, между предметами, производимыми первымъ классомъ и предметами, производимыми третьимъ классомъ.

Отсюда понятно, что для государственнаго дѣятеля было существенно только то, что связано съ процвѣтаніемъ земледѣлія, и въ числѣ ихъ правилъ экономической политики значится слѣдующее: „Экономическая политика должна поощрять лишь производительныя издержки и торговлю сырьемъ; безплодныя же издержки предоставить самимъ себѣ, т.е. въ лучшемъ случаѣ не обращать никакого вниманія". Понятно и слѣдующее положеніе: „Нація, владѣющая большой территоріей, годной для обработки, и имѣющая возможность вести большую торговлю сырьемъ, не должна допускать большого наплыва денегъ и людей въ мануфактуры и торговлю произведеніями роскоши въ ущербъ труду и издержкамъ, затрачиваемымъ на земледѣліе, т.к., прежде всего, государство должно быть населено богатыми земледѣльцами".

Въ этомъ ученіи о „produit net" и о производительности

одного земледѣлія заключается своеобразная историческая ограниченность, а вмѣстѣ и печать, лежащая на школѣ физіократовъ. Эта идея понятна, какъ противоположность прежнимъ крайностямъ меркантилизма. Если тамъ была взята одна крайность, то здѣсь проявляется другая. Но опровергать въ настоящее время эту мысль, что только земледѣліе даетъ чистый доходъ, не стоитъ. Скорѣй болѣе интереснымъ, съ точки зрѣнія научной, представляется вопросъ о томъ, какимъ образомъ могло сложиться такое странное ученіе. Какъ вы видите, физіократы строятъ свою схему изъ предположенія мѣнового хозяйства и мѣновой цѣнности. Чистый доходъ выражается въ деньгахъ. Онъ можетъ быть больше или меньше въ зависимости отъ цѣны хлѣба и вообще продуктовъ земледѣлія, поэтому не нужно понимать ученіе физіократовъ о производительности одного земледѣлія, о чистомъ доходѣ въ грубо натуралистическомъ смыслѣ. Рѣчь идетъ о мѣновыхъ отношеніяхъ цѣнностей. Въ этомъ смыслѣ физіократы были сторонниками повышенія чистаго дохода въ земледѣліи, которое понималось не только въ смыслѣ натуральномъ, но и въ смыслѣ торговли, въ смыслѣ мѣновомъ, въ смыслѣ поднятія цѣнъ на продукты земледѣлія.

Если политика меркантилизма разсматривала земледѣліе лишь какъ средство для развитія промышленности, то здѣсь, напротивъ, земледѣліе вызываетъ совершенно другую оцѣнку. Физіократы являются рѣшительными сторонниками высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, обезпечивающихъ большую доходность земледѣлія. Въ числѣ тѣхъ положеній экономической политики Кенэ, изъ которыхъ два я приводилъ, значится, между прочимъ, такое: „Земли, предназначенныя для культуры зерновыхъ хлѣбовъ, слѣдуетъ соединять по возможности въ большіе участки, эксплуатируемые богатыми фермерами, т.к. въ крупныхъ земледѣльческихъ предпріятіяхъ, сравнительно съ мелкими, издержки на содержаніе и ремонтъ менѣе значительны, расходы гораздо ниже, чистый продуктъ несравненно значительнѣй. Многочисленность мелкихъ фермеровъ не выгодна для населенія."

Это относится къ повышенію чистаго продукта въ его натуральномъ видѣ. Затѣмъ слѣдуетъ такое положеніе: Государство не должно стремиться къ пониженію цѣнъ на съѣстные продукты и товары, такъ какъ обоюдная иностранная торговля ока-

залась бы въ этомъ случаѣ невыгодной для націи. Какова продажная цѣнность, таковъ и доходъ: изобиліе и низкія цѣны не создаютъ богатства. Неурожай при дороговизнѣ цѣнъ является бѣдствіемъ. Изобиліе же, сопутствуемое высокими цѣнами, создаетъ громадныя богатства."

Физіократы заботятся, стало быть, болѣе о мѣновой цѣнности, нежели о потребленіи, и въ этомъ отношеніи они являются предстаавителями мѣноваго хозяйства, которое для своего развитія требуетъ извѣстныхъ рыночныхъ условій. Изъ исторіи и изъ экономики земледѣлія можно многократно убѣдиться въ томъ, насколько физіократы были вообще правы въ оцѣнкѣ значенія извѣстнаго уровня цѣнъ, необходимаго для прогресса земледѣлія. Лучшей политикой, какъ я уже указывалъ, наиболѣе обезпечивающей интересы земледѣлія, физіократы считаютъ свободу торговли, но, вѣрные своему исходному принципу, они стоятъ однако за нѣкоторыя ограниченія ея. Именно, свобода торговли не должна распространяться на ввозъ хлѣба внутрь страны. Такую конкуренцію внутреннему земледѣлію они считаютъ невозможной, недопустимой.

Въ связи съ этимъ ученіемъ о производительности только земледѣлія стоитъ другое, не менѣе знаменитое ученіе физіократовъ, о такъ называемомъ единомъ налогѣ.

Изъ ученія о финансахъ вы узнаете, что мысль о замѣнѣ взиманія разнообразныхъ налоговъ однимъ налогомъ, взимаемымъ только съ одного какого-нибудь податнаго объекта, весьма настойчиво напрашивалась въ разное время у разныхъ финансовыхъ дѣятелей. И физіократы, исходя изъ своего предположенія о производительности только земледѣлія, по своему, логически заключаютъ, что разъ чистый доходъ производится только въ земледѣліи, а налогъ долженъ затрагивать только чистый доходъ, то обложеніе земледѣлія есть лучшій способъ для взиманія налога. Кратчайшій путь совершаетъ налогъ, взимаемый у самаго источника обложенія. Въ какой бы стадіи общественнаго производства мы ни взимали налогъ, это приведетъ неизбѣжно къ тому, что, перелагаясь съ одного плательщика на другого, онъ будетъ взиматься съ чистаго дохода, т.е. съ земледѣлія, и потому самой раціональной формой обложенія физіократы считали налогъ на земельную ренту, на земельный доходъ. Этимъ нало-

гомъ они предполагали замѣнить всѣ остальные налоги. Эта идея, между прочимъ, подала поводъ Вольтеру къ ѣдкимъ насмѣшкамъ надъ физіократами. Вольтеръ написалъ разсказъ - "Человѣкъ, имѣющій 40 экю" (L'homme aux 40 écus), въ которомъ высмѣиваетъ эту физіократическую идею единаго налога. Опять таки не стоитъ особенно останавливаться на опроверженіи этой идеи съ современной точки зрѣнія, потому что она настолько связана съ общимъ физіократическимъ ученіемъ, что и держится и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Можно отмѣтить, что въ новое время наблюдается своеобразное возрожденіе физіократизма. Если мы знаемъ неомеркантилизмъ въ настоящее время, то знаемъ и неофизіократизмъ. Я разумѣю Генри Джорджа, въ доктринахъ котораго много сроднаго (сознательнаго или несознательнаго - вопросъ несущественный) съ физіократами. Джорджъ, подтверждая мысль физіократовъ объ особой производительности земледѣлія, предлагаетъ, въ качествѣ мѣры универсальной, установленіе единаго налога на землю, который поглотилъ бы земельную ренту.

Заслуживаютъ замѣчанія воззрѣнія Кенэ на вопросъ о народонаселеніи. Меркантилисты считали, что умноженіе населенія есть во всякомъ случаѣ благо, къ которому должна стремиться государственная политика. Физіократы, жившіе въ болѣе позднюю эпоху и тогда, когда бѣдствія перенаселенія въ дореволюціонной Франціи давали себя знать, стали смотрѣть на этотъ вопросъ совершенно другими глазами, и въ этомъ отношеніи они являются предшественниками Мальтуса, именно въ томъ, что устанавливали связь населенія со средствами существованія, и зависимость одного отъ другого. Кенэ считаетъ, что лучшимъ и единственнымъ средствомъ умноженія населенія является развитіе производительнаго труда, т.е. на его языкѣ, земледѣльческаго труда. Но онъ уже констатируетъ, въ сущности предвосхищая положеніе Мальтуса, что населеніе стремится опередить достигнутое развитіе производительныхъ силъ, и что въ этомъ своемъ стремленіи къ увеличенію оно наталкивается на барьеръ, полагаемый достигнутой степенью развитія производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Кенэ можно считать предшественникомъ Мальтуса.

Наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить его чрезвычайно глубокій

и искренній демократизмъ; можетъ показаться, что Кенэ, защитникъ крупной собственности, капиталистическаго фермерскаго землевладѣнія, подвергающій суровой критикѣ мелкое крестьянское потребительное хозяйство, что онъ смотритъ на жизнь глазами безучастнаго теоретика, интересующагося лишь стройностью выводовъ „Экономической таблицы" или отвлеченнымъ народнымъ хозяйствомъ, его умноженіемъ, забывая о томъ, для кого это богатство существуетъ - о народѣ. Такой упрекъ по отношенію къ Кенэ былъ бы такъ же несправедливъ, какъ несправедливы были упреки (я позволю сдѣлать смѣлую аналогію) по отношенію къ нашимъ неомаксистамъ въ 90-хъ годахъ, которыхъ обвиняли въ томъ, что они хотятъ обезземелить наше крестьянство, тогда какъ они видѣли въ этомъ лишь историческую неизбѣжность. Въ равнодушіи къ интересамъ народа нельзя обвинять Кенэ, эпиграфомъ на своемъ сочиненіи выставившаго положеніе, которое можетъ считаться руководящимъ лейтмотивомъ его экономической дѣятельности, именно: „Если бѣденъ народъ, то бѣдна казна, если бѣдна казна, то бѣденъ король, т.е. государство". Такимъ образомъ, въ основу государственнаго и финансоваго благополучія, забота о которомъ слѣпила глаза меркантилистовъ и заставляла забывать о народныхъ интересахъ, о народной кровной нуждѣ, Кенэ кладетъ именно благосостояніе этого народа. Его искреннія симпатіи къ французскому крестьянству и желаніе ему помочь тѣми средствами, которыя онъ считалъ наиболѣе цѣлесообразными и научными, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Либерализмъ, ученіе объ экономической свободѣ, о невмѣшательствѣ государства, въ настоящее время связывается съ представленіемъ о чемъ то „буржуазномъ" или, точнѣе сказать, несоотвѣтствующемъ интересамъ народа. Это мнѣніе о либерализмѣ Кенэ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Кенэ въ своемъ либерализмѣ настолько же демократиченъ, настолько же руководился пониманіемъ нуждъ народа и стремленіемъ ихъ удовлетворить, какъ это въ настоящее время слѣдуетъ признать за соціалистами. Либерализмъ Кенэ, какъ и соціализмъ нашего времени, въ этомъ смыслѣ есть только средство, только извѣстнаго характера экономическая политика, которую по тѣмъ или другимъ причинамъ считаютъ

наиболѣе цѣлесообразной для того, чтобы выйти изъ извѣстныхъ экономическихъ затрудненій, устранить извѣстную сумму экономическихъ золъ. Такъ что по задачамъ и нравственнымъ мотивамъ Кенэ несомнѣнно является предшественникомъ соціализма или продолжаетъ собой тотъ демократическій потокъ, то демократическое теченіе въ экономической мысли, которое развивается въ дальнѣйшей исторіи политической экономіи и на нашихъ глазахъ. И нужно поставить не на минусъ, а на плюсъ ученію Кенэ замѣчательную особенность его ученія, именно то, что въ изображеніи процесса общественнаго производства Кенэ является первымъ изъ писателей экономистовъ, который разсматриваетъ хозяйство, какъ общественный процессъ, какъ общественное хозяйство, совершенно отрекшись отъ частно-хозяйственной точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи я всегда считалъ, и мнѣ кажется нельзя не считать, что настоящимъ творцомъ политической экономіи, въ буквальномъ смыслѣ слова, является не Адамъ Смитъ, а Кенэ, потому что Кенэ поставилъ вопросъ о народномъ хозяйствѣ, какъ вопросъ общественнаго производства, общественнаго обмѣна, извѣстныхъ общественныхъ соотношеній. Онъ поставилъ тотъ вопросъ, которымъ политическая экономія, въ узкомъ смыслѣ слова, занимается, занималась и должна заниматься. Кенэ выпало на долю вызвать къ себѣ, съ одной стороны, исключительную привязанность и восторженное отношеніе, а съ другой - рѣзкое отрицаніе и даже враждебность. Представители школы, имъ основанной, считали его однимъ изъ мудрецовъ и благодѣтелей человѣчества, наравнѣ съ Сократомъ. Открытіе „Экономической таблицы" Мирабо приравнивалъ къ изобрѣтенію письма и монеты. Но не было недостатка въ критикахъ и враждебныхъ. Въ числѣ этихъ критиковъ заслуживаетъ упоминанія Вольтеръ, который сначала относился къ физіократамъ отрицательно, а затѣмъ сдѣлался другомъ и поклонникомъ Тюрго и другихъ физіократовъ. Затѣмъ, изъ крупныхъ противниковъ физіократовъ слѣдуетъ упомянуть еще Мабли, одного изъ коммунистовъ XVIII вѣка, который въ числѣ другихъ мотивовъ противъ физіократовъ выставлялъ ихъ приверженность къ частной собственности и возведеніе частной собственности въ естественное право, составляющее основу ученія физіократовъ. Это было для коммунистическаго настроенія Мабли глубоко антипатично. Съ точки зрѣнія реалистической политики физіократовъ

критиковалъ аббатъ Гальяни. Онъ доказывалъ, что нѣтъ и не можетъ быть такой универсальной политики, которую физіократы видѣли въ свободѣ торговли, что иногда такая политика можетъ быть цѣлесообразна, полезна и желательна, но въ другихъ случаяхъ нуженъ протекціонизмъ.

Что касается школы физіократовъ и ея послѣдователей, то можно назвать рядъ крупныхъ экономистовъ физіократической школы, изъ которыхъ каждый представляетъ собой болѣе или менѣе значительную величину.

Общее собраніе сочиненій всѣхъ физіократовъ въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка было издано на французскомъ языкѣ Дюпономъ, который во вступительной статьѣ далъ характеристику физіократовъ.

Кромѣ названныхъ мною - Мирабо, Мерсье-де-Ларивьера, Гурнэ - слѣдуетъ отмѣтить еще Летрона и въ особенности Тюрго, извѣстность котораго соперничаетъ съ извѣстностью самого Кенэ.

Тюрго былъ государственный дѣятель предреволюціонной эпохи.

Онъ родился въ 1727 году, въ семьѣ купеческаго старосты въ Парижѣ, и здѣсь готовился къ духовному званію. Онъ былъ избранъ пріоромъ въ Сорбоннѣ, но рѣшилъ отказаться отъ духовнаго званія. Здѣсь онъ началъ знакомиться съ физіократами и энциклопедистами и особенно подружился съ Гурнэ. Въ 1761 Тюрго былъ сдѣланъ интендантомъ Лиможскаго губернаторства и старался принимать всякія мѣры къ развитію благосостоянія населенія, особенно же къ борьбѣ съ голодовками. Онъ сдѣлалъ здѣсь рядъ опытовъ примѣненія мѣръ физіократовъ по отношенію къ упорядоченію торговли, и такъ какъ эти опыты ему удались, то онъ сдѣлался еще большимъ энтузіастомъ этихъ идей. Послѣ смерти Людовика XV, при Людовикѣ XVI, Тюрго былъ сдѣланъ министромъ торговли въ 1776 году, а затѣмъ генеральнымъ контролеромъ финансовъ. Его дѣятельность въ качествѣ министра финансовъ уже принадлежитъ исторіи. Но въ 1778 году онъ получилъ отставку. Умеръ онъ въ Версалѣ въ 1781 году. Его главное сочиненіе носитъ названіе: „Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатства," „Reflexions sur la formation et la distribution des richesses". Оно было написано въ 1776 г. для

двухъ китайскихъ студентовъ, возвращавшихся изъ Франціи на родину, и изложено въ видѣ параграфовъ числомъ въ 100. Въ началѣ этого трактата Тюрго останавливается надъ вопросомъ о причинахъ происхожденія торговли. Если бы земля была раздѣлена, разсуждаетъ Тюрго, въ такомъ количествѣ, что каждый производилъ бы продукты труда, достаточные только для себя, то въ такомъ случаѣ не было бы торговли. Но онъ считаетъ это предположеніе невозможнымъ вслѣдствіе того, что свойства земли различны, а человѣческія потребности многочисленны. Благодаря этому возникаетъ обмѣнъ. При обмѣнѣ земледѣліе является, на ряду съ другими отраслями народнаго труда, лишь одной изъ этихъ отраслей, сохраняя однако свое исключительное значеніе - быть единственнымъ источникомъ существованія общества. Изъ земледѣлія оплачивается трудъ, какъ рабочихъ, занятыхъ въ земледѣльческихъ отрасляхъ труда, такъ и всѣхъ остальныхъ нерабочихъ членовъ общества, поэтому классъ земледѣльцевъ онъ называетъ классомъ производительнымъ, classe productive. Но земля становится собственностью отдѣльнаго класса землевладѣльцевъ, а воздѣлываетъ ее рабочіе, такъ что классъ производительный, classe productive, распадается на два класса: 1) собственниковъ и 2) рабочихъ. Классъ непроизводительный или оплачиваемый, classe stipendiée, тоже распадается на рабочихъ и на нерабочихъ, т.е. капиталистовъ.

Тюрго въ общемъ пользовался ходомъ мысли Кенэ и физіократической школы. Онъ особенно останавливается надъ вопросомъ о капиталѣ и происхожденіи прибыли на капиталъ. Происхожденіе капитала Тюрго объясняетъ изъ сбереженія. Назначеніе его можетъ быть различно. Онъ можетъ быть употребленъ на покупку земли, затѣмъ на мануфактуры и, наконецъ, можетъ быть приложенъ къ воздѣлыванію земли, торговлѣ и отдачѣ въ ростъ. Какъ бы ни распредѣлялся капиталъ въ различныхъ отрасляхъ труда, во всякомъ случаѣ остается неопровержимымъ то положеніе, что сумма національнаго богатства страны составляется изъ годового чистаго продукта земледѣлія, которая, только обращаясь по разнымъ каналамъ, въ разныхъ формахъ, образуетъ чистый доходъ. Тюрго, какъ и Кенэ, поэтому является сторонникомъ мнѣнія, что земледѣліе есть первоначальный и единственный источникъ всякаго богатства, и, исходя изъ этого, онъ является сторонникомъ единаго налога.

Въ исторіи политической экономіи трактатъ Тюрго заслуживаетъ вниманія главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что здѣсь онъ выступаетъ съ изложеніемъ изученія экономической дѣйствительности, наиболѣе приближающимся какъ къ Адаму Смиту, такъ и вообще къ современной политической экономіи, т.е. включающимъ въ себѣ анализъ не только земледѣлія, но и капитала и капиталистическаго производства, хотя и въ весьма загадочной формѣ.

Физіократы сыграли свою роль на континентѣ, они провозгласили тамъ идеи естественной свободы и защиту земледѣлія, и вліяніе ихъ во французской исторіи, хотя иногда и косвенное, можно прослѣдить уже въ судьбахъ революціоннаго законодательства. Ихъ вліяніе на умы можно наблюдать и за предѣлами Франціи, напр., въ Германіи. Были сторонники этихъ идей и въ другихъ странахъ, и у насъ въ Россіи Екатерина II находилась въ личномъ знакомствѣ и перепискѣ съ представителями физіократовъ, хотя дальше этой переписки не шла. За предѣлами Франціи вліяніе физіократовъ вообще было менѣе, нежели у себя на родинѣ.

Теперь намъ слѣдуетъ перенестись опять въ Англію съ тѣмъ, чтобы обратиться къ знакомству съ Адамомъ Смитомъ, имѣющимъ для Англіи значеніе, аналогичное съ тѣмъ, какое имѣли физіократы для Франціи, и вообще занимающимъ въ политической экономіи исключительное мѣсто.

Адамъ Смитъ родился въ 1723 году въ Шотландіи, въ семьѣ нотаріуса. Онъ учился въ Глазговскомъ университетѣ и былъ командированъ въ Оксфордъ, гдѣ занимался главнымъ образомъ философіей. Занятія философіей и были его главной спеціальностью. Въ Глазговѣ онъ сдѣлался профессоромъ реторики и эстетики, потомъ логики и нравственной философіи.

Въ 1764 онъ оставилъ профессуру и сталъ путешествовать по Европѣ, былъ въ Парижѣ, посѣтилъ Кенэ, котораго настолько высоко чтилъ, что предполагалъ посвятить ему „Богатство народовъ", вышедшее однако послѣ смерти Кенэ. Несомнѣнно, онъ въ извѣстной степени подчинялся вліянію идей Кенэ. Послѣ двухлѣтняго путешествія онъ возвратился въ родной городъ и уединился на долгій срокъ, почти на 8 лѣтъ, оставилъ профессорскую дѣятельность, отказавшись отъ всякихъ публичныхъ выступленій,

всецѣло сосредоточившись на обработкѣ своего труда, „Богат - ства народовъ". Черта, во всякомъ случаѣ, отмѣчающая крупный умъ и могучій духъ, эта способность уйти въ себя на много лѣтъ съ тѣмъ, чтобы выносить въ себѣ значительное произве - деніе. Въ 1773 году онъ переселился въ Лондонъ, гдѣ и началъ печатаніе своего труда (въ 1775 г.), выпустилъ же его въ 1776 году. Скончался Адамъ Смитъ въ Эдинбургѣ въ 1778 г. Семьи онъ не имѣлъ и былъ одинокимъ. Вотъ внѣшній скелетъ его біо - графіи, неблещущей событіями. Гораздо интереснѣй его духовный обликъ. Когда приходится характеризовать міровоззрѣніе чело - вѣка, занимающаго такую видную роль въ исторіи экономической науки, и въ то же время имѣющаго общее міровоззрѣніе, не вмѣ - щающееся въ область экономической науки, то тогда является очень большое затрудненіе съ той стороны, что это общее мі - ровоззрѣніе стоитъ обыкновенно въ тѣснѣйшей связи съ совре - менниками и предшественниками даннаго писателя въ области фи - лософіи. Между тѣмъ вводить ученія этихъ философскихъ пред - шественниковъ и современниковъ въ курсъ исторіи политической экономіи невозможно, поэтому приходится быть скромнымъ и ог - раничиваться самыми общими указаніями въ такомъ важномъ воп - росѣ.

Относительно Адама Смита, также какъ и относительно фи - зіократовъ, слѣдуетъ сказать и запомнить, что экономическое міровоззрѣніе Адама Смита, его „Богатство народовъ", есть только уголокъ, одна изъ подробностей его общаго міровоззрѣ - нія, разработаннаго по широкому философскому плану. Да и былъ онъпрофессоромъ нравственной философіи, такъ что его эконо - мическая система вошла лишь какъ одинъ изъ отдѣловъ нрав - ственной философіи, которую онъ читалъ въ Глазговскомъ уни - верситетѣ.

Адамъ Смитъ находится въ тѣсной связи съ шотландскими ма - теріалистами и философами, его предшественниками и современ - никами. Если выразить отличительныя черты его міровоззрѣнія въ грубой формѣ, то можно сказать, что вообще міровоззрѣніе его есть оптимистическій англійскій деизмъ. Исходной точкой его философіи является чисто религіозное ученіе о Богѣ, Ко - тораго отличительныя черты суть мудрость и благость, и эти черты положены въ основу его міросозерцанія. Для осуществле-

нія этихъ цѣлей мудрость нуждается въ рядѣ посредствующихъ причинъ, дѣйствующихъ одна на другую по силѣ естественной необходимости, съ механической обусловленностью. Но этотъ естественный механизмъ, который представляется мертвымъ и не имѣющимъ въ себѣ активной цѣли, на самомъ дѣлѣ есть только средство для безконечной мудрости, только инструментъ для осуществленія божественныхъ цѣлей. „Колеса міра устроены такъ, что въ своемъ движеніи производятъ порядокъ, гармонію, красоту и блаженство." Въ этомъ исходномъ пунктѣ міровоззрѣнія Адама Смита и Кенэ можно усмотрѣть весьма большое сходство, хотя философское объясненіе этой точки зрѣнія у нихъ весьма различно. Подобно тому, какъ естествоиспытателями изучаются законы міра для того, чтобы понять механизмъ внѣ насъ лежащій, общественный дѣятель, изучающій науку о человѣкѣ, изучаетъ человѣческую душу и ея мотивы для того, чтобы понять механизмъ человѣческой души и ту необходимость, съ которой мотивы чередуются между собой и приводятъ ее къ извѣстному дѣйствію.

Задача философской политики заключается, поэтому, съ точки зрѣнія міровоззрѣнія Адама Смита въ томъ, чтоби, понимая и изучая этотъ механизмъ, уже не внѣшній, а внутренній механизмъ человѣческой души, человѣческихъ мотивовъ, отмѣчать и раскрывать заложенный въ человѣческой душѣ Творцомъ порядокъ, приводящій къ гармоніи. Человѣческая душа, по ученію Адама Смита, обладаетъ различными стремленіями, различными мотивами, въ числѣ которыхъ существуютъ мотивы характера альтруистическаго, связанные съ чувствомъ симпатій, и мотивы характера эгоистическаго, связанные съ естественнымъ себялюбіемъ. Смитъ, выводя эти мотивы, не противопоставляетъ ихъ одинъ другому, какъ мотивы нравственные и безнравственные; напротивъ, исходя изъ своей идеи о существованіи общей міровой гармоніи, о существованіи порядка въ мірѣ, дѣйствующаго съ естественною необходимостью, онъ считаетъ, что и тѣ и другія человѣческія дѣйствія служатъ на благо, какъ человѣку, такъ и человѣчеству. Поэтому этическій законъ для человѣка у него является слѣдствіемъ этихъ естественныхъ стремленій человѣка въ тѣхъ границахъ, которыя опредѣляются совѣстью. Благодаря этому, Смитъ не разрываетъ и не противопоставляетъ мотивовъ характера альтруистическаго и мотивовъ характера эго-

истическаго, а, напротивъ, констатируетъ присутствіе ихъ въ человѣческой душѣ рядомъ. Изучая ихъ, онъ съ одной стороны, развиваетъ систему, основанную на благожелательности, на альтруизмѣ, а съ другой стороны, изучаетъ то, что получается вслѣдствіе дѣйствія мотивовъ эгоистическихъ. Очень много недоразумѣній въ исторіи политической экономіи связано съ этимъ основнымъ пониманіемъ человѣческой природы у Адама Смита. Дѣло въ томъ, что, кромѣ „Богатства народовъ", и раньше его, Адамъ Смитъ написалъ сочиненіе по нравственной философіи, которое называется „Теорія нравственныхъ чувствъ". Это сочиненіе вышло въ 1759 г. и выдержало при жизни автора шесть изданій. Это сочиненіе представляетъ собой изслѣдованіе нравственной природы человѣка и нравственной жизни, которая развивается на основѣ этой природы. Въ основу нравственной жизни положено здѣсь чувство симпатіи, мотивы альтруистическіе. Подъ симпатіей Адамъ Смитъ подразумѣваетъ всякое переживаніе человѣческой личности, которое сопереживается другой человѣческой личностью, такъ что сочувствіе здѣсь понимается буквально: чувство вызываетъ въ другой человѣческой душѣ извѣстный резонансъ. И по мнѣнію Смита, то, что вызываетъ человѣческую симпатію, вмѣстѣ съ тѣмъ является нравственнымъ; чувство симпатіи онъ полагаетъ вообще въ основу нравственной оцѣнки. Даже понятіе совѣсти Адамъ Смитъ сводитъ къ такому сужденію другихъ, хотя и придаетъ ей значеніе внутренняго сдерживающаго мотива; но это значеніе совѣсти уже производное; ея первоначальное происхожденіе связано съ чувствомъ симпатіи. Въ основѣ моральныхъ требованій у Смита лежитъ начало религіозное, заповѣдь Божія. Сущность этой заповѣди Божьей заключается въ томъ, что она требуетъ содѣйствія человѣческому счастью, такъ что человѣкъ, дѣйствующій по мотивамъ морали, является какъ бы сотрудникомъ Бога Несоотвѣтствіе между наказаніемъ и наградой за дѣла человѣческія, которое наблюдается въ этой жизни, Смитъ устраняетъ ссылкой на будущую жизнь. при чемъ часто говоритъ о невидимой рукѣ, направляющей распредѣленіе благъ и экономическую жизнь. Природа такъ устроена, что то, что осуждается совѣстью и нравственными чувствами, то вредно для общества. Вотъ основная мысль, которая положена и разработана подробно въ сочиненіи: „Теорія нравственныхъ чувствъ". Слѣдовательно, спеціальный

предметъ изученія этой книги есть вліяніе альтруистическихъ мотивовъ; но такъ какъ Смитъ констатируетъ въ человѣкѣ рядомъ съ альтруистическими и мотивы эгоистическіе, то рядомъ съ изученіемъ мотивовъ альтруистическихъ онъ ставитъ себѣ задачей изученіе мотивовъ эгоистическихъ въ различныхъ сторонахъ приложенія къ жизни и въ частности къ экономической дѣятельности. И „Богатство народовъ" явилось какъ бы одной изъ главъ его этической, общефилософской системы - именно главой, изучающей вліяніе эгоистическихъ мотивовъ. Въ этомъ отношеніи планъ чтенія Адама Смита былъ даже шире, чѣмъ это выражено въ двухъ его сочиненіяхъ, именно общій предметъ, по которому Адамъ Смитъ читалъ лекціи, распадается на такія четыре части: въ первой части онъ излагаетъ естественную теологію, во второй части - этику, въ третьей - юриспруденцію, въ четвертой онъ подвергалъ изслѣдованію тѣ „политическія мѣропріятія, которыя основываются на практической неотложности и имѣютъ въ виду увеличить благосостояніе, силу и богатство государства". Въ дальнѣйшемъ была намѣчена система эстетики и, наконецъ, цѣлый рядъ другихъ вопросовъ общественнаго характера. Если забыть или не принять во вниманіе этотъ общій планъ работъ Адама Смита и его міровоззрѣніе, то покажется, что между „Теоріей нравственныхъ чувствъ" и „Богатствомъ народовъ" существуетъ не только несогласованность, а прямо противорѣчіе. Въ одномъ онъ разсматриваетъ человѣка, какъ существо, дѣйствующее по мотивамъ альтруизма, а въ другомъ, какъ существо, преслѣдующее исключительно свою выгоду. „Богатство народовъ" выработало ту фикцію, которая была принята и развита дальше въ политической экономіи, которая осталась даже въ марксизмѣ, фикцію о такъ называемомъ „экономическомъ человѣкѣ", т.е. такое предоставленіе о человѣкѣ, что человѣкъ руководится всегда и во всемъ исключительно мотивами сабялюбія, экономическаго разсчета. Это у Адама Смита однако не противорѣчіе, а просто спеціализація изученія различныхъ сторонъ дѣятельности человѣческой души, при чемъ одно восполняетъ у него другое. „Богатство народовъ", которое считается общепризнаннымъ, какъ первый трактатъ современной политической экономіи, и является, во всякомъ случаѣ, классическимъ сочиненіемъ экономической науки, и по своему происхожденію

представляетъ изъ себя какъ бы прикладной отдѣлъ нравственной философіи. Послѣдняя, стало быть, явилась колыбелью для политической экономіи.

Нужно особенно обратить вниманіе на тотъ историческій фактъ, что у физіократовъ и у Адама Смита политическая экономія есть только часть или глава болѣе общаго широкаго міровоззрѣнія и далека отъ той односторонней спеціализаціи, какъ теперь.

Что касается самого сочиненія и общей оцѣнки его, то можно сказать, что оно представляетъ изъ себя произведеніе несомнѣнно выдающагося ума, тонкаго наблюдателя и сосредоточеннаго мыслителя. Оно не является въ то же время произведеніемъ творческаго духа, которое бы пролагало новые пути. Въ этомъ отношеніи Адамъ Смитъ стоитъ ниже, чѣмъ его предшественникъ Франсуа Кенэ. Значеніе Адама Смита не въ томъ, что онъ сказалъ новое, но главнымъ образомъ въ томъ, что онъ старое сказалъ такъ, что оно послышалось какъ бы по-новому. Это есть особое свойство литературнаго и научнаго таланта, которое имѣетъ самостоятельную цѣнность на ряду съ научнымъ творчествомъ; но смѣшивать ихъ не слѣдуетъ. Совершенно несправедливо было бы считать, на основаніи этой оцѣнки, Адама Смита какимъ то компиляторомъ. Его работа есть, во всякомъ случаѣ, творческая работа. Что касается внѣшней формы плана сочиненія, то она страдаетъ несистематичностью, такъ что даже существуютъ особые указатели относительно порядка, въ какомъ его нужно читать, чтобы оно было естественно и послѣдовательно. Но эта несистематичность изложенія не доказываетъ, чтобы ея не было въ головѣ у Смита, или что онъ не руководился какой-либо опредѣленной мыслью для приданія того или другого внѣшняго порядка своему сочиненію. Но эти соображенія были не столько теоретическія, сколько практическія.

Свое сочиненіе Смитъ раздѣляетъ на пять книгъ. Первая книга посвящена вопросу о „причинахъ, вслѣдствіе которыхъ увеличивается производительная сила труда и порядокъ, по которому произведенія труда естественнымъ образомъ распредѣляются между разными классами людей". Подъ этой неопредѣленной рубрикой онъ изслѣдуетъ ученіе о трудѣ и раздѣленіи труда, о заработной платѣ, о прибыли на капиталъ и о рентѣ и, наконецъ,

нѣкоторыя данныя объ употребленіи денегъ. Вторая книга посвящена вопросу о природѣ запасовъ и капитала. Здѣсь онъ изучаетъ условія капиталистическаго производства. Третья книга носитъ характеръ исторически-описательный, трактуетъ объ общемъ ходѣ развитія хозяйствъ у разныхъ народовъ и соотвѣтствуетъ нашей теперешней исторіи хозяйственнаго быта. Четвертая книга даетъ общую картину историческаго развитія системъ политической экономіи. Здѣсь онъ главнымъ образомъ считается съ меркантилизмомъ въ теоріи и въ практикѣ. Наконецъ, пятая книга посвящена вопросу о финансахъ.

Я познакомлю васъ съ основными экономическими идеями „Богатства народовъ" довольно подробно, въ виду того, что идея Адама Смита и его ученіе оказали большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе политической экономіи и въ значительной степени воспроизводятся въ современной политической экономіи.

Основное положеніе Адама Смита, съ котораго открывается „Богатство народовъ", есть та великая народно-хозяйственная идея, что истиннымъ источникомъ богатства народовъ, народнаго достоянія является народный трудъ.

Какъ глашатай этой идеи, Адамъ Смитъ не является, конечно, новаторомъ. Я уже сообщалъ, что и у Локка, и у Юма, и у Петти и у цѣлаго ряда предшественниковъ высказывалась мысль о томъ, что трудъ есть источникъ, причина цѣнностей, - тѣмъ не менѣе лишь Адамъ Смитъ эту идею положилъ въ основу пониманія всей экономической жизни; лишь именно онъ сдѣлалъ ее основаніемъ системы политической экономіи. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать, что такую роль въ исторіи политической экономіи идея труда играетъ только у Адама Смита. „Годовой трудъ народа, учитъ Смитъ, есть первоначальный запасъ, доставляющій ему для его годового потребленія всѣ предметы, необходимые или удобные для жизни, и всѣ эти предметы или бываютъ непосредственными продуктами этого труда или покупаются на него у другихъ народовъ". Въ этомъ провозглашеніи труда источникомъ богатства заключается молчаливая или скрытая полемика съ предшествующими ученіями, съ меркантилизмомъ и физіократами.

Положеніе Смита о томъ, что трудъ есть единственный источникъ богатства, можно дополнить отрицаніемъ основныхъ идей меркантилистовъ и физіократовъ, можно дополнить его прибавкой, что

„не земля и не деньги" - источникъ богатства.

Указывая на этотъ источникъ народнаго богатства, Смитъ предполагаетъ тѣмъ самымъ изслѣдовать механизмъ народнаго хозяйства глубже и всестороннѣе, нежели его предшественники, проследить судьбы и организаціи человѣческаго труда на протяженіи всего народнаго хозяйства.

Первыя наблюденія Адама Смита, которыя онъ дѣлаетъ относительно человѣческаго труда и которыми открывается книга первая „Богатства народовъ", относятся къ раздѣленію труда. „Самыя значительныя улучшенія производительной силы труда и наибольшая часть искусства, ловкости и ума, которыми онъ управляется или примѣняется къ дѣлу, обязаны, кажется, раздѣленію труда" - говоритъ Адамъ Смитъ. „Чтобы составить себѣ наглядным образомъ понятіе о томъ, какое вліяніе имѣетъ раздѣленіе труда на общую промышленность народа, достаточно только обратить вниманіе на послѣдствія примѣненія этого раздѣленія въ какомъ-нибудь отдѣльномъ производствѣ. Обыкновенно предполагаютъ, что раздѣленіе труда доведено до крайней степени на нѣкоторыхъ мануфактурахъ, гдѣ выдѣлываются предметы самой малой цѣнности. Въ дѣйствительности оно можетъ быть и не идетъ тамъ такъ далеко, какъ на нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ фабрикахъ; но дѣло въ томъ, что на мануфактурахъ, гдѣ производятся мелкіе предметы, требуемые обыкновенно небольшимъ числомъ потребителей, общее число рабочихъ на нихъ бываетъ невелико, и при томъ тѣ изъ нихъ, которые заняты въ отдѣльныхъ отрасляхъ одного и того же производства, часто могутъ быть собраны въ одной мастерской и находиться вмѣстѣ въ одно время передъ глазами наблюдателя. Напротивъ, на большихъ фабрикахъ, приготовляющихъ предметы потребленія для большой массы народа, каждая отдѣльная часть работы занимаетъ такъ много рабочихъ, что невозможно бываетъ собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ одной мастерской. На такихъ обширныхъ фабрикахъ можно видѣть вмѣстѣ только такихъ рабочихъ, которые дѣлаютъ какое-нибудь одно дѣло. Хотя на такихъ фабрикахъ работа въ дѣйствительности и раздѣлена на гораздо большее число отдѣльныхъ частей, чѣмъ на мануфактурахъ, однако тамъ это раздѣленіе менѣе замѣтно, а потому оно и меньше обращало на себя вниманіе". Для примѣра, чтобы понять раздѣленіе труда, Адамъ Смитъ останавливаетъ свое вниманіе на

знаменитомъ примѣрѣ булавочной мануфактуры, который переходитъ во всѣ учебники политической экономіи. Онъ говоритъ, что наблюдалъ булавочную мануфактуру, въ которой производство булавокъ раздѣлялось на 18 операцій, производимыхъ 10 рабочими, которые успѣвали сработать вмѣстѣ 48 тысячъ булавокъ въ день, такъ что на каждаго рабочаго приходилось 4800 булавокъ; а если бы не было раздѣленія труда, каждый не сработалъ бы и 20 булавокъ. Далѣе, изучая раздѣленіе труда, Адамъ Смитъ высказываетъ другое характерное наблюденіе, именно, что „такое раздѣленіе работъ бываетъ сильнѣй въ тѣхъ странахъ, которыя достигли наибольшей степени развитія; что въ обществѣ еще грубомъ составляетъ работу одного человѣка, то въ обществѣ болѣе развитомъ распредѣляется между многими рабочими. Въ каждомъ развитомъ обществѣ фермеръ всегда остается фермеромъ, фабрикантъ - фабрикантомъ. Трудъ, необходимый для окончательнаго производства какого-нибудь мануфактурнаго предмета, также почти всегда распредѣляется между большимъ числомъ рукъ". Въ приведенномъ сужденіи Смита о раздѣленіи труда высказывается соображеніе двоякаго характера. Съ одной стороны его соображенія относятся къ техническому раздѣленію труда или къ раздѣленію труда внутри мастерской. То, что онъ говоритъ о булавочной мануфактурѣ, касается техническаго раздѣленія труда, разложенія общаго производственнаго процесса на рядъ отдѣльныхъ операцій. Это раздѣленіе труда внутри мастерской, порученіе отдѣльныхъ операцій отдѣльнымъ рабочимъ вызывается техническими соображеніями производства, но оно само по себѣ еще не характеризуетъ общественной организаціи труда. Съ другой стороны Адамъ Смитъ говоритъ уже о раздѣленіи труда въ обществѣ, т.е. о раздѣленіи хозяйственныхъ задачъ между отдѣльными лицами. „Мануфактуристъ остается всегда мануфактуристомъ, фермеръ - фермеромъ, рабочій - рабочимъ и т.д." Эти два рода раздѣленія труда, которые Смитъ смѣшиваетъ или недостаточно различаетъ, - раздѣленіе труда техническое и общественное, въ мастерской и внѣ мастерской, - хотя и связаны между собой, но суть совершенно разныя вещи. Это смѣшеніе есть большой недостатокъ и неясность Смитовскаго анализа.

Между тѣмъ то и другое не совпадаютъ, потому что техническое раздѣленіе труда болѣе или менѣе свойственно каждой хозяйственной эпохѣ, а общественнымъ раздѣленіемъ труда отличаются

уже общественно-хозяйственныя эпохи и больше всего эпоха народнаго хозяйства. Но дѣлаетъ честь аналитическому уму Адама Смита то, что онъ останавливаетъ свое вниманіе прежде всего на этомъ фактѣ раздѣленія труда, потому что, дѣйствительно, основа народнаго хозяйства, того, которое изучалъ Адамъ Смитъ, т.е. хозяйство начинающагося капитализма и, во всякомъ случаѣ, развитого мѣноваго хозяйства, заключается въ широкомъ проведеніи раздѣленіи труда. Трудъ становится удивительнымъ по своей сложности и вмѣстѣ съ тѣмъ по своей силѣ. Необъятно въ виду той же сложности становится и зданіе народнаго хозяйства, которое изучаетъ политическая экономія. Изъ общаго курса политической экономіи вы знаете, что всѣхъ проблемъ, всѣхъ задачъ политической экономіи не было бы, если бы не было общественнаго раздѣленія труда. Вся экономическая жизнь имѣла бы характеръ частнаго хозяйства. Адамъ Смитъ понимаетъ все то великое, совершенно исключительное значеніе, которое имѣетъ это раздѣленіе труда: „это огромное умноженіе произведеній, - говоритъ Адамъ Смитъ, - всевозможныхъ искусствъ и ремеслъ, происходящее отъ раздѣленія труда, вызываетъ въ обществѣ, хорошо управляемомъ, общее благосостояніе, проникающее въ самые низшіе слои народа. У каждаго рабочаго остается большое количество труда, которымъ онъ вполнѣ можетъ располагать сверхъ того, что онъ употребляетъ на удовлетвореніе собственныхъ потребностей, а такъ какъ и другіе рабочіе находятся въ томъ же положеніи, то и является возможность взаимнаго обмѣна большаго количества продуктовъ, составляющихъ избытокъ этого труда. Одинъ рабочій можетъ обильно снабдить другихъ рабочихъ тѣмъ, что имъ нужно, и, въ свою очередь, получить отъ нихъ то, въ чемъ онъ самъ нуждается, вслѣдствіе чего и развивается общее благосостояніе во всѣхъ классахъ общества". Смитъ предлагаетъ далѣе: „присмотритесь, изъ чего въ странѣ образованной и развивающейся состоитъ движимое имущество простого поденщика или послѣдняго чернорабочаго и вы увидите, что невозможно даже пересчитать людей, которые своимъ трудомъ содѣйствовали снабженію его какой-нибудь частью этого имущества". Въ этомъ отношеніи онъ не видитъ даже разницы между отдѣльными общественными ступенями. „Правда, - говоритъ онъ дальше, - его обстановка покажется чрезвычайно простою и обыкновенною, если сравнить ее съ чрезвычайной роскошью большого барина; однако

между обстановкой какого-нибудь европейскаго государя и трудолюбиваго, домовитаго крестьянина не окажется, можетъ быть, такой разницы, какъ между обстановкой этого послѣдняго и какого нибудь африканскаго государя, властвующаго надъ десяткомъ тысячъ нагихъ дикарей и безусловно располагающаго ихъ свободой и самой жизнью". Естественно возникаетъ вопросъ, откуда же, какимъ образомъ появляется раздѣленіе труда, въ чемъ его источникъ? Адамъ Смитъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ просто и въ извѣстномъ смыслѣ, съ нашей теперешней точки зрѣнія, наивно. Онъ говоритъ, что раздѣленіе труда „есть необходимое, хотя медленно и постепенно развивающееся, послѣдствіе опредѣленнаго, враждебнаго всѣмъ людямъ стремленія, побуждающаго ихъ къ торгу, къ взаимному обмѣну одного предмета на другой безъ всякаго предвзятаго разсчета относительно ожидаемой отъ того выгоды". Дѣйствительно, въ современной политической экономіи, въ особенности въ современной исторической наукѣ, пролито много свѣта на то, какой сложный, продолжительный и многообразный процессъ - раздѣленіе труда и образованіе народнаго хозяйства. Нельзя, разумѣется, винить Смита за то, что онъ не располагалъ научными знаніями этой эпохи. Тамъ, гдѣ въ его время было пустое мѣсто, оно могло быть заполнено предположеніями болѣе или менѣе дедуктивнаго характера. Въ настоящее время наука представила богатый историческій матеріалъ, позволяющій болѣе точно формулировать вопросъ и на него отвѣтить.

Что касается естественныхъ и психологическихъ предпосылокъ раздѣленія труда, того, что ложится въ основу спеціалистовъ - людей, Адамъ Смитъ смотритъ очень просто и, пожалуй, грубо. Онъ полагаетъ, что „различіе врожденныхъ талантовъ у людей совсѣмъ не такъ велико, какъ мы воображаемъ себѣ, и различныя способности, которыми они, достигнувъ зрѣлаго возраста, отличаются по своимъ занятіямъ, составляютъ въ большинствѣ случаевъ не столько причину, сколько послѣдствіе раздѣленія труда. Различіе между людьми, посвятившими себя самымъ противоположнымъ занятіямъ, какъ напримѣръ, между философомъ и простымъ носильщикомъ, зависитъ гораздо менѣе отъ ихъ натуры, чѣмъ отъ привычекъ и воспитанія". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще рѣшительнѣе: „философъ по своей природѣ наполовину не представляетъ по своимъ способностямъ и уму такого отличія отъ носильщика, какое существуетъ между дворо

вою и борзою собакою, между борзою и лягавою, между лягавою и овчаркой. Тѣмъ не менѣе эти различныя породы животныхъ, хотя и принадлежатъ къ одному и тому же виду, почти безполезны другъ для друга". Разумѣется, много правды въ этомъ замѣчаніи. Справедливо, что въ настоящее время профессія и спеціальность опредѣляются въ значительной степени внѣшними условіями, образованіемъ, воспитаніемъ, экономическимъ положеніемъ и т.д. Про интеллектуальныя профессіи слѣдуетъ сказать то же самое; въ настоящее время образованіе, не только высшее, но и среднее, не каждому доступно. Высшія интеллектуальныя профессіи являются не столько принадлежностью исключительной одаренности, сколько извѣстнаго соціальнаго и имущественнаго положенія, и чѣмъ дальше идетъ нивеллировка въ образованіи, чѣмъ оно становится доступнѣе, тѣмъ больше это искусственное различіе уступаетъ мѣсто естественному. Но нельзя согласиться со Смитомъ въ стремленіи къ полному уничтоженію различій между людьми, потому что такой рѣдкій талантъ, какъ талантъ философа, нельзя получить воспитаніемъ; вся исторія культуры и человѣческой мысли говоритъ объ этомъ, и нужно признать, что Смитъ чрезмѣрно увлекся въ развитіи своей идеи.

Что касается размѣровъ раздѣленія труда, то Смитъ совершенно правильно и понятно устанавливаетъ, что размѣры раздѣленія труда опредѣляются рынкомъ. И современная историческая наука въ своемъ ученіи о стадіяхъ народнаго быта, о переходѣ хозяйства отъ стадіи семейнаго хозяйства къ городскому, отъ городского къ территоріальному и народному устанавливаетъ то же самое положеніе, что размѣры раздѣленія труда связаны съ размѣрами рынка. Отъ ученія о раздѣленіи труда Адамъ Смитъ переходитъ къ вопросу о деньгахъ. Обыкновенно, въ теперешнихъ учебникахъ политической экономіи ученіе о деньгахъ относится большею частью къ одному изъ послѣднихъ отдѣловъ экономической науки. Смитъ, который изслѣдуетъ раздѣленіе труда и обмѣнъ, естественно тотчасъ же наталкивается на то выдѣленіе обмѣна, на тотъ осадокъ, который получается при этомъ раздѣленіи труда и составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ для него условіе, именно останавливается на вопросѣ о деньгахъ. Изъ учебниковъ политической экономіи вы знаете все неудобство натуральнаго обмѣна и всю необходимость выработки, установленія такого товара, который бы

являлся всеобщимъ мѣновнымъ эквивалентомъ. Такимъ эквивалентомъ становятся деньги. Когда появляются деньги-товаръ, то возника - етъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ объ отношеніяхъ между деньгами и тѣми товарами, которые онѣ призваны обращать. Отношеніе между деньгами и товарами являются ихъ цѣной, а правиломъ, по которому опредѣляется ихъ цѣна, будетъ ихъ болѣе или менѣе устойчивая цѣнность. Это естественно приводитъ Адама Смита къ изслѣдованію нѣкоторыхъ коренныхъ вопросовъ теперешней теоретической экономіи, къ вопросу о цѣнности. „Слово цѣнность, - разсуждаетъ Адамъ Смитъ, а за нимъ и вся политическая экономія, - имѣетъ двоякое значеніе: цѣнность въ смыслѣ полезности предмета, т.е. цѣнность потребительная, и затѣмъ цѣнность въ смыслѣ выгоды, или цѣнность мѣновая". Смитъ останавливается передъ тѣмъ несоотвѣтствіемъ, которое существуетъ нерѣдко между этой мѣновой и потребительной цѣнностью. Смитъ говоритъ, что богатство, обладающее необходимой потребительной цѣнностью, имѣетъ нерѣдко меньшую мѣновую цѣнность, чѣмъ предметъ роскоши, и наоборотъ. „Нѣтъ, напримѣръ, ничего полезнѣе воды, но на нее почти нельзя ничего купить и едва ли возможно въ обмѣнъ на нее пріобрѣсть что-нибудь. Наоборотъ, алмазъ не имѣетъ почти никакой цѣнности въ отношеніи его непосредственнаго потребленія, а между тѣмъ на него постоянно вымѣнивается большое количество другихъ товаровъ". Въ установленіи этого несоотвѣтствія и въ разъясненіи правилъ, которыми опредѣляется обмѣнъ, Смитъ выработалъ свою теорію цѣнностей. „Человѣкъ богатъ или бѣденъ, смотря по тѣмъ средствамъ, на которыя онъ можетъ пріобрѣсть предметы необходимости, удобства или удовольствія въ жизни. Но съ тѣхъ поръ, какъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности установилось раздѣленіе труда, человѣкъ одинъ только личнымъ трудомъ своимъ можетъ добыть лишь весьма небольшую часть этихъ предметовъ, а наибольшую часть ихъ онъ можетъ получить только отъ труда другихъ. Слѣдовательно, человѣкъ бываетъ богатъ или бѣденъ, смотря по тому количеству труда, которое онъ въ состояніи заказать или купить. Такимъ образомъ, цѣнность всякаго предмета для того, кто, владѣя имъ, не желаетъ однако воспользоваться имъ для своего личнаго потребленія, а предполагаетъ промѣнять его на что-нибудь другое, равняется количеству труда, которое онъ можетъ купить или заказать на

него". Встъ первое опредѣленіе мѣновой цѣнности, которое дѣлаетъ Адамъ Смитъ. Это есть количество труда, которое можно получить взамѣнъ своего товара. „Слѣдовательно, трудъ есть дѣйствительное мѣрило мѣновой цѣнности всякаго товара". Въ дальнѣйшемъ развитіи этой идеи онъ даетъ варіантъ, въ значительной степени отличающійся отъ первоначальной формулировки: „дѣйствительная цѣна всякаго предмета, т.е. то, что каждый предметъ стоитъ въ дѣйствительности тому, кто хочетъ пріобрѣсть его, есть трудъ и усилія, которые онъ долженъ употребить самъ, чтобы пріобрѣсти этотъ предметъ. Что стоитъ въ дѣйствительности каждый предметъ тому, кто пріобрѣлъ его и хочетъ или самъ пользоваться имъ или промѣнять его на какой-нибудь другой предметъ, это - трудъ и усилія, которые онъ можетъ сберечь себѣ, обладая этимъ предметомъ, или которые можетъ возложить на другихъ." Тутъ уже получается впечатлѣніе, какъ будто Адамъ Смитъ вчитаетъ основой цѣнности трудъ, затраченный на производство товара. Вообще, въ теоріи цѣнности Адама Смита чередуются и остаются невыясненными эти два варіанта, - иногда основой цѣнности считается трудъ, который заключается въ товарѣ, иногда трудъ, на который вымѣнивается товаръ. Во всякомъ случаѣ, уже изъ приведенныхъ словъ можно заключить, что Адамъ Смитъ является уже вполнѣ сознательнымъ выразителемъ, такъ называемой, „теоріи трудовой цѣнности", которую дальше развилъ Рикардо, и которую отъ него восприняли нѣмецкіе соціалисты Родбертусъ и Марксъ. Эта народно-хозяйственная идея въ основѣ своей содержится у Смита. Все, что покупается на деньги или въ обмѣнъ на другіе товары, пріобрѣтается трудомъ, какъ и все то, что добываетъ человѣкъ въ потѣ лица своего. Въ дѣйствительности, деньги и поступающіе въ обмѣнъ товары облегчаютъ намъ напряженность нашихъ усилій. Въ нихъ содержится цѣнность извѣстнаго количества труда. Такимъ образомъ, трудъ былъ первоначальною цѣною, тою монетой, которая была заплачена при первоначальной покупкѣ всякаго предмета. Не за золото и серебро, а только за трудъ были первоначально куплены всѣ богатства міра, и цѣнность ихъ для того, кто владѣетъ ими теперь и старается промѣнять ихъ на новыя произведенія, совершенно равна количеству труда на которое онъ можетъ купить или заказать".

Я уже отмѣтилъ неясность двухъ варіантовъ, чередующихся въ ученіи Адама Смита. Эти черты такъ и остаются; но и при этой

неясности, идея трудовой цѣнности проводится совершенно послѣ - довательно, совершенно сознательно. Это станетъ еще очевиднѣй, когда мы остановимъ наше вниманіе на дальнѣйшихъ моментахъ оп - редѣленія цѣнности у Адама Смита. Онъ останавливается на томъ вопросѣ, что „хотя трудъ и составляетъ дѣйствительное мѣрило мѣновой цѣнности всѣхъ товаровъ, однако не имъ производится обыкновенно оцѣнка этой цѣнности. Часто бываетъ трудно опредѣ - лить отношеніе между двумя различными количествами труда, ибо не всегда это отношеніе опредѣляется только временемъ, употреб - леннымъ на двѣ различнаго рода работы. Тутъ необходимо еще при - нимать въ разсчетъ и различныя степени усилій и ловкости, кото - рыя пришлось употребить на работу. На одинъ часъ какой-нибудь тяжелой работы можетъ потребоваться больше труда, чѣмъ на два часа какой-нибудь легкой работы, или одинъ часъ занятія ремес - ломъ, на изученіе котораго было потрачено 10 лѣтъ жизни, можетъ потребовать на себя больше труда, чѣмъ обыкновенная работа въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, на которую способенъ всякій человѣкъ безъ предварительнаго приготовленія къ ней. Вѣдь не легко найти мѣрило для измѣренія труда или таланта; въ дѣйствительности же при взаимномъ обмѣнѣ произведеній двухъ различныхъ родовъ тру - да принимаются въ разсчетъ и тотъ и другой. Такой разсчетъ не имѣетъ конечно, никакихъ точныхъ основаній и устанавливается просто тѣмъ, что называется „торговаться" на рынкѣ, тою грубою справедливостью, которая, хотя и не имѣетъ никакой точности, од - нако совершенно достаточна для обычныхъ житейскихъ отношеній". Въ приведенномъ отрывкѣ Адамъ Смитъ останавливается надъ вопро - сомъ о томъ, какой же это трудъ, который можно считать основа - ніемъ цѣнностей? Мысль эта, которая выражается во всѣхъ трудовыхъ теоріяхъ цѣнности, особенно отчетливо формулирована у Маркса, именно, что трудъ измѣряется рабочимъ временемъ. Но тотчасъ же умъ наталкивается на препятствіе въ приложеніи этого начала. Ока - зывается, что одинаковое рабочее время можетъ вмѣщать различныя количества труда, благодаря различной интенсивности труда, бла - годаря неодинаковой тратѣ рабочей силы. Значитъ, единица рабоча - го времени въ качествѣ мѣрила единицы труда оказывается недоста - точной. Должны быть введены коррективы, что эта единица труда устанавливается лишь при одинаковой интенсивности, при одинако - вой заработной платѣ. Уже по этому одному можно сказать, что

трудовая теорія цѣнностей не можетъ быть послѣдовательной. Но есть еще болѣе серьезное препятствіе, на которое онъ же указываетъ. Это - различіе качества труда. Это различіе качества труда онъ объясняетъ или различіемъ подготовки или какимъ-нибудь особеннымъ талантомъ. Остается тотъ фактъ, что равныя количества труда, затраченныя въ равные промежутки времени, имѣютъ различную цѣнность. Марксъ чисто внѣшнимъ образомъ выходитъ изъ этого затрудненія, ссылаясь, вслѣдъ за Смитомъ, на практику рынка, указывая, что на рынкѣ эти различные виды труда, труда высшаго, квалифицированнаго, и труда рядового, обычнаго, приводятся между собой къ нѣкоторому равенству такимъ образомъ, что квалифицированный трудъ представляетъ изъ себя какъ бы въ нѣсколько разъ умноженный простой трудъ; такъ, одинъ часъ квалифицированнаго труда соотвѣтствуетъ 5,6 и больше часамъ простого труда. Но вопросъ именно въ томъ, какъ это происходитъ (а что происходитъ, это несомнѣнно, мы и безъ того знаемъ). Вопросъ для теоретической политической экономіи заключается не въ томъ, происходитъ ли это или не происходитъ, а въ томъ, чтобы указать правило, масштабъ, по которому это происходитъ. Указаніе же лишь на то, что это происходитъ на рынкѣ, есть косвенное признаніе невозможности объяснить это теоретически. Хотя у Маркса мы такого признанія не находимъ, скорѣй даже у него можно получить такое впечатлѣніе, какъ будто бы имъ дано это объясненіе, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Въ этомъ отношеніи Смитъ прямѣе, проще и откровеннѣе. Онъ просто указываетъ на то, что называется „торговаться", на ту грубую справедливость, которая хотя и не имѣетъ никакой точности, но совершенно достаточна для обычныхъ житейскихъ отношеній. Такъ что тѣ поправки, тѣ неизбѣжныя ограниченія принципа опредѣленія цѣнности трудомъ, которыя впослѣдствіи дѣлаютъ и Марксъ и частью Рикардо, имѣются отчасти уже у Адама Смита.

Установивъ это общее начало мѣновой цѣнности въ видѣ труда, Смитъ переходитъ къ явленіямъ обмѣна въ болѣе сложномъ видѣ, т.е. предполагая присутствіе денегъ. На рынкѣ между товарами становятся деньги, и та пропорція труда, которая приравнивается въ различныхъ товарахъ, обезличивается и превращается въ деньги, измѣряемыя только ихъ количествомъ. Вслѣдствіе этого самая сущность обмѣна усложняется и затемняется благодаря

присутствію этого посредника и, тѣмъ болѣе, что самая цѣнность денегъ, точнѣе сказать, цѣнность денежнаго матеріала, золота и серебра, не есть что-то непремѣнное, а есть нѣчто измѣнчивое. Вѣдь для того, чтобы опредѣлить взаимныя отношенія дѣйствительной цѣнности товаровъ между собой на протяженіи извѣстнаго промежутка времени, примѣняются сложные методы (такъ называемая индексныя числа). Адамъ Смитъ указываетъ на единственный масштабъ для сравненія товаровъ въ различное время, и такимъ масштабомъ все-таки является трудъ. „Во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ одинаковыя количества труда имѣютъ для рабочаго всегда одинаковую цѣнность. При обычномъ состояніи здоровья, силы и дѣятельности и при обычной степени искусства и ловкости, которыми обладаетъ рабочій, ему всегда приходится жертвовать все одною и той же частью своего досуга, свободы и спокойствія; и каково бы ни было количество товаровъ, получаемое имъ въ вознагражденіе за этотъ его трудъ, цѣна, которую онъ платитъ, остается всегда одинаковой. Правда, за эту цѣну можно купить иногда больше разныхъ предметовъ, но измѣняется здѣсь только цѣнность этихъ послѣднихъ, а никакъ не цѣнность труда, на который они покупаются. Во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ то, что трудно достается или что пріобрѣтается съ большимъ трудомъ, бываетъ дорого, а что достается легко или съ малымъ трудомъ, то бываетъ дешево. Такимъ образомъ, трудъ никогда не измѣняется въ своей внутренней стоимости, и потому онъ представляетъ собой: единственное, дѣйствительное и рѣшительное мѣрило, которымъ во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ опредѣляется цѣнность всѣхъ товаровъ. Онъ составляетъ ихъ дѣйствительную цѣну, тогда какъ деньги составляютъ только нарицательную цѣну ихъ".

Отсюда новое различіе между дѣйствительной цѣнностью и нарицательной. Нарицательная цѣнность есть цѣна въ деньгахъ, колеблющаяся отъ измѣненія цѣны денегъ. Дѣйствительная цѣнность есть дѣйствительная цѣна труда. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Смитъ прибавляетъ къ этому еще другой варіантъ, именно, рядомъ съ трудомъ, онъ считаетъ такимъ мѣриломъ цѣнностей издержки на производство хлѣба. Хлѣбъ является у него неизмѣннымъ мѣриломъ цѣнности товаровъ. Этотъ простой способъ опредѣленія цѣнности трудомъ существуетъ только при такомъ состояніи общества, которое

предшествуетъ накопленію капитала и обращенію земли въ частную собственность. „Когда же начинается скопленіе капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, нѣкоторыя изъ нихъ начинаютъ употреблять эти капиталы на то, чтобы давать работу людямъ промышленнымъ, которыхъ они и снабжаютъ какъ матеріаломъ, необходимымъ для работы, такъ и съѣстными припасами, съ тою цѣлью, чтобы потомъ самимъ получить барышъ на продажѣ ихъ произведеній или на томъ, что люди эти своимъ трудомъ прибавили къ первоначальной цѣнности матеріаловъ. Когда сработанное произведеніе обмѣнено на деньги-ли, на трудъ-ли или на другія произведенія, - это все равно, необходимо, чтобы по оплатѣ стоимости матеріаловъ и вознагражденія рабочему, оставался еще излишекъ, составляющій прибыль предпринимателя, рискнувшаго употребить на это дѣло свои капиталы. Такимъ образомъ, цѣнность, которую рабочіе своимъ трудомъ прибавляютъ къ цѣнности первоначальнаго матеріала, дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна идетъ на выдачу заработной платы рабочимъ, а другая составляетъ прибыль предпринимателя на ту сумму его капитала, которая была употреблена имъ на уплату вознагражденія рабочимъ и на раздачу имъ матеріаловъ для работы. Предприниматель не нашелъ бы никакой выгоды давать заказъ рабочимъ, если-бъ онъ не разсчитывалъ получить отъ продажи сработаннаго имъ произведенія что нибудь сверхъ употребленнаго имъ въ дѣло капитала, и для него не было бы никакого расчета употребить скорѣе большій, чѣмъ меньшій капиталъ, если бы его прибыль не соотвѣтствовала величинѣ употребленнаго въ дѣло капитала." Адамъ Смитъ возражаетъ противъ пониманія прибыли въ качествѣ особой формы заработной платы. Онъ устанавливаетъ своеобразный характеръ дохода на капиталъ, отличающійся отъ заработной платы и составляющій явленіе sui generis своего рода. Такія же притязанія на чистый доходъ предъявляетъ и землевладѣлецъ въ томъ случаѣ, если устанавливается земельная собственность, и, слѣдовательно, естественный источникъ матеріаловъ производства находится въ рукахъ частныхъ лицъ. Въ такомъ случаѣ возникаетъ третья составная часть цѣны, именно земельная рента. Всѣ эти три источника дохода опредѣляются однако трудомъ. „Трудомъ, - говоритъ Смитъ, - измѣряется цѣнность не только той части цѣны, которая разрѣшается въ заработной

платѣ, но и той, которая разрѣшается въ рентѣ, и той, которая разрѣшается въ прибыли." Другими словами, Адамъ Смитъ устанавливаетъ здѣсь, хотя и въ весьма неясной формѣ, ученіе о прибавочной цѣнности, составляющей источникъ двухъ видовъ нетрудового дохода: прибыль на капиталъ и поземельная рента. Мысль эту можно передать такъ, что въ такомъ состояніи общества, которое предшествуетъ накопленію капитала и частной собственности на землю, весь трудовой доходъ принадлежитъ лицамъ трудящимся, а при существованіи частной собственности общій продуктъ труда дѣлится на части и образуетъ нетрудовой доходъ, такъ что здѣсь на долю трудящихся остается лишь часть прежняго общественнаго источника дохода.

Дальнѣйшее развитіе эта идея получила въ теоріи прибыли Рикардо, въ ученіи о прибавочной цѣнности у Маркса и въ ученіи о такъ называемой рентѣ вообще у Родбертуса, и въ этомъ отношеніи Смитъ является родоначальникомъ распространенной въ настоящее время теоріи трудовой цѣнности и прибавочной цѣнности.

Что касается размѣровъ каждаго изъ этихъ доходовъ, то остановимся сначала на заработной платѣ. Величина заработной платы, по мнѣнію Адама Смита, устанавливается по взаимному соглашенію предпринимателя и рабочаго, „интересы которыхъ прямо противоположны другъ другу. Рабочимъ хочется получить какъ можно больше, а хозяину заплатить какъ можно меньше. Первые стараются сговориться, чтобы поднять заработную плату, а послѣдній, чтобы уменьшить ее. Не трудно предвидѣть, которая изъ этихъ двухъ сторонъ, при обычномъ ходѣ дѣлъ, должна взять верхъ при этомъ спорѣ и насильно предпишетъ другой свои условія. Такъ какъ число хозяевъ всегда меньше, то имъ легче сговориться между собой." Адамъ Смитъ формулируетъ здѣсь ту идею, которая впослѣдствіи, въ рукахъ Лассаля и Рикардо и вообще представителей соціалистической литературы, получила такую рѣзкую формулировку, именно идею о противоположности интересовъ труда и капитала. Онъ по своей чистой научности и безпристрастію нисколько не затемняетъ тѣхъ антагонистическихъ отношеній, которыя лежатъ въ основѣ капиталистическаго производства.

Цѣлый рядъ замѣчаній Адама Смита объ отношеніяхъ труда и

капитала относится къ специфическимъ условіямъ Англіи того времени и не имѣетъ интереса теперь. Естественнымъ предѣломъ колебаній заработной платы, ниже котораго ее нельзя уменьшить на время сколько-нибудь продолжительное, является, по его мнѣнію, извѣстный existens minimum, т.е. то, что необходимо для его пропитанія.

„Въ большинствѣ же случаевъ требуется нѣсколько больше этого, ибо иначе рабочій не будетъ въ состояніи воспитывать семью, да и самый разрядъ такихъ рабочихъ не могъ бы продол - жаться болѣе одного поколѣнія." Извѣстно, что у Рикардо и даль- ше у Лассаля эта идея естественнаго уровня заработной платы, опредѣляемаго лишь удовлетвореніемъ минимальныхъ потребностей рабочаго, получила весьма большое значеніе. Но идея эта, какъ вы видите, опять таки содержится у Адама Смита.

Что касается движенія заработной платы въ исторіи, то Адамъ Смитъ приводитъ ее въ связь съ общимъ движеніемъ народ - наго богатства и накопленіемъ капитала. Въ томъ случаѣ, если накопленіе капитала совершается правильно, и спросъ на трудъ увеличивается, - заработная плата повышается; въ томъ случаѣ, если происходитъ застой, промышленность не развивается, то за- работная плата сохраняетъ неизмѣнные размѣры, и спросъ на трудъ не увеличивается. Наконецъ, въ случаѣ уменьшенія произ - водства, наступаютъ бѣдствія для страны. Такимъ образомъ, са - мымъ существеннымъ условіемъ для роста заработной платы Смитъ считаетъ экономическій прогрессъ. „Если бы богатство какой-ни- будь страны было и очень велико, но въ продолженіи долгаго времени не двигалось впередъ, то нельзя ожидать, чтобы заработ ная плата въ такой странѣ была особенно высока. Доходы и капи- талы ея жителей, назначенные на выдачу платы за трудъ, могутъ быть очень велики, но если они въ теченіе многихъ столѣтій ос- тавались все въ одномъ и томъ же, или почти въ одномъ и томъ же, размѣрѣ, то число рабочихъ, ежегодно употребляемыхъ въ дѣло, можетъ легко удовлетворить и даже превысить спросъ на нихъ въ слѣдующемъ году. Тогда рѣдко будетъ чувствоваться не - достатокъ въ рабочихъ рукахъ, и хозяевамъ не придется перемани вать ихъ другъ отъ друга. Наоборотъ, число рукъ будетъ въ та - комъ случаѣ увеличиваться больше, чѣмъ сколько ихъ нужно; по -

стоянно будетъ чувствоваться недостатокъ занятій для рабочихъ, и послѣдніе принуждены будутъ для полученія занятій сбивать цѣну одинъ передъ другимъ." Уже изъ этого пониманія отношеній между капиталомъ и заработной платой можно предвидѣть, что Адамъ Смитъ не принадлежитъ къ числу оптимистовъ въ вопросѣ о народонаселеніи. Этотъ вопросъ онъ разсматриваетъ въ связи съ общимъ положеніемъ производства и отношеніемъ между ростомъ капитала и спросомъ на трудъ. Если спросъ на трудъ сокращается, „то заработная плата упала бы до такой дешевизны, при которой рабочіе впали бы въ самое несчастное существованіе. Многіе изъ нихъ не могли бы найти себѣ работы даже и при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, они принуждены были бы умереть съ голоду или искать себѣ пропитаніе въ нищенствѣ, а то, пожалуй, и въ преступленіи. Скоро нищета, голодъ и смертность опустошили бы рабочій классъ, а отъ него перешли бы и на другіе классы, пока количество населенія не достигло бы опять такого размѣра, при которомъ оно могло бы какъ-нибудь существовать на доходы и капиталы, оставшіеся отъ расхищенія и всеобщаго бѣдствія.

Въ дальнѣйшемъ онъ еще болѣе рѣшительно указываетъ на тѣ препятствія къ размноженію населенія, которыя наступаютъ, если богатство въ странѣ идетъ къ истощенію: „всѣ породы животныхъ размножаются въ зависимости отъ имѣющихся для нихъ на лицо средствъ пропитанія и нѣтъ такой породы, которая бы размножалась выше этихъ средствъ. Въ развитыхъ же обществахъ недостатокъ средствъ существованія можетъ положить предѣлъ размноженію людей только среди самыхъ низшихъ классовъ народа, и такое явленіе возможно лишь при одномъ условіи - истребленіи большей части дѣтей, рождающихся отъ плодовитыхъ браковъ въ этихъ самыхъ классахъ". Такимъ образомъ, и у Адама Смита мы встрѣчаемъ мотивы чисто мальтузіанскаго характера. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что историческая обстановка времени Адама Смита тоже не содѣйствовала оптимистическому пониманію вопроса о народонаселеніи.

Въ дальнѣйшемъ изученіи заработной платы Смитъ ставитъ вопросъ о причинѣ ея различія въ различныхъ отрасляхъ труда. Это ученіе перешло въ ученіе о заработной платѣ, существующее и въ теперешней политической экономіи.

Причины того различія Адамъ Смитъ сводитъ къ слѣдующимъ

условіямъ: 1) удовольствіе или неудовольствіе, доставляемое самыми занятіями; 2) легкость и доступность обученія имъ, или трудность и величина расходовъ, для этого необходимыхъ; 3) большая или меньшая продолжительность занятія промысломъ или перерывы, которыхъ онъ требуетъ; 4) большее или меньшее довѣріе, требуемое отъ лица, занимающагося промысломъ; 5) вѣроятность или невѣроятность достиженія цѣли". Рядомъ съ этими естественными причинами существуютъ еще и искусственныя, именно, проистекающія изъ политики государства. Адамъ Смитъ имѣетъ въ виду регламентацію меркантилистической политики: „регламентація, - говоритъ онъ, - дѣйствуетъ здѣсь главнымъ образомъ тремя способами: 1) ограничивая въ нѣкоторыхъ промыслахъ конкуренцію меньшимъ числомъ лицъ, чѣмъ сколько обратилось бы къ нимъ безъ ея вмѣшательства; 2) увеличивая въ другихъ промыслахъ число конкурентовъ болѣе, чѣмъ сколько требуется ихъ естественнымъ положеніемъ вещей; 3) стѣсняя свободное обращеніе труда и капиталовъ, какъ отъ одного помѣщенія къ другому, такъ и съ одного мѣста на другое". Противъ всѣхъ этихъ мѣръ регламентаціи Адамъ Смитъ обращается съ самой непримиримой критикой, и здѣсь, вмѣстѣ съ физіократами, онъ является сторонникомъ самой широкой свободы промышленности и невмѣшательства государства. Не безъ пафоса говоритъ онъ, что „самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный трудъ, потому что оно есть первоначальный источникъ всѣхъ другихъ правъ собственности. Все достояніе бѣдняка заключается въ силѣ и ловкости его рукъ, и мѣшать ему пользоваться этой силой и этой ловкостью такъ, какъ онъ самъ считаетъ для себя удобнымъ, если только онъ никому не причиняетъ этимъ никакого вреда, было бы явнымъ насиліемъ надъ этой первоначальной собственностью. Такое насиліе было бы возмутительнымъ посягательствомъ на законную свободу, какъ самого рабочаго, такъ и тѣхъ, кто захотѣлъ-бы дать ему какую-нибудь работу; это значитъ въ одно время мѣшать одному работать, какъ онъ находитъ для себя выгоднымъ, а другому - употреблять его въ работу, какъ ему заблагоразсудится. Въ этомъ случаѣ можно вполнѣ положиться на благоразуміе того, кто нанимаетъ рабочаго, только его собственный интересъ можетъ правильно рѣшить: заслуживаетъ ли рабочій того, что ему даютъ. Заботливость законодателя о томъ, чтобы не употреблялись въ дѣ

ло неспособные, очевидно также нелѣпа, какъ и стѣснительна". Это одно изъ немногихъ мѣстъ, въ которыхъ ярче всего сказывается паѳосъ освободительныхъ идей Адама Смита, его защита естественнаго права, свободы труда, при осуществленіи которыхъ, въ силу естественной гармоніи, онъ ожидалъ не только успѣховъ въ промышленности, но и наиболѣе благопріятнаго урегулирования соціальнаго вопроса. Въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ общую позицію съ физіократами.

Послѣ заработной платы Смитъ обращается къ изученію другихъ элементовъ цѣны, т.е. къ поземельной рентѣ и прибыли на капиталъ. Относительно поземельной ренты онъ высказываетъ, что вообще экономическій прогрессъ, спросъ на предметы земледѣлія повышаютъ и земельную ренту; все, что повышаетъ цѣны на продукты земледѣлія, увеличиваетъ и ренту. Къ самому доходу, къ соціальному значенію этого дохода Адамъ Смитъ относится чрезвычайно сурово и отрицательно. „Изъ всѣхъ трехъ классовъ общества это - единственный, которому получаемый имъ доходъ не стоитъ ни труда, ни хлопотъ и которому онъ достается, такъ сказать, даромъ, не требуя отъ него никакого предварительнаго плана и программы дѣятельности. Вслѣдствіе этой беззаботности, составляющей естественный результатъ всегда спокойнаго, удобнаго положенія землевладѣльцевъ, господа эти не только часто пребываютъ въ совершенномъ непониманіи послѣдствій, къ которымъ можетъ привести какое-нибудь предпринимаемое общее преобразованіе, но даже теряютъ способность поразмыслить надъ нимъ, что, однако, необходимо, чтобы понять и предусмотрѣть его послѣдствія". Каковы же его отношенія къ землевладѣльцамъ? Величину прибыли, какъ и высоту заработной платы, Адамъ Смитъ связываетъ съ развитіемъ народнаго хозяйства. Если спросъ на капиталъ увеличивается, раздѣленіе труда усложняется, то и прибыль на капиталъ повышается; въ противномъ случаѣ - наоборотъ. Здѣсь Адамъ Смитъ останавливается надъ изслѣдованіемъ чисто рыночныхъ условій, опредѣляющихъ движеніе процента на капиталъ, не углубляясь, подобно дальнѣйшимъ экономистамъ, въ теоретическое обоснованіе этого измѣненія. Въ изученіе капитала, въ теоріи капитала у Адама Смита заслуживаетъ упоминанія то различіе, которое онъ дѣлаетъ между двумя видами капитала, въ зависимости отъ способа его употребленія.

Это - капиталъ неподвижный, основной и затѣмъ капиталъ под - вижный, оборотный. Неподвижный капиталъ это тотъ, который тратится по частямъ и даетъ своему владѣльцу доходъ, сохра - няя свою прежнюю форму. Оборотный же капиталъ - такой, кото - рый постоянно выходитъ изъ рукъ своего владѣльца и возвраща - ется къ нему въ другой формѣ. Къ основному или неподвижному капиталу Смитъ причисляетъ: 1) полезныя машины и орудія, нуж - ныя для промышленности и земледѣлія; 2) постройки, служащія полезнымъ цѣлямъ; 3) улучшенія земли, или мелiораціи; 4) по - лезные таланты, пріобрѣтенные жителями или членами общества. Эта послѣдняя довольно странная и неуловимая категорія ка - питала едва ли можетъ быть подвергнута точному учету.

Къ оборотному капиталу Адамъ Смитъ относитъ слѣдующія статьи: „1) деньги, при помощи которыхъ остальныя три статьи обращаются и распредѣляются между людьми, пользующимися ими; 2) запасы продовольствія, которые находятся въ распоряженіи мясниковъ, скотопромышленниковъ, фермеровъ, пивоваровъ и другихъ, и отъ продажи которыхъ они надѣются получить при - быль; 3) запасы первоначальныхъ матеріаловъ въ сыромъ видѣ, или такіе болѣе или менѣе обработанные предметы, назначен - ные на приготовленіе одежды, меблировки и постройки домовъ, которые однако еще ни въ одной изъ этихъ формъ не поступили въ дѣло и находятся въ рукахъ первоначальныхъ производите - лей; 4) такія издѣлія, готовыя и вполнѣ законченныя, кото - рыя не поступали еще въ распоряженіе потребителей, т.е. не проданы". Очевидно, что экономическій смыслъ этого разли - чія относится къ способу затраты капитала, къ способу пере - несенія цѣнности капитала на продукты, т.е. такой части, ко - торая тратится по частямъ, и такой, которая тратится немед - ленно и цѣликомъ. Но Смитъ при этомъ дѣлаетъ нѣсколько оши - бокъ, подрывающихъ самый принципъ; именно, при перечисленіи оборотнаго капитала, Адамъ Смитъ не признаетъ деньги това - ромъ, между тѣмъ онѣ, какъ мы знаемъ, не могутъ быть отне - сены къ числу вещественныхъ элементовъ капитала. Онъ упуска - етъ изъ виду, что деньги есть та форма капитала, которую послѣдній принимаетъ въ извѣстный моментъ круговращенія. Деньги не есть часть капитала постояннаго или оборотнаго, а есть лишь стадія его круговращенія. Стадія круговращенія де-

нежнаго смѣняется производственной; и въ этомъ производительномъ капиталѣ различаются части постоянная и оборотная, которыя затѣмъ переходятъ въ видѣ товаровъ въ товарный капиталъ, это есть лишь товарная форма всего капитала. Это разграниченіе принадлежитъ главнымъ образомъ Марксу, сдѣлавшему анализъ круговращенія капитала.

Переходя къ ученію о производствѣ и накопленіи капитала, Смитъ дѣлаетъ слѣдующее разграниченіе между различными видами труда; именно онъ раздѣляетъ трудъ производительный и непроизводительный. Это одно изъ разграниченій, которое получило весьма широкую извѣстность въ политической экономіи и подало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ. „Есть трудъ, - говоритъ онъ, - увеличивающій цѣнность предмета, къ которому онъ прилагается, и есть другой трудъ, который такого дѣйствія не имѣетъ. Первый трудъ, производящій цѣнность, можетъ быть названъ производительнымъ, второй - непроизводительнымъ". Исходя изъ такого различенія, Адамъ Смитъ признаетъ производительнымъ только трудъ фабричнаго рабочаго, земледѣльца, - однимъ словомъ, трудъ, затрачиваемый непосредственно для изготовленія матеріальныхъ продуктовъ. А трудъ интеллектуальный, какъ не создающій матеріальныхъ продуктовъ, попадетъ въ категорію труда непроизводительнаго. „Какъ производительные и непроизводительные рабочіе, такъ и лица совсѣмъ не работающія, одинаково содержатся на счетъ годового продукта земли и труда. Но этотъ годовой продуктъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не можетъ быть однако безконечно большимъ и долженъ имѣть свои границы. Слѣдовательно, смотря по тому, какая, большая или меньшая, часть этого продукта употреблена въ теченіе года на содержаніе лицъ непроизводительныхъ, то большая или меньшая часть его останется на долю лицъ производительныхъ, а стало быть, больше или меньше будетъ производство въ будущемъ году, потому что общая сумма всѣхъ годовыхъ продуктовъ, за исключеніемъ лишь даровыхъ произведеній земли, есть всегда результатъ производительнаго труда". Очевидно, это различеніе Адамъ Смитъ дѣлаетъ чисто условно, чисто методически, и, какъ всѣ условныя различенія, оно имѣетъ свои удобства и свои неудобства Нельзя не признать, что и съ методической точки зрѣнія онъ проводитъ это различеніе слишкомъ узко, ибо съ его

точки зрѣнія скажется, что механикъ или чертежникъ, который чертитъ планъ для фабрики или для машины, является непроизводительнымъ рабочимъ, а тотъ рабочій, который будетъ этотъ планъ выполнять, является производительнымъ рабочимъ. Несомнѣнно, что различеніе Адама Смита не имѣетъ въ себѣ никакого принципіальнаго оттѣнка для тѣхъ, кто попадаетъ въ категорую лицъ непроизводительныхъ. Нужно сказать, что очень часто эта условность различенія Адама Смита смѣшивалась и забывалась, и классъ непроизводительныхъ рабочихъ приравнивался къ классу тунеядцевъ. Такого пониманія, несомнѣнно, не имѣлъ и самъ Смитъ.

Затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ IV книгѣ, Смитъ останавливаётся надъ разсмотрѣніемъ различныхъ системъ политической экономіи и здѣсь провозглашаетъ свои начала естественной свободы, которыя уже были провозглашены раньше, какъ право на свободное пользованіе своимъ трудомъ: „всякая система, которая старается чрезвычайными поощреніями привлечь къ какой-нибудь промышленности больше капиталовъ, чѣмъ сколько обратилось бы къ ней въ силу естественнаго хода вещей, или чрезвычайными преградами искусственно отвлечь отъ какой-нибудь промышленности часть капиталовъ, которые безъ этихъ мѣръ стали бы искать въ ней выгоднаго помѣщенія, всякая такая система только вредитъ дѣлу, которое ставитъ главнымъ предметомъ своей заботливости. Вмѣсто того, чтобы ускорить, она только задерживаетъ успѣхи общества на пути къ благосостоянію и его дѣйствительному возрастанію, и вмѣсто увеличенія дѣйствительной цѣнности годового продукта земли и труда, только умаляетъ эту цѣнность. Итакъ, если совсѣмъ устранить всѣ такія системы поощренія или стѣсненія промышленности, то остается только одна простая и легкая система естественной свободы. Всякій человѣкъ, пока онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, пользуется полною свободой слѣдовать тому пути, который указываетъ ему его собственный интересъ и употребляетъ свой трудъ и капиталъ какъ ему заблагоразсудится, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, какъ дѣйствуетъ какой-нибудь другой классъ людей. При господствѣ такой системы правительство совершенно освобождается отъ тяжелой обязанности, которой оно никогда не въ состояніи исполнить, не подвергаясь неизбѣжно обманамъ всякаго рода, и для правильнаго исполненія

которой у него не достаетъ ни мудрости, ни знанія человѣче - ской природы, - отъ обязанности постоянно руководить занятія- ми каждаго человѣка и направлять ихъ въ ту сторону, которая, по его предположенію, наиболѣе соотвѣтствуетъ благу всего об- щества". Вотъ экономическая программа Адама Смита, которую онъ устанавливаетъ на протяженіи всего своего изслѣдованія. Къ основнымъ принципамъ свободы и невмѣшательства государства въ экономическія отношенія Адамъ Смитъ, какъ практическій реа листъ, все-таки дѣлаетъ извѣстные коррективы. Во-первыхъ, онъ считаетъ допустимымъ существованіе навигаціонныхъ законовъ съ точки зрѣнія политической. Затѣмъ, во-вторыхъ, онъ считаетъ возможнымъ введеніе пошлины на иностранные продукты въ томъ случаѣ, если на продукты внутренняго производства существу - етъ внутренняя пошлина, т.е. акцизъ. Третій случай онъ пре - дусматриваетъ, когда пошлина вводится въ отвѣтъ на притѣсне- нія отечественной торговли въ какой-либо странѣ; четвертый случай - это когда пошлина существуетъ временно, потому что свобода торговли должна быть введена постепенно для того, что- бы не пострадали заинтересованныя лица. Эти общія идеи Адама Смита касательно экономической свободы и невмѣшательства го- сударства, хотя и не соотвѣтствуютъ господствующему нынѣ мі- ровоззрѣнію, но какъ и всякія великія историческія идеи, онѣ выражаютъ собой опредѣленную историческую потребность и въ этомъ случаѣ содержатъ въ себѣ историческую правду; и нападки Смита противъ регламентаціи промышленности и указаніе на дѣй- ствительную неспособность государства регламентировать зарож- дающуюся промышленную жизнь вполнѣ выражали потребность того времени.

Адамъ Смитъ является однимъ изъ наиболѣе передовыхъ и чуткихъ людей своего времени. То, что онъ былъ односторон - нимъ, дѣлало лишь сильнѣй его позицію; его вліяніе на поли - тическую экономію Англіи и на весь цивилизованный міръ было чрезвычайно велико. То, что я говорилъ по поводу либерализма Кенэ, въ этомъ отношеніи приходится повторить и относительно Адама Смита. Что касается общаго значенія „Богатства наро - довъ", то, какъ можно было замѣтить изъ изложеннаго, очень многое изъ его экономическаго ученія вошло въ теперешнюю по- литическую экономію въ прямомъ или измѣненномъ видѣ. Во вся- комъ случаѣ, когда мы знакомимся съ „Богатствомъ народовъ" и

его экономическими идеями, мы стоимъ уже въ сущности не на исторической, а на современной почвѣ экономической науки. Адамъ Смитъ извѣстными своими сторонами не только не умершій еще экономистъ, но и не умирающій и не способный умереть до тѣхъ поръ, пока существуетъ народное хозяйство и теперешнія хозяйственныя отношенія, которыхъ онъ явился выразителемъ.

МАЛЬТУСЪ И „ОПЫТЪ О НАРОДОНАСЕЛЕНІИ".

Адамъ Смитъ открываетъ собою такъ называемую классическую школу политической экономіи, къ которой принадлежатъ кромѣ него Мальтусъ, Рикардо, Милль и нѣкоторые другіе.

Намъ предстоитъ познакомиться теперь съ идеями Мальтуса. Прежде всего скажу нѣсколько словъ о его біографіи. Мальтусъ родился въ дворянской семьѣ въ 1766 году, въ родовомъ имѣніи Рукери въ Суррейскомъ графствѣ. Онъ былъ вторымъ сыномъ въ семьѣ и, согласно англійскому обычаю, былъ предназначенъ съ дѣтства къ духовному званію.

Послѣ высшаго образованія, полученнаго имъ въ коллегіи Іисуса въ Кембриджѣ, въ 1789 году, онъ возвратился въ родное имѣніе и сдѣлался приходскимъ священникомъ въ сосѣднемъ приходѣ Альбюри. Въ то же время онъ предавался занятіямъ наукой. Отецъ его всецѣло былъ захваченъ идеями и настроеніями того времени, въ которомъ очень большую роль игралъ Руссо и его идеи объ естественномъ состояніи и естественной свободѣ человѣка. Съ другой стороны, годъ, въ который Мальтусъ вступилъ въ выполненіе обязанностей приходского священника, былъ годомъ начинавшейся французской революціи, которая сначала возбудила горячій энтузіазмъ и симпатіи современниковъ, а затѣмъ своими кровавыми ужасами оттолкнула многихъ. Въ семьѣ Мальтуса между отцомъ и сыномъ велись горячіе споры на эту тему, при чемъ, въ качествѣ рѣдкаго исключенія, Мальтусъ-сынъ оказался консервативнѣе своего отца. Сынъ былъ представителемъ скептическаго и пессимистическаго направленія въ области соціальныхъ вопросовъ Подъ вліяніемъ этого настроенія, онъ остановился надъ выясненіемъ вопроса о роли народонаселенія и въ своемъ тихомъ уединеніи предался первымъ размышленіямъ на эту тему. Въ это время вышелъ памфлетъ одного изъ англійскихъ представителей француз-

скаго соціальнаго оптимизма, именно Годвина, который развивалъ ту мысль, что бѣдность обязана своимъ существованіемъ исключительно соціальному неустройству, и что достаточно произвести соціальную реформу распредѣленія, чтобы бѣдность была уничтожена. Полемизируя съ Годвиномъ, Мальтусъ и составилъ впервые знаменитый „Опытъ о народонаселеніи", который далъ ему міровое имя. Впервые сочиненіе это издано было въ 1798 году безъ обозначенія имени автора. Это произведеніе представляло собой скорѣй полемическій памфлетъ, чѣмъ научное произведеніе, въ которомъ со всей рѣзкостью, радикализмомъ и полемическимъ задоромъ была противопоставлена точка зрѣнія самого Мальтуса тѣмъ соціальнымъ оптимистамъ, которые, подобно Годвину, видѣли разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ въ реформѣ распредѣленія. Мальтусъ указывалъ здѣсь со всей энергіей на естественныя, неустранимыя и въ значительной степени отъ воли человѣка независящія причины бѣдности - въ ростѣ народонаселенія. Въ этомъ первомъ изданіи было много рѣзкости и жестокихъ словъ, сказанныхъ въ увлеченіи доктриной, которыя онъ потомъ самъ выбросилъ при дальнѣйшей переработкѣ своего труда. Здѣсь значилось и то мѣсто, которое потомъ цитировалось во всѣхъ учебникахъ политической экономіи и которое дѣйствительно звучитъ жестоко: „Человѣкъ, появившійся на свѣтъ, уже занятый другими людьми, если онъ не получилъ отъ родителей средствъ для существованія, на которыя онъ въ правѣ разсчитывать, и если общество не нуждается въ его трудѣ, не имѣетъ никакого права требовать для себя какого-нибудь пропитанія, ибо онъ совершенно лишній на этомъ свѣтѣ..."

„На великомъ торжествѣ природы для него нѣтъ прибора. Природа приказываетъ ему удалиться, и, если онъ не можетъ прибѣгнуть къ состраданію кого-либо изъ пирующихъ, она сама принимаетъ мѣры къ тому, чтобы ея приказаніе было приведено въ исполненіе. Если же пирующіе стѣснятъ себя и уступятъ ему мѣсто за столомъ, тотчасъ же появятся новые, непрошенные гости и потребуютъ для себя той же милости, ибо вѣсть о томъ, что за столомъ хватаетъ яствъ для вновь пришедшихъ, тотчасъ распространится повсюду. Порядокъ и гармонія торжества будутъ вскорѣ нарушены, изобиліе, царившее прежде, замѣнится недостаткомъ, и счастье пирующихъ омрачится зрѣлищемъ появившейся всюду нищеты

и тягостными воплями новыхъ пришельцевъ, не нашедшихъ для себя пропитаніе, на которое имъ дали основаніе разсчитывать. Тогда, только слишкомъ поздно, пирующіе поймутъ, что они совершили ошибку, нарушивъ строгія правила, установленныя великою распорядительницею пиршества относительно непрошенныхъ гостей, тогда только они догадаются, что природа, заботясь о томъ, чтобы приглашенные были достаточно накормлены, и зная, что у нея нѣтъ мѣстъ для неограниченнаго числа гостей, изъ разумнаго человѣколюбія устранила вновь пришедшихъ, когда всѣ мѣста за столомъ были уже заняты".

Произведеніе это, какъ бы на него ни смотрѣть, въ то время, при внѣшнихъ обстоятельствахъ, было дѣломъ большого научнаго и идейнаго мужества, потому что Мальтусъ рѣшился сказать нѣчто такое, что, какъ онъ и самъ хорошо понималъ, способно было вызвать противъ него общее негодованіе, вражду и рядъ недоразумѣній; и дѣйствительно эти чувства и были вызваны трудомъ Мальтуса. Съ одной стороны, ему пришлось получать похвалы, съ такой стороны, съ какой похвалы эти являлись хуже всякой хулы; съ другой стороны, Годвинъ и цѣлый рядъ другихъ лицъ, начиная съ его отца, дѣлали ему рѣзкія возраженія и укоры.

Въ виду этого Мальтусъ рѣшилъ провѣрить свои научные взгляды и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ путешествовалъ по разнымъ странамъ, въ томъ числѣ былъ и въ Россіи, собирая матеріалъ, стараясь выяснить, на основаніи собираемаго въ европейскихъ странахъ матеріала, проблему своего „Опыта". Черезъ 5 лѣтъ, въ 1803 году, появляется 2-ое изданіе „Опыта о народонаселеніи", настолько расширенное и дополненное, что его можно разсматривать какъ новое сочиненіе.

Вскорѣ послѣ второго изданія „Опыта о народонаселеніи" Мальтусъ былъ приглашенъ въ 1805 году профессоромъ политической экономіи въ коллегію Ость-Индской компаніи, въ Гейлебюри близъ Гертфорда, гдѣ онъ въ то же время исполнялъ обязанности священнослужителя. Въ теченіе 30 лѣтъ службы въ коллегіи Мальтусъ велъ тихую и скромную жизнь ученаго. За это время написанъ имъ рядъ мелкихъ памфлетовъ и болѣе серьезный трудъ по вопросамъ политической экономіи, въ частности по вопросу о хлѣбной торговлѣ и о земельной рентѣ, гдѣ, какъ извѣстно, Мальтусъ является пред

шественникомъ Рикардо. Онъ издалъ кромѣ того сочиненіе общаго характера подъ заглавіемъ: „Основанія политической экономіи и ихъ примѣненіе къ практикѣ". Здѣсь самыя интересныя главы касаются теоріи рынковъ. Затѣмъ онъ написалъ еще цѣлый рядъ другихъ статей. Нужно сказать, что хотя всѣ эти сочиненія обнаруживаютъ недюжинный умъ и вообще свидѣтельствуютъ о его способностяхъ выдающагося экономиста - эти сочиненія почти забыты, и имя Мальтуса въ исторіи политической экономіи вписано, какъ имя автора „Опыта о народонаселеніи". Въ 1834 году Мальтусъ скоропостижно скончался на 69-омъ году своей жизни. Жизнь его имѣла характеръ уединеннаго кабинетнаго ученаго, сторонившагося отъ большой дороги въ политической дѣятельности и общественной жизни. Тѣ, которые знали Мальтуса лично, свидѣтельствуютъ о выдающихся качествахъ его характера, о его кротости, незлобивости, мягкости, довѣрчивости, искренности - однимъ словомъ, его личность рисуется самыми привлекательными чертами, такъ что, каковы бы ни были его научныя заблужденія, эта единодушная характеристика лицъ, близко знавшихъ Мальтуса, доказываетъ, что онъ былъ совершенно искренъ, когда говорилъ о себѣ: „Практическая цѣль, которую я имѣлъ въ виду при написаніи этого сочиненія, какія бы ошибки ни были мною сдѣланы, состояла въ улучшеніи положенія и въ увеличеніи счастья низшихъ классовъ общества".

Имя Мальтуса и прославлено и обезславлено въ широкихъ кругахъ его „Опытомъ о народонаселеніи". Бываютъ извѣстныя мысли, извѣстныя положенія, которыя необходимо высказать, которыя должны быть высказаны, но тотъ, кто ихъ высказываетъ и беретъ на себя эту нелегкую задачу, неизбѣжно навлекаетъ на себя, сознательно или несознательно, непопулярность, вражду, и не только при жизни, но и въ исторіи; и это случилось съ Мальтусомъ. Каковъ бы онъ ни былъ, такимъ ли, какъ рисуютъ его современники, или „лживымъ лицемѣрнымъ попомъ", какъ его ругаетъ Марксъ, во всякомъ случаѣ онъ поплатился своей репутаціей, и ему пришлось пожертвовать своей популярностью за свои идеи; и въ историческихъ перспективахъ, на извѣстномъ разстояніи, нужно видѣть въ этомъ скорѣй подвигъ научнаго мужества и самоотреченія, нежели какой-либо недостатокъ ума или характера. Тѣ

свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о его характерѣ и складѣ ума, показываютъ, что въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ онъ не руководствовался, какъ ему часто приписываютъ, какими-либо низменными классовыми интересами. Ни его біографія, ни его политическая дѣятельность (онъ принадлежалъ къ партіи вигговъ) не даютъ основанія утверждать, что Мальтусъ былъ тенденціозенъ въ своихъ научныхъ убѣжденіяхъ; поэтому и произведеніе Мальтуса заслуживаетъ и требуетъ къ себѣ, прежде всего, непредубѣжденнаго и безпристрастнаго отношенія, именно потому сугубо требуетъ, что трудно относиться спокойно и безпристрастно къ обсужденію такой теоріи, которая ставитъ вопросъ относительно общаго соціальнаго устроенія человѣчества.

Вопросъ, который поставленъ въ „Опытѣ о народонаселеніи", самимъ авторомъ формулированъ такъ: „Тому, кто захочетъ предусмотрѣть, каковъ будетъ дальнѣйшій прогрессъ общества, естественно предстоитъ изслѣдовать два вопроса: 1) какія причины задерживали до сихъ поръ развитіе человѣчества или возрастаніе его благосостоянія? 2) какова вѣроятность устранить вполнѣ или отчасти эти причины, препятствующія развитію человѣчества?" Другими словами, это — тотъ самый вопросъ, который Мальтусъ обсуждалъ въ спорахъ со своимъ отцомъ, въ полемикѣ съ Годвиномъ и всѣми своими современниками. „Задача настоящей книги, — продолжаетъ Мальтусъ, — заключается преимущественно въ изслѣдованіи послѣдствій великаго и тѣсно связаннаго съ человѣческою природою закона, дѣйствовавшаго неизмѣнно со времени происхожденія общества, но, несмотря на это, мало обращавшаго на себя вниманіе тѣхъ людей, которые занимались вопросами, имѣвшими ближайшее отношеніе къ этому закону. Въ сущности, многіе признавали и подтверждали факты, въ которыхъ проявляется дѣйствіе этого закона, но никто не замѣчалъ естественной и необходимой связи между самимъ закономъ и нѣкоторыми важнѣйшими его послѣдствіями, несмотря на то, что въ числѣ этихъ послѣдствій должны бы были обратить на себя вниманіе такія явленія, какъ пороки, несчастія и то весьма неравномѣрное распредѣленіе благъ природы, исправленіе котораго всегда составляло задачу людей доброжелательныхъ и просвѣщенныхъ. Законъ этотъ состоитъ въ проявляющемся во всѣхъ жи-

выхъ существахъ постоянномъ стремленіи размножаться быстрѣе, чѣмъ это допускается находящимся въ ихъ распоряженіи количе - ствомъ пищи. По наблюденіямъ доктора Франклина, единственной границей воспроизводительной способности растенія и животныхъ является лишь то обстоятельство, что, размножаясь, они взаимно лишаютъ себя средствъ къ существованію. Если-бы, - гово - ритъ онъ, - поверхность земли лишилась всѣхъ своихъ растеній, то одной посоды, напримѣръ, укропа, было-бы достаточно, чтобы покрыть ею землю; если бы земля не была населена, то одной на - піи, англійской, напримѣръ, достаточно было-бы, чтобы засе - лить ее въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Слѣдовательно, способ - ность человѣческаго рода къ размноженію практически безгранич - на, и если она чѣмъ-либо ограничивается, то только той обста - новкой, въ которой она осуществляется".

Обращаясь къ имѣвшимся въ его время весьма скуднымъ ста - тистическимъ даннымъ (не нужно забывать, что статистика о на - родонаселеніи относится главнымъ образомъ къ XIX вѣку) и на - блюдая движеніе населенія въ Соединенныхъ Штатахъ, Мальтусъ считаетъ возможнымъ установить періодъ удвоенія населенія въ 25 лѣтъ. Это слишкомъ короткій періодъ, такихъ періодовъ те - перь не существуетъ, но тѣмъ не менѣе „изъ пѣсни слова не вы - кинешь", и фактъ - тотъ, что Мальтусъ, по имѣвшимся въ его время статистическимъ даннымъ, устанавливаетъ этотъ періодъ удвоенія именно въ 25 лѣтъ: „Итакъ, мы можемъ признать несо - мнѣннымъ положеніе, что если при возрастаніи населеніе не за - держивается какими-либо препятствіями, то это населеніе уд - ваивается черезъ каждые 25 лѣтъ и, слѣдовательно, возрастаетъ въ каждый послѣдующій 25-лѣтній періодъ въ геометрической про - грессіи".

Гораздо труднѣе опредѣлить, въ какой степени могутъ воз - растать произведенія земли и произведенія человѣческаго труда, удовлетворяющія человѣческимъ потребностямъ. Онъ высказываетъ вообще сомнѣніе относительно того, чтобы производительность земли странъ старыхъ могла поспѣвать за этимъ приростомъ на - селенія. „Правда, на земномъ шарѣ въ настоящее время имѣется еще много необработанныхъ и почти незаселенныхъ земель; но можно оспаривать наше право на истребленіе разсѣянныхъ по нимъ племенъ или на принужденіе ихъ къ заселенію отдаленнѣй-

шихъ частей своихъ земель, недостаточныхъ для ихъ прокормленія. Если бы мы хотѣли обучить эти племена лучшимъ пріемамъ труда для того, чтобы повысить производительность, потребовалось бы слишкомъ много времени". Какъ видите, Мальтусъ считаетъ невозможнымъ, недопустимымъ тотъ способъ обращенія съ первобытными племенами, который положенъ въ основу европейской колонизаціи, и благодаря которому быстро вымираетъ красноко - жее населеніе С.А.Соединенныхъ Штатовъ для того, чтобы тамъ могли водвориться американскіе ѳермеры. Подобнымъ же образомъ вымираютъ и другія племена при соприкосновеніи съ европейской культурой. Такой способъ распространенія европейской цивилизаціи Мальтусъ считаетъ недопустимымъ. Исходя изъ современнаго состоянія заселенныхъ земель, Мальтусъ полагалъ, что средства существованія при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ примѣне - нія человѣческаго труда никогда не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессіи. Неизбѣжный выводъ, вытекающій изъ сравненія приведенныхъ выше двухъ законовъ возраста - нія, поистинѣ поразителенъ. Допустимъ, что населеніе Велико - британіи равняется 11 милліонамъ, и что современная произво - дительность ея почвы совершенно достаточна для прокормленія этого населенія. Черезъ 25 лѣтъ населеніе достигнетъ 22 мил - ліоновъ, а продовольствіе, также удвоившись, попрежнему спо - собно будетъ прокормить населеніе. Въ концѣ второго 25-лѣтія населеніе возрастетъ до 44 милліоновъ, а средствъ существова - нія хватитъ лишь для 33 милліоновъ. Въ концѣ слѣдующаго 25-лѣтняго періода изъ 88 милліоновъ уже только половина найдетъ себѣ средства существованія. Въ концѣ столѣтія населеніе до - стигнетъ 176 милліоновъ, средствъ же существованія хватитъ лишь на 55 милліоновъ, - слѣдовательно, остальные 121 милліо - новъ должны будутъ умереть съ голоду. Это сопоставленіе ариѳметической и геометрической прогрессіи служитъ для Мальтуса наглядным способомъ показать несоотвѣтствіе между темпомъ роста населенія и ростомъ средствъ существованія. Эта прогрес - сія принадлежитъ къ числу наименѣе основательныхъ сужденій Мальтуса, и ее не защищаютъ въ настоящее время наибольшіе сторонники Мальтуса. Нашъ соотечественникъ, критикъ и антаго - нистъ Мальтуса, Чернышевскій потратилъ очень много труда и остроумія для разбора этой прогрессіи и доказательства, что даже съ точки зрѣнія самого Мальтуса эта прогрессія не такъ

даже съ точки зрѣнія самого Мальтуса, эта прогрессія не такъ страшна, какъ кажется. Нужно сказать, что у Мальтуса это лишь способъ иллюстрировать его мысль и вмѣстѣ попытка точно опредѣлить, какъ выражается несоотвѣтствіе между ростомъ населенія и ростомъ средствъ существованія. Но эта прогрессія, даже и въ изложеніи самого Мальтуса, занимала довольно нейтральное мѣсто, для него важно было лишь установить несоотвѣтствіе между движеніемъ народонаселенія и средствами существованія. Законъ о народонаселеніи Мальтусъ считаетъ какъ бы физическимъ закономъ, который поддерживается, въ случаѣ нарушенія, насильственными препятствіями. Мальтусъ различаетъ препятствія двоякаго рода: препятствія предупредительныя и препятствія разрушительныя. „Препятствія предупредительныя, - говоритъ онъ, - это способность человѣка предвидѣть и оцѣнивать отдаленныя послѣдствія". Благодаря этой способности человѣкъ можетъ воздерживаться отъ размноженія въ томъ случаѣ, если онъ находитъ несоотвѣтствующимъ свое имущественное положеніе. Воздержаніе отъ раннихъ браковъ является, по мнѣнію Мальтуса, наименьшимъ зломъ, вытекающимъ изъ закона о народонаселеніи. „Воздержаніе, - говоритъ онъ, - налагаемое на наши наиболѣе сильныя влеченія, безъ сомнѣнія вызываетъ временное тягостное чувство. Но это зло, очевидно, весьма ничтожно, сравнительно съ другими препятствіями, останавливающими возрастаніе населенія. Воздержаніе является такимъ же лишеніемъ, какъ и множество другихъ, налагаемыхъ на насъ нравственнымъ чувствомъ. Когда воздержаніе сопровождается пороками, проистекающее отъ этого зло поражаетъ всякаго наблюдателя. Извращеніе нравовъ, доведенное до такой степени, что оно препятствуетъ рожденію дѣтей, унижаетъ человѣческую природу и оскорбляетъ ея достоинство, оно производитъ такое дѣйствіе на мужчину и еще болѣе извращаетъ характеръ женщины, искажая самыя привлекательныя свойства ея природы. Къ этому необходимо прибавить, что изъ всѣхъ несчастныхъ созданій, быть можетъ, ни одно не подвергается такимъ бѣдствіямъ и не впадаетъ въ такую крайнюю нищету, какъ тѣ несчастныя жертвы проституціи, которыми изобилуютъ большіе города".

Что касается разрушительныхъ препятствій, то они по своей природѣ весьма разнообразны. „Къ нимъ относятся всѣ причины, стремящіяся какимъ бы то ни было образомъ, при помощи порока или несчастія, сократить естественную продолжительность человѣ-

ческой жизни. Поэтому къ категоріи этихъ препятствій необходимо отнести вредныя для здоровья занятія, тяжкій, чрезмѣрный или подвергающійся вліянію непогодъ трудъ, крайнюю бѣдность, дурное питаніе дѣтей, нездоровыя жизненныя условія большихъ городовъ, всякаго рода излишества, болѣзни, эпидеміи, войну, чуму, голодъ. Изслѣдуя препятствія къ размноженію населенія, раздѣленныя мною на двѣ общихъ группы подъ именемъ предупредительныхъ и разрушительныхъ, не трудно замѣтить, что они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и страданіямъ". Въ результатѣ дѣйствія этихъ препятствій получается извѣстная закономѣрность движенія населенія соотвѣтственно средствамъ существованія. Эту закономѣрность Мальтусъ выразилъ въ формѣ трехъ положеній или законовъ. Первый законъ такой: „1) Количество народонаселенія неизбѣжно ограничивается средствами существованія. 2) Народонаселеніе неизмѣнно возрастаетъ всюду, гдѣ возрастаютъ средства существованія, если только это не будетъ остановлено явными и могущественными препятствіями. 3) Эти особыя препятствія точно такъ-же, какъ и всѣ тѣ, которыя, останавливая силу размноженія, возвращаютъ населеніе къ уровню средствъ существованія, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и несчастію".

Исходя изъ этого пониманія закона о народонаселеніи и его значенія, Мальтусъ разсматриваетъ систему естественнаго равенства и соціальную реформу, полемизируя съ современниками, а также развиваетъ цѣлый рядъ вопросовъ политической экономіи, напримѣръ, вопросъ о заработной платѣ и ея уровнѣ, вопросъ о налогахъ для бѣдныхъ и законодательствѣ о бѣдныхъ и др. Въ особенности широкую извѣстность получило отношеніе Мальтуса къ законодательству о бѣдныхъ. Мальтусъ относился къ этому законодательству съ нескрываемой враждебностью, съ принципіальнымъ отрицаніемъ. Не нужно забывать, каково было это законодательство. Съ одной стороны оно не достигало своей цѣли, именно не помогало и не могло помогать дѣйствительно нуждающимся, а съ другой стороны оно развращало населеніе, насильственно заставляя трудящійся народъ прибѣгать къ приходской помощи въ видѣ такъ называемыхъ доплатъ. Такъ что, какъ бы мы ни смотрѣли на общій вопросъ законодательства о бѣдныхъ, это законодательство не можетъ вызывать никакого сочувствія даже со стороны лицъ,

горячо приверженныхъ къ интересамъ трудящихся, и Мальтусъ въ своей критикѣ вполнѣ отчетливо высказываетъ свои мотивы, по которымъ онъ такъ отрицательно къ нимъ относится. Но помимо этой спеціальной причины Мальтусъ видѣлъ въ этомъ законода - тельствѣ какъ бы косвенное или прямое поощреніе размноженію населенія. Законы о бѣдныхъ поощряютъ размноженіе населенія, „1) нисколько не увеличивая количества продуктовъ потребле - нія. Разсчитывая на вспомоществованіе своего прихода, бѣдный человѣкъ можетъ въ Англіи жениться, совсѣмъ не имѣя средствъ для прокормленія семьи, а это неизбѣжно влечетъ за собой зна- чительное возрастаніе населенія, а слѣдовательно, постоянное раздробленіе продуктовъ потребленія на меньшія доли. Вслѣд - ствіе этого на вознагражденіе за трудъ людей, не получающихъ пособія, приходится покупать все меньшее и меньшее количе - ство пищи и въ конечномъ результатѣ число лицъ, поступающихъ на попеченіе приходовъ, должно постоянно возрастать. 2) Ко - личество продовольствія, потребляемаго въ приходскихъ рабо- чихъ домахъ призрѣваемыми, которыхъ нельзя считать полезными членами общества, настолько же уменьшаетъ долю рабочихъ, т.е. людей, наиболѣе полезныхъ для страны". Законъ о бѣдныхъ былъ отмѣненъ въ Англіи въ 1834 году несомнѣнно подъ вліяніемъ идей Мальтуса, но отмѣненъ былъ безъ той постепенности, ко - торую считалъ необходимою Мальтусъ, и въ этомъ смыслѣ отмѣна эта совершенно не соотвѣтствуетъ его идеямъ. „Главная и по - стоянная причина бѣдности мало или вовсе не зависитъ отъ об- раза правленія или отъ неравномѣрнаго распредѣленія имуще - ства; не во власти богатыхъ доставить бѣднымъ работу и про - питаніе; поэтому бѣдные, по самой сущности вещей, не имѣютъ права требовать отъ нихъ того и другого". Исходя изъ такого пониманія реальныхъ соотношеній вещей, Мальтусъ вообще отри- цаетъ право бѣдныхъ содержаться на общественный счетъ. „Люди, дѣлающіе мнѣ возраженіе, должны доказать, что обѣ установлен- ныя мною прогрессіи, или различныя степени возрастанія насе- ленія и средствъ существованія, ошибочны, ибо, если онѣ спра ведливы, то выводъ, на который онѣ нападаютъ, неоспоримъ. Ес- ли признать обѣ прогрессіи правильными, то изъ нихъ вытека - етъ, что если каждый вступитъ въ бракъ, когда ему вздумается, то человѣческаго труда не хватитъ для прокормленія всѣхъ рож

дающихся. А изъ этого, въ свою очередь, неминуемо вытекаетъ, что право на прокормленіе не можетъ принадлежать всѣмъ лю - дямъ. Допустимъ на время, что въ какой-либо странѣ поземель - ная собственность распредѣлена поровну между всѣми жителями. Если при этомъ условіи одна половина населенія, побуждаемая благоразумiемъ, станетъ избѣгать въ своей средѣ размноженія, превышающаго доставляемыя землей средства существованія, то она постоянно будетъ пользоваться тѣмъ же довольствомъ, кото- рымъ пользовалась при началѣ раздѣла. Если, наоборотъ, дру - гая половина населенія усвоитъ привычку вступать въ бракъ тот часъ по выходѣ изъ юношескаго возраста, когда возникаютъ и сильнѣе всего дѣйствуютъ страсти, то очевидно, что и эта по - ловина населенія впадетъ въ самую безысходную нищету. Спраши- вается: на какомъ законномъ или справедливомъ основаніи можетъ эта половина установить свое право разсчитывать на малѣйшую часть принадлежащей другой половинѣ населенія собственности, которая была пріобрѣтена благоразумнымъ воздержаніемъ? Испы - тываемая этими безразсудными людьми нужда есть слѣдствіе ихъ собственнаго легкомыслія и невѣжества. Самый путь, который привелъ ихъ къ нуждѣ, показываетъ, что если признать ихъ при- тязанія и сложить съ нихъ часть заслуженныхъ ими бѣдствій, то вскорѣ все общество будетъ вовлечено въ такую же погибель. До- бровольныя и случайныя вспомоществованія со стороны богатыхъ людей не мѣшаютъ бѣднымъ пользоваться суровыми уроками приро- ды, когда такая помощь дается съ разборомъ. Что же касается права, то защищать его не представляется возможнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что размноженіе населенія въ Америкѣ представляетъ сверхъестественное явленіе, не зависящее отъ легкости, съ которой можно добыть въ ней средства суще - ствованія".

Въ заключительныхъ строкахъ своего сочиненія Мальтусъ до- пускаетъ, что онъ слишкомъ рѣзко поставилъ вопросъ и впалъ въ нѣкоторое преувеличеніе. „Весьма возможно, - говоритъ онъ, - что найдя лукъ слишкомъ согнутымъ въ одну сторону, я чрезмѣрно перегнулъ его въ другую изъ желанія выпрямить его. Но я всегда готовъ исключить изъ моего сочиненія все то, что по мнѣнію свѣ дущихъ цѣнителей, противорѣчитъ моей цѣли или мѣшаетъ распро - страненію истины. Изъ уваженія къ этимъ лицамъ я уже исключилъ нѣкоторыя мѣста, наиболѣе дававшія поводъ къ возраженіямъ; та-

кія исправленія въ особенности коснулись настоящаго изданія Я льщу себя надеждой, что эти измѣненія улучшили мое сочине - ніе, не измѣнивъ его основанія. Но до этихъ измѣненій, какъ и послѣ нихъ, я полагаю, всякій безпристрастный читатель дол - женъ признать, что несмотря на возможныя ошибки, практиче - ская цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ этого сочиненія, со - стояла въ улучшеніи участи и увеличеніи счастья низшихъ клас - совъ общества". Такъ самъ Мальтусъ опредѣляетъ свою задачу.

Ученіе Мальтуса не стоитъ одиноко въ исторіи политиче - ской экономіи. Несомнѣнно, онъ имѣетъ цѣлый рядъ предшествен - никовъ. Вопросъ о народонаселеніи вовсе не есть такой маленъ - кій вопросъ, чтобы можно было допустить, что онъ останется незамѣченнымъ. Можно назвать цѣлый рядъ писателей, предшест - венниковъ Мальтуса, которыхъ отчасти самъ Мальтусъ называетъ и цитируетъ (такъ что во всякомъ случаѣ Мальтусъ не заслужи - ваетъ названія плагіатора, какимъ его честитъ Марксъ), отча - сти и неизвѣстныхъ ему, относящихся къ XV и XVIII вѣкамъ, дѣй - ствовавшихъ въ Италіи, Германіи, Англіи и другихъ европей - скихъ странахъ. Къ XVI вѣку относится итальянскій писатель Ботеро. къ XVII вѣку Дженовези. предполагавшій геометрическую прогрессію размноженія населенія. Въ XVI в. въ Англіи пред - шественникомъ Мальтуса является Ралей, въ XVII в - Гэль, въ XVIII вѣкѣ - Франклинъ, Артуръ Юнгъ, въ Германіи - Мозеръ. До извѣстной степени предшественниками его является и физіокра - ты. Первый законъ Мальтуса, что населеніе ограничено сред - ствами существованія, составляло основное положеніе популяри - стическаго ученія физіократовъ. Такимъ образомъ, Мальтусу здѣсь и не принадлежитъ пальма первенства, на что онъ и самъ не заявляетъ притязаній; но ему принадлежитъ заслуга и миссія поставить вопросъ такъ остро, что послѣ этого нельзя его ни забыть, ни снять. Въ этомъ смыслѣ можно сказать даже, что ес - ли въ настоящее время отъ собственнаго зданія Мальтусова уче - нія и не осталось и камня на камнѣ (а я думаю, что это такъ и есть), то вопросъ, поставленный Мальтусомъ, остается. Въ на - стоящее время странно и безполезно при свѣтѣ современной ста - тистики довольствоваться выводами Мальтуса. Теперь позволи - тельно ставить вопросъ о народонаселеніи гораздо яснѣе и точ - нѣе, и спорить съ Мальтусомъ относительно его прогрессій и недостойно и неинтересно. Затѣмъ при настоящемъ уровнѣ исто-

рической науки безполезно и неинтересно спорить съ Мальту - сомъ относительно его историческихъ главъ, его историческихъ обобщеній. Мы знаемъ гораздо больше, чѣмъ онъ, благодаря успѣхамъ исторической науки въ XIX вѣкѣ, и можемъ поставить этотъ вопросъ гораздо сложнѣе. Но въ результатѣ работы Мальтуса является во всякомъ случаѣ то, что онъ приковалъ вниманіе къ этому вопросу, съ одной стороны, а съ другой - заронилъ сомнѣніе и, мнѣ кажется, разъ на всегда исключилъ возможность наивнаго и благодушнаго оптимизма въ соціальномъ мышленіи, которое было свойственно его отцу и Годвину. Онъ во всякомъ случаѣ этихъ соціальныхъ реформаторовъ, которые строили будущее, исходя изъ соціальнаго переустройства, заставилъ задуматься, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ причинъ, которыя не зависятъ отъ человѣческой воли и которыя могутъ осложнить всякую соціальную реформу. Въ ученіи Мальтуса можно различить двѣ стороны. Одна - это чисто экономическое ученіе о значеніи народонаселенія и о возможности случаевъ несоотвѣтствія между населеніемъ и средствами существованія; другая - это соціальное ученіе, именно ученіе о томъ, что бѣдность происходитъ исключительно, или главнымъ образомъ, отъ чрезвычайнаго размноженія, а потому средства борьбы съ бѣдностью сводятся къ средствамъ борьбы съ этимъ чрезвычайнымъ размноженіемъ. Мальтусъ „перегнулъ лукъ", какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, въ этой второй части своего ученія, въ соціальной. Здѣсь нельзя отрицать односторонности и увлеченія доктриной, хоть и нельзя не привести цѣлаго ряда историческихъ указаній, которыя нѣсколько объясняютъ одностороннность Мальтуса.

Англія въ это время переживала исключительную эпоху. Съ одной стороны, промышленная революція поставила страну на совершенно новые рельсы, съ другой стороны - хозяйственное потрясеніе предыдущей эпохи, пролетаризація сельскаго населенія произвели такой приростъ населенія, главнымъ образомъ среди пауперовъ, какого Англія не видала ни раньше, ни позже. Вся страна страдала несомнѣнно и неоспоримо общимъ перенаселеніемъ, т.е. существующія отрасли народнаго труда не въ состояніи были поглотить всѣхъ освободившихся рабочихъ рукъ просто вслѣдствіе недостаточнаго развитія промышленности, что вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ фактовъ отмѣчалось и во всѣхъ

парламентскихъ отчетахъ того времени. Односторонность соціальнаго ученія Мальтуса опредѣляется кромѣ того еще и полемикой съ Годвиномъ, который былъ одностороненъ въ противоположномъ направленіи, и, полемизируя съ нимъ, Мальтусъ оказался односторонень и въ своемъ направленіи. Односторонность эта предопредѣлила и судьбы идей Мальтуса въ дальнѣйшемъ развитіи политической экономіи. Естественно ожидать, что отношеніе къ идеямъ Мальтуса въ значительной степени опредѣлится общимъ соціальнымъ міровоззрѣніемъ того или другого писателя. Мальтусъ и при своей жизни и впослѣдствіи имѣлъ одинаково и горячихъ сторонниковъ и противниковъ, при чемъ число сторонниковъ было, пожалуй, больше, нежели противниковъ. Изъ экономистовъ Англіи ближайшимъ по времени горячимъ сторонникомъ его является Сеньеръ, затѣмъ Торнтонъ, авторъ работы о трудѣ, и затѣмъ оба Милля, какъ отецъ, такъ и сынъ (какъ Джемсъ Милль, такъ и Джонъ Стюартъ Милль). Послѣдній считаетъ теорію Мальтуса совершенно неоспоримой. „Способность къ размноженію, - говоритъ онъ, - свойственная всей органической жизни, можетъ считаться безпредѣльной. Человѣческій родъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Способность его къ размноженію безгранична, и его дѣйствительное размноженіе пошло бы чрезвычайно быстро, если бы эта способность могла проявляться съ наиболѣе возможной для него силой". „Опытъ доказываетъ, - далѣе разсуждаетъ Милль, - что большинство людей сами по себѣ никогда не задаются вопросами нравственности, не разбираетъ своихъ поступковъ съ точки зрѣнія справедливаго и несправедливаго, если имъ не повторятъ объ этомъ возможно чаще; но кто же говоритъ людямъ, пока они остаются въ предѣлахъ брачныхъ отношеній, что у нихъ есть обязанности въ той области, о которой мы говоримъ теперь? Подвергнется ли хоть малѣйшему осужденію и, напротивъ, не встрѣтитъ ли даже доброжелательное отношеніе и участіе тотъ, кто невоздержанностью въ этомъ отношеніи причинитъ столь значительное зло себѣ и своимъ близкимъ? Къ человѣку, невоздержанному въ употребленіи напитковъ, отнесутся съ порицаніемъ и презрѣніемъ всѣ, кто требуетъ отъ другихъ нравственной жизни; когда же дѣло идетъ о благотворительности, - наоборотъ; большая семья и невозможность прокормить ее является самымъ

главнымъ основаніемъ для того, чтобы оказать такому человѣку помощь. Нечего удивляться тому, что замалчиванье этой важной области обязанностей человѣка, заставляя забывать факты вполнѣ естественные, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ отсутствіе у людей сознанія своихъ нравственныхъ обязанностей". Такое же благосклонное отношеніе къ себѣ встрѣчаетъ ученіе Мальтуса и въ современной англійской политической экономіи. По крайней мѣрѣ, очень видные современные экономисты, какъ, напримѣръ, Маршаль и друг., относятся къ ученію Мальтуса о народонаселеніи съ нескрываемымъ сочувствіемъ. Подобнымъ же образомъ и въ Германіи представители академической политической экономіи большею частью относятся къ ученію Мальтуса весьма серьезно и съ большимъ признаніемъ его заслугъ.

Разумѣется, ученіе Мальтуса въ настоящее время цѣликомъ, съ прогрессіями и со всѣми подробностями, никто не беретъ, но основной фактъ возможности несоотвѣтствія населенія со средствами существованія и общія экономическія проблемы народонаселенія не только не оспариваются, но и устанавливаются все болѣе рѣшительно.

Можно назвать цѣлый рядъ экономистовъ нашего времени, разсматривавшихъ въ этомъ смыслѣ проблему о народонаселеніи, какъ Лоренцъ фонъ-Штейнъ, Густавъ Рюмелинъ, статистикъ Конрадъ, проф. Филипповичъ, Эльстеръ и многіе другіе, считающихъ, что, хотя Мальтусъ въ подробностяхъ и заблуждался, но въ основѣ правъ. Но не мало и противниковъ. Противники эти наиболѣе рѣзкіе и наиболѣе рѣшительные встрѣчаются прежде всего въ лагерѣ соціалистовъ. Это понятно, потому что и самое произведеніе Мальтуса было вызвано полемикой съ идеями характера, если не вполнѣ соціалистическаго, то во всякомъ случаѣ приближающагося къ соціализму, и утвержденіе Мальтуса о томъ, что населеніе можетъ превысить средства существованія, дѣйствительно является весьма серьезнымъ и способнымъ зародить весьма серьезное сомнѣніе въ соціалистическомъ представленіи о томъ, что можно найти гармоническій общественный строй. Весь кодексъ соціализма, ученіе о будущемъ обществѣ, будущемъ государствѣ, исходитъ изъ представленія о томъ, что въ реформѣ производства и реформѣ распредѣленія можно найти такое экономическое равновѣсіе,

при которомъ не будетъ чувствоваться бѣдность, относительная или абсолютная - все равно. Подразумѣвается, что эта гармонія какъ бы естественнс предустановлена, что достаточно устранить препятствія къ ней, въ видѣ существующей соціальной системы, и она установится сама собой. Естественно, утвержденіе, что такая гармонія невозможна по законамъ природы, сдѣлало соціалистовъ непримиримыми врагами Мальтуса. Принимая во вниманіе тревоги Мальтуса, нужно искать такого состоянія общества, при которомъ не только вопросъ о производствѣ и распредѣленіи разрѣшенъ удовлетворительно, но и вопросъ о соотношеніи между народонаселеніемъ и средствами существованія тоже получаетъ удовлетворительное разрѣшеніе. Слѣдовательно, или нужно показать, какъ онъ можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно, или же отвергнуть и самый вопросъ. Этимъ послѣднимъ путемъ и идутъ соціалистическіе критики Мальтуса, каждый по своему.

Французскій соціалистъ Фурье, выработавшій фантастическую систему преобразованія общества посредствомъ хозяйственныхъ группъ, такъ называемыхъ фалангъ и общественныхъ хозяйственныхъ учрежденій, такъ называемыхъ фаланстеръ, расправляется съ Мальтусомъ легко при помощи нѣсколькихъ выводовъ фантастическаго характера. Онъ считаетъ, что слишкомъ быстрый приростъ населенія будетъ парализоваться четырьмя причинами: 1) здоровьемъ женщинъ, 2) пастрософическимъ режимомъ, 3) фанерогамными нравами и 4) всесторонними тѣлесными упражненіями.

Что касается другого французскаго соціалиста, или скорѣй анархиста, Прудона, то онъ тоже считаетъ, что когда будетъ осуществлена общественная реформа по его плану, то вопросъ о народонаселеніи разрѣшится самъ собой. Онъ говоритъ, что „Цѣломудріе - спутникъ труда; изнѣженность - принадлежность праздности. Люди умственнаго труда, энергическіе мыслители, всѣ эти великіе труженики малоспособны предаваться любви... Поэтому, если, въ силу закона необходимости, мы будемъ болѣе отдаваться труду, нежели отдавались ему наши предки, то съ такою же необходимостью мы все менѣе будемъ предаваться наслажденіямъ любви".

Гораздо болѣе интересны критическія замѣчанія о Мальту-

сѣ, принадлежащія Марксу. Марксъ подходитъ къ самому корню вопроса о народонаселеніи и возражаетъ Мальтусу, становясь на историческую точку зрѣнія. По мнѣнію Маркса, Мальтусъ формулировалъ абстрактный законъ о народонаселеніи, т.е. такой законъ, который существуетъ лишь для животныхъ и растеній, но онъ не приложимъ къ исторіи человѣчества. Для исторіи человѣчества нужно формулировать историческій законъ движенія народонаселенія, а каждая историческая эпоха имѣетъ свой особый законъ о народонаселеніи. Обращаясь въ частности къ капиталистической эпохѣ, въ противоположность Мальтусу. Марксъ составляетъ свою теорію относительно перенаселенія.

Прежде, чѣмъ обратиться къ этой теоріи, нужно сказать, что въ общемъ Марксъ совершенно правъ; существуетъ лишь историческій законъ народонаселенія, т.е. что формулировать отношенія между населеніемъ и средствами существованія въ общихъ и абстрактныхъ чертахъ - невозможно. Я думаю, что въ этомъ согласился бы съ нимъ и Мальтусъ, несмотря на то, что во многихъ своихъ выраженіяхъ онъ подавалъ поводъ къ этому обвиненію въ абстрактности. Конечно, въ различныхъ историческихъ обстоятельствахъ возможно различное движеніе населенія, но, исходя изъ своего совершенно справедливаго замѣчанія, Марксъ идетъ гораздо дальше, чѣмъ позволяютъ ему его собственныя предпосылки, и, въ концѣ концовъ, этимъ справедливымъ замѣчаніемъ устраняетъ общій вопросъ для всей эпохи некапиталистической, въ частности, для соціалистической.

Что касается эпохи капиталистической, то вотъ тѣ замѣчанія, которыя онъ считаетъ возраженіями противъ Мальтуса. Онъ полагаетъ, что капитализму свойственъ свой особый законъ народонаселенія и перенаселенія. Именно: капиталъ, то увеличиваясь, то сокращаясь, то расширяясь, то сжимаясь, призываетъ и отсылаетъ, притягиваетъ и отталкиваетъ рабочую силу, вслѣдствіе чего создается колеблющійся спросъ на трудъ, и этими сокращеніями спроса производится какъ бы перенаселеніе.

Кромѣ того, есть въ самомъ характерѣ развитія капиталистическаго производства причина, представляющаяся постояннымъ источникомъ перенаселенія. Причина эта въ томъ, что съ развитіемъ капитализма все большая часть капитала затрачивается

на орудія и матеріалъ производства, и все меньшая часть - на заработную плату. Вслѣдствіе этого капиталъ даннаго размѣра предъявляетъ все меньшій спросъ на трудъ по мѣрѣ техническаго прогресса. Этимъ сокращеніемъ спроса на трудъ и создается перенаселеніе, т.е. получается избыточное населеніе, не находящее себѣ заработка. Это соображеніе отчасти справедливо, но оно ограничивается въ силу тѣмъ обстоятельствомъ, что общій ростъ всего капитала, прилагаемаго въ производствѣ, можетъ совершаться быстрѣе, нежели это сокращеніе доли капитала, затрачиваемаго на рабочую силу. Благодаря этому, общій размѣръ части капитала, расходуемой на трудъ, можетъ увеличиваться и фактически обыкновенно увеличивается, такъ что перенаселеніе на этой почвѣ можетъ и не воспослѣдовать; но во всякомъ случаѣ признаемъ это замѣчаніе справедливымъ. Но этимъ все же не рѣшается вопросъ, существуетъ или не существуетъ въ странѣ перенаселеніе помимо этого, напримѣръ перенаселеніе въ деревняхъ, вызванное естественнымъ ростомъ населенія, обгоняющаго производство и нарушающаго емкость территоріи относительно населенія. Марксъ съ этимъ вопросомъ не считается. Въ сущности то, что указываетъ Марксъ, представляетъ собой лишь одну изъ частныхъ иллюстрацій, частную форму общаго закона населенія, но отнюдь не является устраненіемъ его или ограниченіемъ. Согласно собственной идеѣ Маркса, каждая историческая эпоха имѣетъ свой особый законъ народонаселенія, а если это такъ, то приходится признать, что каждая историческая эпоха имѣетъ свой особый вопросъ народонаселенія и, что одно и то же, свою особую угрозу перенаселенія (или же недонаселенія). Во всякомъ случаѣ этимъ указаніемъ Маркса на особую форму капиталистическаго перенаселенія не дается никакого отвѣта на общій вопросъ о томъ, существуетъ или не существуетъ предустановленная гармонія между ростомъ населенія и ростомъ производства, т.е. не угрожаетъ ли все-таки, въ концѣ концовъ, возможность перенаселенія, хотя и въ отдаленномъ, уже соціалистическомъ, будущемъ.

Разборомъ мнѣнія Маркса относительно ученія Мальтуса о народонаселеніи я старался вамъ разъяснить, что общая мысль

Маркса совершенно правильна. Дѣйствительно, каждая форма хозяйства имѣетъ свой особый законъ народонаселенія, и народонаселеніе находится въ извѣстной зависимости отъ формы хозяйства. Дать какую-нибудь простую формулу, исчерпывающую и опредѣляющую характеръ этихъ отношеній для различныхъ историческихъ эпохъ, совершенно невозможно, потому что отношенія эти могутъ мѣняться въ самыхъ различныхъ и противоположныхъ направленіяхъ, и одинаково возможно какъ перенаселеніе, такъ и недонаселеніе. Историческое изученіе даетъ въ этомъ отношеніи самые различные примѣры соотношенія народонаселенія и средствъ производства. Можно сказать только одно, что послѣ Мальтуса всякій историкъ хозяйственнаго быта и всякій экономистъ, изучая всѣ другія условія общественнаго хозяйства, не можетъ не остановить вниманія и на движеніи населенія и на отношеніи народонаселенія къ народному хозяйству.

Я назвалъ уже нѣсколькихъ оптимистическихъ критиковъ Мальтуса изъ соціалистовъ. Къ числу ихъ придется причислить и извѣстнаго американскаго писателя Генри Джорджа, котораго, впрочемъ, нельзя считать соціалистомъ. Самъ онъ является даже противникомъ соціалистовъ, но во всякомъ случаѣ его слѣдуетъ отнести къ числу радикальныхъ общественныхъ реформаторовъ. Генри Джорджъ съ чрезвычайнымъ оптимизмомъ возстаетъ противъ ученія Мальтуса. Любопытно, что самые энергичные противники Мальтуса - оптимистическаго оттѣнка, Генри Джорджъ и Кэри - американскіе экономисты, оба являются гражданами Американскихъ Соедин. Штатовъ съ ихъ необъятной земельной площадью. Американскіе Соединенные Штаты въ то время страдали не перенаселеніемъ, а недонаселеніемъ, и впечатлѣніе дѣйствительности въ этомъ отношеніи позволяло нѣкоторый оптимизмъ.

Генри Джорджъ, излагая теорію Мальтуса, высказывается о ней слѣдующими словами: „все это я отрицаю, - говоритъ онъ, - я утверждаю, что справедливо какъ разъ обратное, и утверждаю, что при всякомъ данномъ состояніи цивилизаціи совокупность большаго количества людей легче можетъ быть обезпечена продовольствіемъ, чѣмъ совокупность меньшаго количества. Я утверждаю, что несправедливость общественнаго устройства, а не скудость природы является причиной бѣдности и нищеты, которыя

господствующая теорія приписываетъ перенаселенію. Я утверждаю, что вызванные увеличеніемъ населенія къ существованію новые рты требуютъ не болѣе пищи, чѣмъ прежніе, между тѣмъ, какъ руки производятъ больше въ силу естественнаго хода вещей. Я утверждаю, что чѣмъ больше народонаселеніе, тѣмъ выше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должна быть та степень благосостоянія, которая при справедливомъ распредѣленіи благъ должна быть предоставлена каждому индивидууму. Я утверждаю, что при состояніи равенства естественный приростъ населенія постоянно стремится сдѣлать каждаго индивидуума богаче, а не бѣднѣе". Генри Джорджъ - писатель съ большимъ темпераментомъ, но его утвержденія далеко не всегда подтверждаются убѣдительностью его аргументацій. Говорю такъ при всемъ уваженіи и симпатіи къ этому писателю. Такъ и въ данномъ случаѣ утвержденіе, что каждый человѣкъ, рождаясь на землѣ, приноситъ съ собой руки и, слѣдовательно, обезпечиваетъ самъ себѣ возможность существованія, обезсиливается рядомъ другихъ соображеній, именно, что раньше, чѣмъ онъ получитъ способность этими руками добывать себѣ средства къ существованію, онъ долженъ: 1) долгій періодъ младенчества, дѣтства и юности существовать на средства общества и 2), что самое главное, человѣкъ родится не только съ руками, но и въ опредѣленной исторической обстановкѣ, въ опредѣленной общественной средѣ, въ данной общественно-хозяйственной организаціи, которая можетъ предъявлять спросъ на эти рабочіе руки, можетъ и не предъявлять; поэтому сама по себѣ такая индивидуалистическая постановка этого вопроса не отвѣчаетъ дѣйствительной его сложности. Нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ такимъ соображеніемъ, что каждый человѣкъ родится со своими руками, потому что этотъ аргументъ приложимъ лишь тогда, когда земля лишь впервые заселяется. Конечно, Робинзонъ только и могъ то получить, что могъ сдѣлать своими руками, но современный русскій крестьянинъ при существующемъ малоземельи, хотя и имѣющій свои руки, нуждается еще въ землѣ, къ которой онъ могъ бы приложить свой трудъ. Слѣдовательно, правъ или неправъ Мальтусъ, но такъ упрощенно ставить вопросъ, какъ его ставитъ Генри Джорджъ и цѣлый рядъ соціалистическихъ писателей, и какъ онъ нерѣдко ставится - нельзя.

Нужно отмѣтить, что изъ среды соціалистовъ не всѣ смотрятъ такъ успокоительно на вопросъ о народонаселеніи, какъ вышепоименованные. Назову, напримѣръ, одного изъ самыхъ выдающихся представителей Марксова соціализма - Карла Каутскаго, который совершенно не раздѣляетъ оптимизма своего учителя. Онъ полагаетъ, что капиталистическое перенаселеніе есть лишь частная форма перенаселенія, но считаетъ въ значительной степени вѣроятнымъ, что вопросъ о народонаселеніи встанетъ и въ соціалистическомъ обществѣ, поэтому онъ разрѣшаетъ его въ книгѣ о народонаселеніи въ неомальтузіанскомъ духѣ, въ смыслѣ сознательнаго регулированія народонаселенія искусственнымъ сокращеніемъ рождаемости.

Мальтусу, кромѣ критиковъ со стороны соціалистовъ и радикальныхъ реформаторовъ, возражали писатели и разныхъ другихъ направленій, характеризующихся болѣе или менѣе оптимистическимъ отношеніемъ къ вопросу о народонаселеніи.

Заслуживаетъ упоминанія соотечественникъ Мальтуса, англійскій писатель начала XIX вѣка, Садлеръ, который на основаніи цѣлаго ряда вычисленій и соображеній подвергаетъ критикѣ прогрессіи Мальтуса и пытается установить, что народонаселеніе размножается не въ геометрической прогрессіи, а совершенно инымъ способомъ, что средства существованія увеличиваются гораздо быстрѣй, чѣмъ принималъ Мальтусъ. Вслѣдствіе ошибки, допущенной Мальтусомъ въ этихъ прогрессіяхъ, получился и неправильный выводъ, такъ что, если внести соотвѣтствующую поправку, то вовсе не получится такой угрожающей разницы между приростомъ населенія и средствами существованія.

Другая группа возраженій Мальтусу основывалась на соображеніяхъ религіозныхъ или теологическихъ; ея представители и обрушивались на Мальтуса за то, какимъ образомъ онъ, христіанскій священникъ, могъ установить такой законъ, какъ бы компрометирующій устройство міра и дѣятельность Провидѣнія. Съ этой точки зрѣнія Мальтуса подвергаютъ, между прочимъ, критикѣ и французскій писатель Бастіа и американскій писатель Кэри. „Ученики Мальтуса, - говоритъ Бастіа, - вы нелицемѣрные и оклеветанные друзья человѣчества, неправе только въ одномъ - въ своемъ желаніи спасти человѣчество отъ мнимаго рока, - я

могу указать вамъ болѣе утѣшительный законъ: при прочихъ равныхъ условіяхъ, увеличеніе плотности населенія соотвѣтствуетъ увеличенію легкости производства". „Гармонія, - продолжаетъ Бастіа въ другомъ мѣстѣ, - таковъ окончательный результатъ порядка, установленнаго Провидѣніемъ и великимъ закономъ природы, въ томъ случаѣ, если они царятъ безпрепятственно, если ихъ разсматривать самихъ по себѣ, оставляя въ сторонѣ то смятеніе, которое вноситъ въ ихъ дѣйствіе заблужденіе и насиліе. При видѣ этой гармоніи экономистъ можетъ воскликнуть, какъ это дѣлаетъ астрономъ при зрѣлищѣ движенія планетъ или физіологъ, созерцая расположеніе человѣческихъ органовъ: въ этомъ виденъ перстъ Божій". Такого же мнѣнія держится и американ ский экономистъ Кэри. Онъ говоритъ: „возможно ли, чтобы Творецъ впалъ въ такое противорѣчіе съ самимъ собой? Возможно ли, чтобы онъ, утвердивъ во всемъ матеріальномъ мірѣ систему, части которой находятся между собой въ полной гармоніи, подчинилъ затѣмъ человѣка, господина всего міросозданія, законамъ, которые должны породить всеобщую дисгармонію? Возможно ли, чтобы, одаривъ человѣка всѣми свойствами, необходимыми для пріобрѣтенія господства, Онъ подчинилъ того же человѣка законамъ, въ силу которыхъ послѣдній долженъ стать рабомъ природы?" (Далѣе Кэри подвергаетъ этотъ вопросъ разсмотрѣнію и физіологически приходитъ къ заключенію, что степень плодовитости измѣняется обратно развитію нервной системы, и способность продолженія жизни и способность воспроизведенія антагонистичны другъ другу, и этотъ антагонизмъ постоянно поддерживаетъ равновѣсіе между ними).

Конечно, этотъ теологическій аргументъ имѣетъ силу и интересъ только для тѣхъ, кто стоитъ на почвѣ того общаго религіознаго міровоззрѣнія, которое раздѣляетъ и Мальтусъ и его критики. Мальтусъ самъ какъ бы предвидѣлъ эти обвиненія въ богохульствѣ, когда говорилъ въ послѣднихъ страницахъ своего труда: „я всегда думалъ, что законъ народонаселенія болѣе всякаго другого пригоденъ для нашего исправленія и испытанія. И дѣйствительно, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ законовъ природы онъ полнѣе другихъ подтверждаетъ изображенное въ Священномъ Писаніи воззрѣніе на назначеніе нашей земной жизни. Такъ какъ, слѣдуя путемъ добродѣтели и внушенія разума, человѣкъ можетъ избѣгнуть вредныхъ для него и для общества послѣдствій закона

народонаселенія, то необходимо признать, что въ этомъ великомъ законѣ природы вполнѣ осуществились намѣренія Творца. Поэтому я былъ удивленъ и огорченъ тѣмъ, что большинство возраженій противъ моего сочиненія исходило отъ лицъ, нравственный и религіозный характеръ которыхъ постоянно вызывалъ чувство моего глубочайшаго уваженія, и сочувствіе которыхъ мнѣ было бы особенно дорого".

И, дѣйствительно, со своей точки зрѣнія Мальтусъ правъ. Вѣдь то ученіе, представителемъ котораго явился Мальтусъ, вовсе не обезпечиваетъ и не устраиваетъ гармоніи человѣческаго существованія на землѣ. Напротивъ, оно разсматриваетъ землю, какъ землю проклятія, на которой въ потѣ лица добывается хлѣбъ; и въ этомъ смыслѣ несоотвѣтствіе между населеніемъ и естественными дарами природы есть только одно изъ частныхъ выраженій той же дисгармоніи, подтвержденіе ненормальныхъ отношеній между человѣкомъ и природой, которыя вообще характеризуютъ грѣховное состояніе человѣка. Въ этомъ отношеніи Мальтусъ былъ гораздо ближе къ правильному пониманію христіанскаго ученія, нежели его противники, которые превращали христіанство въ какую-то слащавую теорію. Съ другой стороны, это несоотвѣтствіе между народонаселеніемъ и средствами существованія вовсе не является, по ученію самого Мальтуса и ученію политической экономіи, непредвидѣннымъ и неустранимымъ. Оно только составляетъ постоянную трудность, задачу, которая должна быть постоянно разрѣшаема, и которая не позволяетъ человѣчеству никогда успокоиться на землѣ. Задача эта въ каждую хозяйственную эпоху ставится по своему, и въ этомъ отношеніи законъ о народонаселеніи можно разсматривать столько же какъ проклятіе, сколько какъ благодѣяніе, потому что нѣтъ болѣе вѣрнаго, болѣе неустранимаго стимула для хозяйственнаго прогресса, какъ законъ народонаселенія.

Нѣкоторые историки изъ русскихъ, напримѣръ, проф. Максимъ Ковалевскій, устанавливаютъ такую точку зрѣнія относительно измѣненія хозяйственныхъ формъ, что прогрессъ хозяйства вызывается ростомъ населенія, что ростъ населенія толкаетъ впередъ, дѣлаетъ необходимымъ переходъ отъ одной хозяйственной формы къ другой; и нельзя не согласиться, что если это и не единственная причина, то, во всякомъ случаѣ, одна изъ самыхъ главныхъ причинъ хозяйственнаго прогресса. Предоставить себѣ, какимъ об-

разомъ безъ этой причины человѣчество прошло бы по своему историческому пути отъ хозяйства семейнаго, натуральнаго къ теперешнему міровому, народному хозяйству, - совершенно нельзя, если не принять во вниманіе постояннаго давленія роста народонаселенія. Изучая исторію капитализма, изучая исторію хозяйственнаго быта, мы постоянно констатируемъ, какъ сгущеніе населенія вынуждало дѣлать ту или другую хозяйственную реформу. Въ извѣстномъ смыслѣ весь капитализмъ, вся наша теперешняя промышленность, все народное богатство нашей эпохи связано съ тѣмъ состояніемъ перенаселенія, которое человѣчество испытало наканунѣ капитализма. Капитализмъ явился средствомъ повышенія емкости территоріи относительно населенія. Такая гармонія, не предустановленная, а постоянно достигаемая, не какъ данная, а какъ задача, - вотъ что нужно для человѣчества, вотъ что гораздо болѣе соотвѣтствуетъ тому христіанскому міровоззрѣнію, представителемъ котораго является Мальтусъ, нежели фальшивый и слащавый оптимизмъ.

Мы должны еще остановиться на группѣ мнѣній критиковъ Мальтуса, исходящихъ изъ совершенно другихъ предпосылокъ, т.е. изъ предпосылокъ физіологическихъ.

Если одни старались доказать, что Мальтусъ богохульствуетъ, то другіе утверждали, что Мальтусъ противорѣчитъ наукѣ, и что физіологія устраняетъ возможность человѣческаго перенаселенія. Представителемъ этой точки зрѣнія въ Англіи, въ первую половину XIX вѣка, былъ англійскій писатель Добльдэ, очень рѣзко формулировавшій свою идею, затѣмъ Гербертъ Спенсеръ, который въ своихъ общихъ основаніяхъ біологіи высказываетъ такую общую мысль, что процессъ индивидуализаціи усложняетъ индивидуальность и находится въ обратномъ отношеніи къ процессу размноженія. „Прогрессъ, - говоритъ онъ, въ отношеніи величины, сложности строенія и подвижности предполагаетъ регрессъ по отношенію къ плодовитости, а прогрессъ къ плодовитости предполагаетъ регрессъ къ величинѣ, сложности строенія и удобоподвижности". Отсюда Спенсеръ дѣлаетъ заключеніе, что 1) чѣмъ меньше организмъ (т.е. чѣмъ меньше матеріала обращается на его индивидуализацію), тѣмъ сильнѣе его воспроизводство; 2) чѣмъ меньше слеженъ и дифференцированъ организмъ, тѣмъ больше его плодовитость; 3) чѣмъ менѣе подвижно и дѣятельно животное, тѣмъ больше его плодовитость, ибо тѣмъ менѣе расходуется мате-

ріала на движеніе". На этомъ основаніи Спенсеръ дѣлаетъ заключеніе, что прогрессъ цивилизаціи выразится въ повышеніи духовныхъ способностей, въ усложненіи нервной системы, которая приведетъ въ числѣ своихъ другихъ послѣдствій къ ослабленію плодовитости, и это движеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока человѣчество не придетъ къ равновѣсію, не достигнетъ такого состоянія, когда каждая пара будетъ производить на свѣтъ двухъ дѣтей. Можно задаться вопросомъ, почему онъ это считаетъ нормой? Мы знаемъ, что во Франціи въ настоящее время считается нормой, если мелко-буржазная семья имѣетъ только одного ребенка. Тотъ же аргументъ подтверждаетъ и нѣмецкій писатель Альфредъ Носсичъ.

Трудно очень не біологу высказать что нибудь по поводу этого соображенія на половину біологическаго характера. Можно указать лишь на то, что другіе біологи, не менѣе Спенсера авторитетные, совершенно иначе смотрятъ на это дѣло. Извѣстно, что Дарвинъ свою идею борьбы за существованіе и происхожденіе видовъ въ связи съ борьбой за существованіе формулировалъ самому себѣ, читая Мальтуса. Ученіе Малвтуса является для него чѣмъ то безспорнымъ и само собой разумѣющимся. Такъ различны могутъ быть мнѣнія естествоиспытателей по этому вопросу.

Остановлюсь въ заключеніе на послѣдней стадіи, которую получили вопросъ о народонаселеніи и Мальтусовская доктрина въ практикѣ. Это такъ называемое неомальтузіанство.

Послѣ попытокъ обезсилить тревогу о народонаселеніи всевозможными аргументами, сначала въ Англіи, а затѣмъ и во всемъ мірѣ, все сильнѣе и сильнѣе стало развиваться такое пониманіе ученія Мальтуса: Мальтусъ правъ, населеніе и его умноженіе представляетъ реальную опасность, оно дѣйствительно имѣетъ постоянную тенденцію размножаться свыше средствъ продовольствія, и наука, и въ особенности медицинская наука, должна дать средства регулированія населенія безъ ограниченія браковъ. Развитіе этой идеи вводитъ насъ въ такія медицинскія подробности, которыхъ мы не можемъ здѣсь касаться, но основная идея совершенно ясна. Въ 70-хъ годахъ XIX вѣка въ Англіи образовалась неомальтузіанская лига, которая, начавши тамъ свою агитацію, затѣмъ перенесла ее на континентъ и въ настоящее время имѣетъ отдѣлы почти во всѣхъ странахъ, становясь все болѣе и болѣе вліятельной. Вопросъ этотъ трудно обсуждать съ одной только

экономической точки зрѣнія, потому что каковы бы ни были экономическіе аргументы, они сталкиваются съ цѣлымъ рядомъ другихъ аргументовъ этическихъ, соціальныхъ и общекультурныхъ.

Подводя итоги всему сказанному до сихъ поръ, я долженъ сказать, что ростъ народонаселенія есть величайшій фактъ въ экономическомъ развитіи, и Мальтусъ, который со всей энергіей на этотъ фактъ указалъ, имѣетъ всемірную заслугу передъ человѣчествомъ; тѣмъ не менѣе какое-нибудь удовлетворительное практическое примѣненіе этой идеи въ смыслѣ регулированія населенія и точнаго приспособленія его движенія къ развитію народнаго хозяйства - вообще невозможно, и вотъ почему. Дѣло въ томъ, что вопросъ объ увеличеніи народонаселенія передъ каждымъ изъ людей становится не какъ вопросъ общественный, не какъ вопросъ народно-хозяйственный, а какъ вопросъ индивидуальный. Могутъ быть разныя соображенія въ данной семьѣ и въ данномъ случаѣ за вступленіе въ бракъ или противъ, за многосемейность или за малосемейность. Въ теперешней Франціи крестьянство изъ экономическихъ соображеній не имѣетъ больше 1-2 дѣтей, чтобы не дѣлить свою надѣльную землю; также и мелкая буржуазія часто не имѣетъ больше 1-2 дѣтей для того, чтобы не дѣлить своего имущества. Но это - соображенія частно-хозяйственныя, которыя могутъ совсѣмъ не соотвѣтствовать народнохозяйственной точкѣ зрѣнія. Новыя данныя вноситъ сюда и современная постановка женскаго вопроса. Развивающееся женское движеніе, развивающееся стремленіе женщинъ принимать участіе въ политической и культурной жизни нашего времени, находящееся въ извѣстномъ смыслѣ въ противорѣчіи съ обязанностями семьи и материнства - все это имѣетъ вліяніе на то или иное практическое рѣшеніе этого вопроса въ каждой отдѣльной семьѣ. Но всѣ эти отдѣльныя рѣшенія въ своей суммѣ даютъ нѣчто новое - результатъ абсолютно не предусмотрѣнные. Можно считать, что каждый отдѣльный французскій крестьянинъ поступаетъ очень благоразумно, не увеличивая своей семьи больше, чѣмъ онъ можетъ содержать, но оказывается, что для французскаго народа это значитъ - потеря его экономическаго и политическаго значенія, потому что въ теченіе одной четверти вѣка она стала въ полтора раза почти малочисленнѣе Германіи, сосѣдней съ ней и находящейся во враждебныхъ къ ней отношеніяхъ. Еще черезъ послѣвину вѣка населеніе будетъ относительно гораздо меньше, а это

соотношеніе и для экономическаго развитія Франціи окажется гибельнымъ. Другой примѣръ мы видимъ въ Австраліи, гдѣ движеніе населенія совершается по мальтузіанскому рецепту, т.е. остается почти неподвижно. Въ настоящее время это является для Австраліи гарантіей соціальнаго благополучія, гарантіей того, что тамъ не будетъ перенаселенія, и, слѣдовательно, будетъ поддерживаться тотъ высокій уровень благосостоянія, котораго она достигла. Но достаточно нарушенія политическаго равновѣсія, достаточно малѣйшаго толчка, и желтая раса своей численностью смететъ все это соціальное Эльдорадо. Такіе примѣры могутъ быть безконечно разнообразны, но остается безспорнымъ фактъ, что отдѣльныя лица, отдѣльныя семьи не могутъ предусмотрѣть народно-хозяйственнаго и историческаго значенія того движенія населенія, которое они обсуждаютъ и въ которомъ участвуютъ въ своей семейной практикѣ. Въ этомъ смыслѣ мальтусовскія требованія или совѣты обращенія къ отдѣльнымъ семьямъ не имѣютъ собственно того народно-хозяйственнаго значенія, которое онъ имъ приписываетъ.

Мнѣ кажется, что при томъ поворотѣ, который все болѣе и болѣе намѣчается въ общественномъ мнѣніи европейскаго и американскаго міра, и при томъ настроеніи, которое существуетъ, при той страшной распространенности нео-мальтузіанской литературы и нео-мальтузіанскихъ практическихъ рецептовъ, въ настоящее время скоро можетъ стать подъ вопросъ способность по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ европейскихъ и американскихъ расъ увеличиться и, слѣдовательно, исторически прогрессировать. Во Франціи среди экономистовъ патріотовъ вопросъ о „depopulation“ представляетъ предметъ величайшихъ заботъ и тревогъ. Я полагаю, то же должно происходить и въ Австраліи.

Во всякомъ случаѣ тамъ, гдѣ нѣтъ энергичнаго роста населенія, покупаемаго хотя цѣной временнаго и частичнаго переселенія, вездѣ печать историческаго застоя и неподвижность вырисовываются все яснѣе и яснѣе. Въ этомъ отношеніи существуетъ повсюду какое то несоотвѣтствіе между стремленіемъ къ имущественному благополучію отдѣльныхъ лицъ и процвѣтаніемъ расы, связаннымъ съ размноженіемъ.

Съ одной стороны несомнѣнно, что то увеличеніе народонаселенія, которое имѣется въ русскомъ крестьянствѣ, является одной изъ причинъ величайшей бѣдности этого населенія, а съ

другой стороны этимъ создается базисъ для такого экономическаго и національнаго прогресса въ будущемъ, какой только возможенъ при благопріятныхъ естественныхъ географическихъ условіяхъ, и который исключается для страны, находящейся въ застоѣ. Слѣдовательно, и вообще этотъ вопросъ приходится рѣшать не по апріорнымъ соображеніямъ, апріорнымъ рецептамъ, а лишь по точномъ историческомъ учетѣ, сообразуясь съ постановкой этого вопроса въ каждой отдѣльной странѣ; и никакого общеобязательнаго практическаго совѣта сдѣлать отсюда нельзя. Въ этомъ Мальтусъ неправъ. Мальтусъ думалъ прописать рецептъ и спасти человѣчество отъ перенаселенія. Этого сдѣлать нельзя. Но что бы ни говорили его критики, какъ бы ни злословили его за его мнимую жестокость, во всякомъ случаѣ за нимъ остается та заслуга, что вопросъ о народонаселеніи, имъ поставленный, не можетъ быть ни снятъ, ни устраненъ изъ экономическаго мышленія и общественнаго сознанія.

РИКАРДО.

Третьимъ представителемъ классической школы политической экономіи является Давидъ Рикардо. Давидъ Рикардо родился въ 1772 году въ семьѣ богатаго еврейскаго купца. Онъ съ дѣтства былъ предназначенъ для профессіи своего отца и съ 14 лѣтъ уже участвовалъ въ биржевыхъ операціяхъ и на этомъ поприщѣ достигъ большого богатства и уваженія. Онъ отличался большой независимостью характера и въ это время разошелся, между прочимъ, со своею семьей. Одной изъ причинъ этого было то, что онъ принялъ христіанство, а его семья, ортодоксальная еврейская, не могла примириться съ этимъ, и это было вообще причиной неладовъ между нимъ и его отцомъ. Онъ былъ, слѣдовательно, предоставленъ самому себѣ. До 25 лѣтъ онъ прилежно занимался математикой, химіей и минералогіей, на политическую же экономію его натолкнуло впервые „Богатство народовъ". Слѣдовательно, Рикардо не получилъ систематическаго образованія и является талантливымъ самоучкой. До 1809 года онъ выпустилъ первую свою экономическую работу „О высокой цѣнѣ золотыхъ слитковъ", посвященную вопросамъ денежнаго обращенія и денежнаго кризиса, случившагося въ это время въ Англіи. Въ 1811-1816 гг.

онъ пишетъ рядъ работъ о банкахъ и хлѣбныхъ пошлинахъ. Въ 1817 году появилось въ свѣтъ главное его сочиненіе: „Основы политической экономіи", изданное имъ по настоянію друзей, побѣдив - шихъ скромность и застѣнчивость Рикардо. Черезъ 2 года, въ 1819 году, это сочиненіе вышло вторымъ изданіемъ. Рикардо уже къ 25 году пріобрѣлъ милліонное состояніе своими биржевыми опе раціями, сдѣлался крупнымъ землевладѣльцемъ, пріобрѣлъ имѣніе, которое, какъ извѣстно, даетъ въ Англіи политическія права, и сдѣлался членомъ палаты общинъ, которымъ оставался до самой смерти. Въ палатѣ общинъ онъ былъ замѣтнымъ дѣятелемъ, благодаря своему практическому уму и личнымъ достоинствамъ, находился въ дружбѣ съ видными экономистами своего времени, въ частности былъ связанъ самыми близкими узами съ Мальтусомъ. Адама Смита онъ чтилъ, какъ своего учителя.

Рикардо является едва ли не самымъ вліятельнымъ экономистомъ XIX вѣка. Это въ особенности станетъ яснымъ, если мы примемъ во вниманіе, что вліяніе Рикардо на экономическую мысль и экономическую жизнь проявляется не только непосредственно черезъ его сочиненія, но, главнымъ образомъ, посредствомъ тѣхъ экономическихъ писателей, міровоззрѣніе которыхъ онъ въ значительной степени или опредѣлилъ или наложилъ на нихъ неизгладимую печать; писатели эти - Лассаль, Марксъ, Родбертусъ, которые до извѣстной степени и являются проводниками вліянія Рикардо; поэтому если суммировать его вліяніе на научное и соціальное движеніе XIX в;, прямое и косвенное, то можно сказать, что оно было совершенно исключительное. Рикардо обладалъ совершенно исключительнымъ тонкимъ, аналитическимъ умомъ и удивительной прозрачностью мысли, логичностью, послѣдовательностью въ изложеніи своихъ мыслей. Но это не все, что есть у Рикардо. Отличительная особенность мышленія у Рикардо, которая унаслѣдована дальнѣйшей политической экономіей и сохранилась и въ настоящее время - это крайняя отвлеченность, крайняя абстрактность его пониманія экономической жизни и экономическихъ феноменовъ. Эта отвлеченность сама по себѣ была бы не столь большимъ зломъ, потому что она связана со многими достоинствами, если она не сопровождается злоупотребленіемъ, состоящимъ въ насильственномъ упрощеніи дѣйствительной жизни. Если бы я зналъ о каждомъ изъ васъ, положимъ, что каждый имѣетъ глаза, голову, волосы, то, въ сущности говоря, я почти ни

чего не зналъ бы о васъ. Но если бы, кромѣ того, я, исходя изъ такого отвлеченнаго знанія, въ сущности безспорнаго, но въ то же время настолько отвлеченнаго, что нисколько не характеризуетъ изучаемый объектъ, путемъ логическихъ комбинацій и логическихъ выводовъ сталъ развивать цѣлую систему, то когда передо мною окажется эта цѣльная, логичная, „красивая система", то я самъ себя ею такъ сказать загипнотизирую. Этотъ мой грубый и фантастическій примѣръ находитъ свою параллель въ области экономическихъ отношеній, когда берутся самые общіе, самые отвлеченные признаки того, что происходитъ въ общественной экономической жизни, и на основаніи только этихъ признаковъ строится система политической экономіи. Система получится очень стройная, очень ясная, логичная. Такая система легче строится, чѣмъ обобщеніе, основанное на какомъ бы то ни было конкретномъ изученіи. Человѣческій умъ по своему устройству, по характеру познанія, настолько жаждетъ этой стройности и цѣльности, видя въ ней законченное зданіе, что подобная ясная система воспринимается наиболѣе легко, наиболѣе охотно, безъ сопротивленія. Эта отвлеченная схема имѣетъ большое значеніе 1) логической гармоничностью и 2) все-таки указаніемъ самыхъ общихъ признаковъ, которыми характеризуются явленія, въ дѣйствительности болѣе сложныя. Нѣчто подобное можно сказать и о Рикардо. Самъ Рикардо, обладая въ высшей степени абстрактнымъ умомъ, построилъ свою систему на основаніи нѣсколькихъ абстрактныхъ предпосылокъ, и система получилась въ высшей степени отвлеченная, далекая отъ конкретной дѣйствительности и исторіи. Къ сожалѣнію, эта условность его обобщеній не всегда принималась достаточно во вниманіе; ихъ считали подлиннымъ выраженіемъ дѣйствительности. Рикардо предопредѣлилъ дальнѣйшій путь политической экономіи, отклонивъ ее отъ историческаго русла на путь безплодныхъ абстракцій, или, по крайней мѣрѣ, очень сильно повліялъ на это развитіе. Нельзя отрицать того, что Марксъ, отчасти даже Родбертусъ, имѣли склонность къ историческому изученію, но и они воспроизводятъ эти особенности мышленія Рикардо. То, что у Рикардо было въ значительной степени еще наброскомъ, то у Маркса и Родбертуса получаетъ характеръ выработанной системы и выражено у Маркса въ трехъ толстыхъ томахъ съ безчисленнымъ количествомъ математическихъ иллюстрацій. Возвращаясь къ Рикардо, нужно сказать, что эта особенность его мышленія явля-

лась естественнымъ выраженіемъ его собственной личности, его духовнаго склада. Эта привычка къ отвлеченности и математическое воображеніе, которыя онъ выработалъ въ своей банкирской дѣятельности, отразились и въ изслѣдованіяхъ политической экономіи. Что касается общаго міровоззрѣнія Рикардо, то оно вообще отличается отъ міровоззрѣнія и физіократовъ, и Смита, и Мальтуса. Рикардо является послѣдователемъ англійскаго писателя Іереміи Бентама, основавшаго школу, такъ называемаго, утилитаризма. Это этическое ученіе основывалось на томъ, что человѣкъ руководится и долженъ и можетъ руководиться въ своихъ поступкахъ своимъ личнымъ интересомъ, своей пользой, но что этому интересу, этой пользѣ соотвѣтствуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ интересы и другихъ людей, и, слѣдовательно, разумно понятые интересы личности приводятъ къ извѣстнымъ благопріятнымъ дѣйствіямъ относительно другихъ людей. Самъ Бентамъ считалъ возможнымъ мотивы человѣческихъ дѣйствій и человѣческія дѣйствія исчислить самымъ точнымъ образомъ. Онъ мечталъ о наукѣ, называемой имъ нравственной ариѳметикой, въ которой съ точностью ариѳметики исчислялись бы мотивы за и противъ личныхъ интересовъ, вреда и пользы. Въ области политической экономіи это міровоззрѣніе привело къ созданію и установленію той, въ высшей степени сомнительной, предпосылки, которая легла въ основаніе всѣхъ изслѣдованій классической школы и оказала большое вліяніе въ политической экономіи, - предпосылкѣ о такъ называемомъ „экономическомъ человѣкѣ". По этой предпосылкѣ предполагается, что человѣкъ въ своей экономической дѣятельности руководится 1) исключительно личнымъ экономическимъ интересомъ и 2) что онъ наилучше понимаетъ этотъ экономическій интересъ, такъ что, исходя изъ этого предположенія, человѣкъ превращается въ очень простую, какъ бы счетную машину, дѣйствіе которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно довольно точно предусмотрѣть. Такъ разсуждалъ Бентамъ, такъ разсуждала его школа и такъ разсуждалъ и Рикардо. Въ примѣненіи къ политической экономіи слѣдуетъ изъ такого положенія то, что если каждый человѣкъ является, съ одной стороны, безграничнымъ эгоистомъ, а съ другой - разумнымъ эгоистомъ, то это и создаетъ требуемую гармонію. Вслѣдствіе этой ариѳметики интересовъ и основное положеніе общаго міровоззрѣнія Рикардо является

поэтому такимъ, что при преслѣдованіи своихъ интересовъ человѣкъ находится въ удивительномъ соотвѣтствіи съ „общимъ благомъ общества", и что, съ другой стороны, „святость собственности представляетъ величайшую гарантію общества".

Обращаясь къ его экономическому ученію, мы должны остановиться на рядѣ вопросовъ экономической теоріи и, прежде всего, на вопросѣ о теоріи цѣнности. Въ теоріи цѣнности Рикардо является продолжателемъ и отчасти усовершенствователемъ Адама Смита. Адамъ Смитъ, какъ вы помните, установилъ противорѣчивую и неясную теорію цѣнности, въ которой варьируются два несогласныхъ между собой ученія: 1) цѣнность опредѣляется трудомъ, который можно вымѣнять на товаръ, и 2) цѣнность опредѣляется трудомъ, который нужно затратить на товаръ. Рикардо высказываетъ болѣе рѣшительный и опредѣленный принципъ: „цѣнность предмета, или количество всякаго другого предмета, на которое онъ обмѣнивается, опредѣляется относительнымъ количествомъ труда, необходимымъ для производства, а не большимъ или меньшимъ вознагражденіемъ за этотъ трудъ". Въ этомъ отношеніи онъ вноситъ поправку въ ученіе Адама Смита и устраняетъ его двойственность. Относительно вопроса о различныхъ видахъ труда и о томъ, какъ эти различные виды труда сводятся къ одной общей единицѣ, Рикардо, также какъ и Смитъ, ограничивается лишь указаніемъ на то, что вообще это происходитъ, при чемъ оцѣнка всякаго труда совершается рыночной практикой. „Оцѣнка всякаго труда скоро устанавливается на рынкѣ и съ достаточной точностью примѣняется ко всѣмъ практическимъ требованіямъ и большею частью зависитъ отъ сравнительной ловкости рабочаго и напряженности его труда. Если однажды установилась такая сравнительная лѣстница оцѣнокъ, она подвергается потомъ лишь небольшимъ измѣненіямъ. Если рабочій день ювелира стоитъ дороже одного дня простого рабочаго, то это уже давно установившееся отношеніе сохраняетъ свое надлежащее мѣсто на лѣстницѣ мѣновыхъ цѣнностей.

Итакъ, сравнивая мѣновую цѣнность одного и того же предмета за различное время, можно не обращать особаго вниманія на относительную ловкость и напряженность труда, котораго требуетъ производство этого предмета, потому что эти свойства имѣ-

ютъ одинаковое вліяніе какъ въ то, такъ и въ другое время".

Къ этому общему опредѣленію цѣнности и труда Рикардо дѣлаетъ важную поправку относительно вліянія цѣнности капитала: именно онъ указываетъ, что на цѣнность оказываетъ вліяніе не только трудъ, который затрачивается непосредственно, но и тотъ трудъ, который затраченъ на производство орудій производства или на капиталъ. Но и это опредѣленіе цѣнности терпитъ рядъ отклоненій и ограниченій. Ограниченія эти опредѣляются тѣмъ обстоятельствомъ, что различные капиталы имѣютъ различную прочность; съ другой стороны, различные товары требуютъ различнаго времени для своего изготовленія. Если два товара требуютъ одного и того же количества труда для своего изготовленія, но это количество затрачивается въ промежутки времени не равные между собой, въ такомъ случаѣ тотъ товаръ, который изготовляется въ болѣе продолжительный промежутокъ времени, будетъ стоить дороже того товара, который изготовляется въ промежутокъ времени болѣе короткій. Это происходитъ благодаря тому, что капиталъ, затрачиваемый здѣсь на производство, требуетъ своего вознагражденія по средней нормѣ процентовъ. Значитъ, если одинъ товаръ изготовляется въ годъ, а другой въ 2 года, то въ первомъ случаѣ проценты на капиталъ причитываются за одинъ годъ, а во второмъ - за два года. Другой случай вліянія различной прочности капиталовъ постояннаго и перемѣннаго таковъ: предположимъ, что мы имѣемъ два капитала, изъ котораго половина затрачичается на заработную плату, а другая - только 1/3. Если повышается заработная плата, то это повышеніе ощущается въ неравной степени обоими капиталами, тотъ капиталъ, въ которомъ на заработную плату затрачивается 1/2, принужденъ будетъ увеличить свой расходъ на нее больше, чѣмъ тотъ, въ которомъ затрачивается только 1/3. Это приведетъ къ тому, что продукты, изготовленные при большемъ участіи труда будутъ стоить дороже, чѣмъ продукты, изготовленные при меньшемъ участіи труда, т.е. что вліяніе повышенія заработной платы отразится на этихъ капиталахъ, вслѣдствіе различія ихъ составовъ, различно. Затѣмъ такое же вліяніе имѣетъ, при равной величинѣ издержекъ производства товаровъ, различіе капиталовъ, принимающихъ участіе въ производствѣ. Если, напримѣръ, одинъ то-

варъ изготовляется при участіи капитала опредѣленнаго размѣра, а другой товаръ, хотя бы его трудовая цѣнность и равна была первому, но изготовляется при участіи капитала большаго размѣра, то цѣнность ихъ будетъ различна въ силу того, что въ ней долженъ быть оплаченъ средній процентъ на капиталы неодинаковаго размѣра. Слѣдовательно, здѣсь Рикардо вводитъ цѣлый рядъ ограниченій въ принципъ опредѣленія цѣнности трудомъ. Ограниченія эти заимствованы имъ изъ практической жизни и, констатируя ихъ, онъ не даетъ имъ теоретическаго объясненія, не приводитъ въ соглашеніе съ своей собственной теоріей цѣнности. Между тѣмъ для трудовой теоріи цѣнности въ невозможности послѣдовательно, безъ ограниченій, объяснить явленіе обмѣна и лежитъ камень преткновенія. Дѣйствительно, если цѣнность опредѣляется трудомъ, настоящимъ или прошедшимъ - все равно, то какимъ образомъ могутъ имѣть вліяніе на эту цѣнность различныя постороннія обстоятельства? Это - фатальный вопросъ для всей теоріи трудовой цѣнности. Для Маркса этотъ вопросъ представляетъ въ такой же степени больное мѣсто, какъ и для Рикардо, который ближе на немъ не останавливается, ограничиваясь этимъ практическимъ указаніемъ. Такимъ образомъ, общій его выводъ относительно цѣнности таковъ. „вслѣдствіе различныхъ отношеній, въ которыхъ постоянные и оборотные капиталы употребляются въ различныхъ отрасляхъ промышленности, значительно измѣняется общее правило, сохраняющее безусловно свою силу лишь при томъ состояніи общества, когда производство требуетъ исключительно ручного труда. По этому общему правилу измѣненіе въ цѣнности товаровъ зависитъ только отъ большаго или меньшаго количества труда, употребленнаго на ихъ производство. Но соображенія, изложенныя въ этомъ отдѣленіи, доказываютъ намъ, что и независимо отъ всякихъ измѣненій въ количествѣ затрачиваемаго труда, одного уже повышенія заработной платы достаточно для того, чтобы вызвать пониженіе мѣновой цѣнности предметовъ, производство которыхъ требуетъ затраты опредѣленнаго постояннаго капитала чѣмъ больше будетъ этотъ капиталъ, тѣмъ больше понизится мѣновая цѣнность товаровъ".

Это заключеніе и это ограниченіе, можно сказать, подры-

ваетъ самую основу трудовой цѣнности, потому что вноситъ въ нее такую поправку, которая проистекаетъ изъ совершенно дру - гого принципа и этимъ самымъ нарушаетъ ея единство.

Теперь обращусь къ ученію о распредѣленіи. Слѣдуетъ от-мѣтить, что имя Рикардо здѣсь связано съ теоріей земельной ренты, однако въ этой связи его имени съ теоріей земельной ренты заключается нѣкоторая историческая несправедливость, въ которой самъ Рикардо неповиненъ. Дѣло въ томъ, что теорія земельной ренты, связанная съ именемъ Рикардо, въ дѣйствитель - ности была изложена раньше Мальтусомъ, Вестомъ, Андерсономъ, такъ что Рикардо принадлежитъ только наиболѣе законченная формулировка съ одной стороны, а съ другой стороны приведеніе ея въ связь съ общей теоріей распредѣленія. По ученію Рикардо, „рента есть та часть продукта земли, которую платятъ землевладѣльцу за право пользованія первоначальными и неистощимыми силами почвы." Рикардо тщательно отличаетъ эту своеобразную природу ренты отъ прибыли на капиталъ, съ которой ее часто смѣшиваютъ. Тотъ видъ ренты, который изучаетъ Рикардо, есть рента, впослѣдствіи названная Марксомъ дифференціальной рентой, т.е. рентой, возникающей и существующей благодаря различію между земельными участками и условіями ихъ разработки. Онъ имѣетъ дѣло только съ разницей и проходитъ мимо земельной ренты, основывающейся не на этой разницѣ, а на другой причинѣ.Рикардо указываетъ три условія возникновенія земельной ренты. Первое условіе - это переходъ отъ участковъ большаго плодородія къ участкамъ меньшаго плодородія. Рикардо представляетъ себѣ первоначальное заселеніе земли такимъ образомъ, что „экономическій человѣкъ", со свойственной ему экономической безошибочностью, сначала избираетъ участки наиболѣе плодородные, а затѣмъ обращается къ менѣе плодороднымъ участкамъ. Было много разъ замѣчено въ литературѣ (особенно энергично американскимъ писателемъ Кэри), что въ дѣйствительности заселеніе не такъ происходило, что заселялись сначала земли не наиболѣе плодо - родныя, а наиболѣе доступныя. Это - историческій фактъ, не подлежащій сомнѣнію Но все же остается фактъ, что когда приступаютъ къ обработкѣ земли неравнаго плодородія, то вслѣдствіе неравной производительности этихъ участковъ создается нѣкото-

рая разница Эта разница и есть первый источникъ земельной ренты. Вторымъ такимъ источникомъ, по Рикардо, является различіе разстояній земельныхъ участковъ отъ рынка. Это различіе экономически выражается въ различіи издержекъ перевозки, и это можетъ быть приравнено какъ бы къ различію плодородія, т.е. участокъ, хотя бы и равнаго плодородія, но стоящій отъ рынка на болѣе далекомъ разстояніи, является какъ бы участкомъ менѣе плодороднымъ. Третьимъ условіемъ возникновенія земельной ренты является неравномѣрная производительность послѣдовательныхъ затратъ капитала, затрачиваемаго на одномъ и томъ же земельномъ участкѣ. Если этотъ фактъ существуетъ, то въ такомъ случаѣ это различіе производительности послѣдовательныхъ затратъ капитала, примѣняемаго на одномъ и томъ же участкѣ, какъ бы соотвѣтствуетъ различному плодородію земельныхъ участковъ, и это различіе тоже составляетъ источникъ дифференціальной ренты.

Итакъ, дифференціальныя ренты возникаютъ: 1) вслѣдствіе разницы плодородія земельныхъ участковъ, 2) вслѣдствіе разницы ихъ разстоянія отъ рынка и 3) вслѣдствіе разницы въ производительности затратъ капитала, послѣдовательно примѣняемыхъ на одномъ и томъ же участкѣ. Въ основѣ послѣдняго предположенія лежитъ, какъ легко понять, законъ убывающаго плодородія почвы. Такимъ образомъ, характерной чертой теоріи ренты Рикардо является то, что онъ связываетъ ее только съ разницей въ условіяхъ земледѣльческаго производства. Въ основѣ ея лежитъ то предположеніе, что самыя неблагопріятныя условія положенія земледѣльческаго капитала не даютъ земельной ренты, и что самые неплодородные земельные участки тоже не даютъ земельной ренты. Вообще заключеніе Рикардо относительно земельной ренты поэтому таково. „причина, - говоритъ онъ, - почему возвышается мѣновая цѣнность сырыхъ продуктовъ, заключается въ необходимости затратить добавочный трудъ на худшія почвы, позднѣе другихъ поступившія въ обработку, а никакъ не въ рентѣ, платимой землевладѣльцу. Мѣновая цѣнность хлѣба опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на его производство на худшихъ почвахъ, позднѣе поступившихъ въ обработку, или тою частью капитала, которая не платитъ никакой ренты. Хлѣбъ дорожаетъ не потому, что платится рента, а наоборотъ - рента

платится потому, что хлѣбъ становится дороже; совершенно правильно было замѣчено, что хлѣбъ не подешевѣлъ бы даже и въ томъ случаѣ, если бы землевладѣльцы отказались совсѣмъ отъ ренты. Принятіе такой мѣры привело бы только къ тому, что нѣкоторые фермеры стали бы жить господами, но при этомъ нисколько не уменьшилось бы количество труда, необходимаго для производства сырыхъ продуктовъ на почвахъ наименѣе плодородныхъ". Рикардо полемизируетъ съ Адамомъ Смитомъ, который ренту приводилъ въ связь съ высотой цѣнъ на хлѣбъ и существованіемъ частной собственности на землю, позволяющей земельнымъ собственникамъ требовать себѣ земельной ренты. „Адамъ Смитъ не правъ, - говоритъ онъ, - предполагая, что правило, первоначально устанавливающее мѣновую цѣнность товаровъ, а именно, сравнительное количество труда, необходимое для ихъ производительности, можетъ совершенно измѣниться вслѣдствіе обращенія земель въ частную собственность и платежа ренты." Разногласіе между Смитомъ и Рикардо сводится, слѣдовательно, не къ вопросу о дифференціальной рентѣ, т.е. не о той части ренты, которая связана съ различіемъ въ условіяхъ приложенія земледѣльческаго капитала, а о той части ренты, которая возникаетъ въ силу существованія частной земельной собственности. Эта рента позднѣе Марксомъ названа абсолютной рентой, въ противоположность рентѣ дифференціальной, получаемой вслѣдствіе разницы въ условіяхъ земледѣльческаго производства. Въ этомъ столкновеніи двухъ мнѣній - Адама Смита и Рикардо - едва ли можно считать справедливымъ мнѣніе Рикардо, который стремился къ тому, чтобы сохранить вѣрность трудовой теоріи цѣнности и оставить незыблемымъ то положеніе, что цѣнность хлѣба опредѣляется трудомъ, затраченнымъ на производство при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, тотъ фактъ, что всякая земля, независимо отъ ея плодородія, при извѣстной плотности населенія имѣетъ цѣну, опредѣляемую ея капитализованной рентой, свидѣтельствуетъ о томъ, что способность земли давать ренту находится въ связи не только съ разницей условій земледѣльческаго производства, но и съ существованіемъ частной собственности на землю. Марксъ такъ формулировалъ это положеніе, что абсолютная земельная рента создается частной земельной собственностью. Эта абсолютная земельная рента, какъ справедливо харак-

теризуетъ ее Смитъ, есть та часть земельнаго дохода, которая создается притязаніями частныхъ земельныхъ собственниковъ. Это ученіе не противорѣчитъ и совершенно не ограничиваетъ ученія о дифференціальной рентѣ. Дифференціальная рента опредѣляется разницей въ условіяхъ земледѣльческаго производства, а абсолютная рента есть тотъ доходъ, который даетъ каждый земельный участокъ просто, какъ таковой Эта абсолютная рента можетъ быть больше или меньше въ зависимости отъ интенсивности спроса на землк, она зависитъ отъ общаго состоянія общества. Эта абсолютная рента вліяетъ на цѣны земледѣльческихъ продуктовъ въ повышательномъ направленіи.

Земельнук ренту можно приравнять какъ бы къ налогу на хлѣбъ, который взимается при его продажѣ Слѣдовательно, при абсолютной земельной рентѣ земельный собственникъ заявляетъ притязаніе на часть общественнаго дохода и взимаетъ таковой въ видѣ части цѣны на хлѣбъ.

Съ именемъ Рикардо связано ученіе о заработной платѣ, формулирсванное имъ съ большой рѣзкостью и рѣшительностью и заслуживающее того, чтобы съ нимъ познакомиться.

Заработная плата есть цѣна труда, а трудъ, по ученік Рикардо, есть самостоятельный товаръ - то, за что продается трудъ, есть какъ бы цѣна труда. „Трудъ, - говоритъ онъ, - такъ же, какъ и всѣ предметы, которые покупаются и продаются и количество которыхъ можетъ быть увеличено или уменьшено, имѣетъ цѣну естественную и рыночную. Естественная цѣна труда - та, которая необходима, чтобы доставить рабочимъ возможность къ существованію и продолженію своего рода, безъ размноженія и сокращенія его. Имущество, которымъ располагаютъ рабочіе для содержанія себя и своего семейства, необходимаго для сохраненія числа рабочихъ, зависитъ не отъ количества денегъ, получаемыхъ ими въ видѣ заработной платы, но отъ количества средствъ пропитанія и другихъ необходимыхъ и полезныхъ предметовъ, къ которымъ они привыкли и которые могутъ купить на заработанныя ими деньги. Слѣдовательно, естественная цѣна труда зависитъ отъ цѣны средствъ пропитанія и другихъ предметовъ, необходимыхъ и полезныхъ для содержанія рабочаго съ его семьей. Съ возвышеніемъ цѣны этихъ предметовъ возвышается и естественная цѣна труда и, наоборотъ, она понижается вмѣстѣ съ

пониженіемъ цѣны этихъ предметовъ." „Естественная цѣны всѣхъ предметовъ, - разсуждаетъ онъ далѣе, - за исключеніемъ сырыхъ продуктовъ и труда, стремится къ пониженію, вслѣдствіе увеличенія богатства и народонаселенія." Слѣдовательно, эта ес - тественная цѣна труда отличается отъ рыночной цѣны труда. „Рыночная цѣна труда - та, которую рабочій дѣйствительно получаетъ въ силу отношеній между спросомъ и предложеніемъ, - трудъ бываетъ дорогъ, когда мало рабочихъ рукъ и, наоборотъ, де - шевъ, когда ихъ много. Сколько рыночная цѣна труда ни отклоня ется отъ естественной цѣны его, но она все-таки, подобно цѣнѣ другихъ товаровъ, стремится всегда приблизиться къ послѣдней." Отношеніе между рыночной и естественной цѣной можетъ измѣнять ся, рыночная цѣна можетъ быть выше или ниже естественной, но при всѣхъ колебаніяхъ естественная цѣна составляетъ уровень, около котораго тяготѣетъ рыночная цѣна. Это тяготѣніе обус - ловливается, по мнѣнію Рикардо, такимъ образомъ: „когда рыночная цѣна труда ниже его естественной цѣны, положеніе рабочихъ бываетъ самое плачевное, потому что бѣдность лишаетъ ихъ возможности пользоваться всѣми предметами матеріальнаго и духовнаго благосостоянія, которые, вслѣдствіе привычки, сдѣлались для нихъ безусловно необходимыми. Такое состояніе продолжается до тѣхъ поръ, пока, подъ вліяніемъ лишеній, не сократится число рабочихъ или пока не возрастетъ спросъ на трудъ; тогда рыночная цѣна труда опять возвышается и достигаетъ естественной цѣны его, и только тогда рабочій окажется въ возможности пользоваться тѣмъ благосостояніемъ, какое доставитъ ему ес - тественный уровень его заработной платы." Это разсужденіе особенно типично для мышленія Рикардо, абстрактное изученіе экономическихъ явленій позволяетъ ему разсуждать здѣсь чисто математически. Если предложеніе труда выше, чѣмъ заработная плата, то заработная плата понижается, вслѣдствіе чего ухудшается положеніе рабочихъ и задерживается размноженіе, предложеніе труда сокращается; если же наоборотъ, - то усиленное размноженіе увеличиваетъ количество труда и, увеличивая предложеніе, понижаетъ заработную плату. Это разсужденіе, которому нельзя отказать въ послѣдовательности, если разсуждать абстрактно, какъ легко убѣдиться, совершенно не улавливаетъ конкретнаго историческаго движенія заработной платы, которое только и мо-

жетъ быть интересно для экономистовъ Дѣйствительно, это представленіе о томъ, что рабочій классъ размножается и вымираетъ увеличивается и сокращается соотвѣтственно колебаніямъ спроса на рабочую силу, слишкомъ упрощено Для того, чтобы рабочій классъ могъ сократиться или увеличиться, требуются не годы и мѣсяцы, а десятилѣтія, если, конечно, это вымираніе не вызвано какимъ-нибудь стихійнымъ бѣдствіемъ Кромѣ того, въ самомъ характерѣ спроса и предложенія на рабочую силу, какъ было выяснено послѣдующими экономистами, въ самомъ характерѣ этихъ отношеній между капиталомъ и трудомъ есть нѣчто, что не позволяетъ ихъ характеризовать, какъ конкуренцію всего рабочаго класса ко всему капиталу. Кэрнсъ указалъ, что въ предѣлахъ рабочаго класса существуютъ опредѣленныя группы, между собой не конкурирующія; въ настоящее время это суть группы обученныхъ рабочихъ-спеціалистовъ, замкнутыхъ въ профессіональные союзы; слѣдовательно, вся эта картина отношеній между трудомъ и капиталомъ усложняется и видоизмѣняется до такой степени, что это общее заключеніе, отвлеченно разсматриваемое, безспорное и справедливое, указанными соображеніями дѣлается безсодержательнымъ Далѣе, исходя изъ того же абстрактнаго пониманія заработной платы, а отчасти изъ впечатлѣній исторической дѣйствительности, которая окружала его, Рикардо дѣлаетъ общее заключеніе о томъ, что заработная плата имѣетъ естественное тяготѣніе держаться на уровнѣ средствъ, необходимыхъ для существованія рабочаго и его размноженія Это положеніе опять таки очень отвлеченно и имѣетъ мало конкретнаго содержанія; между тѣмъ оно сыграло большую роль въ исторіи политической экономіи, потому что оно было использовано и справа и слѣва, какъ апологетическими защитниками капиталистическаго строя, такъ и его критиками. Первые указывали на то, что повышеніе заработной платы невозможно, ибо противорѣчитъ естественному закону; вторые же, какъ,напримѣръ, Лассаль, въ своей критикѣ капиталистическаго строя, на основаніи этого закона доказывалъ безисходность положенія рабочихъ при капиталистическомъ производствѣ. Между тѣмъ разсматриваемое положеніе Рикардо, благодаря своей абстрактности, въ сущности ничего не выражаетъ, потому что въ него можетъ быть вложено различное конкретное содержаніе Existenzminimum, которому

равна заработная плата, можетъ быть и очень высокъ и очень низокъ и въ разныхъ странахъ очень различенъ. Это, впрочемъ, сознаетъ и самъ Рикардо, который говоритъ: „но не слѣдуетъ думать, что естественная цѣна труда, выраженная въ съѣстныхъ припасахъ и другихъ предметахъ первой необходимости, всегда устойчива и постоянна; она измѣняется въ разное время въ одной и той же странѣ и бываетъ, смотря по обстоятельствамъ, весьма различна въ разныхъ странахъ. Это зависитъ отъ нравовъ и обычаевъ народа. Англійскій рабочій считалъ бы свою заработную плату ниже ея естественнаго уровня и недостаточной для ссдержанія своей семьи, если бы онъ не могъ покупать на нее никакой другой пищи, кромѣ картофеля и не могъ имѣть другого жилища, кромѣ грязной землянки; а между тѣмъ такое черезчуръ скромное существованіе считалось бы достаточнымъ для жителей тѣхъ странъ, гдѣ жизнь дешева и гдѣ такія скромныя потребности легко удовлетворяются. Многія удобства, которыми пользуется теперь англійскій рабочій въ своемъ жилищѣ, считались бы въ отдаленныя времена англійской исторіи предметами роскоши." Рикардо дѣлаетъ здѣсь такую поправку, такое ограниченіе своего закона, которое лишаетъ его всякой опредѣленности, а въ этой опредѣленности и заключается его сила.

Слѣдующій практическій выводъ, который Рикардо дѣлаетъ изъ своей теоріи заработной платы, относится къ законодательству о бѣдныхъ. Обыкновенно враждебное и отрицательное отношеніе къ существовавшему въ Англіи въ началѣ XIX вѣка законодательству о бѣдныхъ принято взводить на Мальтуса, дѣлать одного Мальтуса отвѣтственнымъ за дѣйствительную или мнимую жестокость по отношенію къ рабочимъ на томъ основаніи, что онъ былъ противникомъ законовъ о бѣдныхъ, но при этомъ забываютъ, что такимъ же противникомъ былъ и Рикардо. Рикардо говоритъ: „заработная плата, подобно всякому другому договору, должна быть предоставлена свободной и независимой конкуренціи рынка и должна быть всегда независима отъ насильственнаго вмѣшательства правительства." Это положеніе, которое соединяетъ Рикардо со Смитомъ и Мальтусомъ и вообще со школой экономическаго либерализма, въ устахъ Рикардо, установившаго такую безотрадную пессимистическую теорію зара-

ботной платы, звучитъ однако совершенно иначе, чѣмъ въ уставахъ Адама Смита, ожидавшаго осуществленія всеобщей гармоніи отъ такой экономической свободы. Рикардо, высказывая такое положеніе, продолжаетъ: „опредѣленное и прямое стремленіе англійскаго законодательства по отношенію къ бѣднымъ діаметрально противоположно этимъ до очевидности яснымъ принципамъ. Эти законы, далеко не соотвѣтствующіе благодѣтельному желанію законодателя улучшить положеніе бѣдныхъ, ведутъ лишь къ тому, что ухудшаютъ положеніе и бѣдняковъ и богачей. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать бѣдныхъ богатыми, они составлены такъ, что богатыхъ дѣлаютъ бѣдными. И пока наши настоящіе законы о бѣдныхъ будутъ оставаться въ силѣ, вслѣдствіе естественнаго хода вещей, средства, предназначенныя для содержанія бѣдныхъ, будутъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока они не поглотятъ собою всего чистаго дохода страны или, по крайней мѣрѣ, всего, что правительство можетъ изъ него оставить намъ, по удовлетвореніи своихъ настоятельныхъ потребностей въ расходахъ на общественныя нужды. Гибельное стремленіе этихъ законовъ не представляетъ уже тайны послѣ того, какъ она раскрыта талантливымъ перомъ Мальтуса; съ тѣхъ поръ всѣ друзья бѣдныхъ должны горячо желать скорѣйшей отмѣны этихъ законовъ. Къ несчастью, они изданы такъ давно и подъ ихъ вліяніемъ сложились такія привычки бѣдныхъ, что теперь потребовалась бы большая предусмотрительность и сноровка для того, чтобы безопасно вырвать ихъ съ корнемъ изъ нашей государственной системы. Наиболѣе горячіе сторонники отмѣны этихъ законовъ согласны теперь въ томъ, что, если желательно противодѣйствовать настоятельнѣйшей нуждѣ тѣхъ, въ пользу которыхъ были изданы эти законы, то приходится приниматься за ихъ отмѣну очень осторожно и дѣйствовать постепенно."

Такимъ образомъ, Рикардо является вполнѣ единомышленникомъ Мальтуса по отношенію законодательства о бѣдныхъ.

Затѣмъ его пониманіе закона заработной платы, сводящееся къ тому, что она держится на низшемъ уровнѣ средствъ существованія, на такъ называемомъ existensminimum'ѣ, подтверждается еще и его ученіемъ о налогахъ. Я не буду излагать всего ученія о налогахъ, но не могу не отмѣтить, что Рикардо

до такой степени былъ убѣжденъ въ точности и вѣрности своего закона о заработной платѣ, что считалъ обложеніе заработной платы какими-либо налогами нецѣлесообразнымъ по той причинѣ, что этотъ налогъ все равно будетъ переложенъ на капиталиста путемъ повышенія заработной платы Заработная плата до такой степени обрѣзана, что взять съ нея никакого налога нельзя; слѣдовательно, если будетъ взиматься налогъ съ заработной платы, прямой или косвенный, то онъ только повыситъ заработную плату, и этотъ налогъ будетъ переложенъ на капиталиста. Это заключеніе неправильно, потому что переложеніе налога съ заработной платы на капиталъ совершается вовсе не такъ безболѣзненно и не такъ полно, какъ здѣсь предполагается. Но любопытно, что самъ Рикардо считаетъ этотъ законъ о заработной платѣ точнымъ и незыблемымъ, и на основаніи этого онъ дѣлаетъ заключеніе, что обложеніе заработной платы нецѣлесообразно и отвергаетъ a priori такое обложеніе.

Что касается отношеній между заработной платой и прибылью, то Рикардо установилъ, какъ извѣстно, обратное отношеніе между прибылью и заработной платой. Чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ниже прибыль, и наоборотъ Другими словами, Рикардо установилъ тотъ естественный и до извѣстной степени неустранимый антагонизмъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, который связанъ съ основными условіями капиталистическаго производства. Дѣйствительно, это - самоочевидная истина, что если одна и та же прямая линія дѣлится на двѣ части, то чѣмъ больше одинъ отрѣзокъ, тѣмъ меньше другой. Но это заключеніе имѣетъ силу лишь при томъ предположеніи, что эта линія неизмѣнна; при историческомъ же развитіи, при динамическомъ изученіи, намъ приходится имѣть дѣло съ измѣнчивыми величинами, при чемъ вся эта линія, подлежащая дѣленію на двое, можетъ или увеличиваться или уменьшаться Итакъ, практика и теорія показываютъ (на это указалъ американскій экономистъ Г.Джорджъ), что если можно наблюдать обратное соотношеніе между заработной платой и прибылью, то можно наблюдать, въ извѣстныхъ случаяхъ, и прямое, т.е., гдѣ больше заработная плата, тамъ больше и прибыль. Такое положеніе вещей оссбенно наблюдается въ Америкѣ. Конечно, это не устраняетъ тѣхъ антагонистическихъ отношеній, о которыхъ говорилъ

Рикардо, что прибыль и заработная плата суть части одного и того же дохода. Но это вводитъ значительное ограниченіе и поправку въ его законъ. Возможно такое положеніе вещей, при которомъ одновременно выигрывали (или проигрывали) обѣ стороны - и трудъ и капиталъ, и положеніе Рикардо имѣетъ силу только для даннаго с т а т и ч е с к а г о положенія вещей, но уже не достаточно для пониманія динамики общественнаго процесса.

Изъ ученія о прибыли и заработной платѣ Рикардо не трудно вывести естественнук тенденцію распредѣленія, не трудно дать отвѣтъ на такой вопросъ: какъ измѣняется взаимное отношеніе заработной платы, ренты и прибыли на капиталъ въ ихъ историческомъ развитіи? Въ настоящее время, когда передъ нами лежитъ раскрытой исторія капитализма за цѣлое столѣтіе въ разныхъ странахъ, отвѣтить на этотъ вопросъ не такъ легко, какъ для Рикардо. Я думаю, что самое благоразумное будетъ воздержаться отъ общаго отвѣта на вопросъ и замѣнить его рядомъ конкретныхъ историческихъ отвѣтовъ. Для Рикардо, который всѣ отношенія беретъ въ отвлеченномъ видѣ, которому рисуются лишь общія очертанія, вопросъ допускалъ простой отвѣтъ, основанный на такихъ посылкахъ. Доказано, что земельная рента возвышается съ развитіемъ богатства, ростомъ населенія и ростомъ земледѣльческаго производства. (Конечно, при этомъ теперешняго аграрнаго кризиса Рикардо не предусматривалъ) Затѣмъ доказано, что это повышеніе земельной ренты связано съ повышеніемъ цѣнъ на продукты земледѣлія, входящіе въ заработную плату; повышеніе земельной ренты приводитъ, слѣдовательно, къ повышенію денежной заработной платы, и чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ меньше прибыль на капиталъ. Слѣдовательно, рента имѣетъ естественную тенденцію къ повышенію заработной платы, въ натуральной своей величинѣ, хотя и остающейся на неизмѣнномъ уровнѣ existensminimum'a, въ денежномъ же своемъ выраженіи повышающейся. Наконецъ, прибыль на капиталъ имѣетъ естественную тенденцію къ пониженію.

Заслуживаетъ упоминанія еще ученіе Рикардо о деньгахъ. Ученіе о деньгахъ - это самая сильная и самая практическая сторона его теоріи, что объясняется въ значительной степени тѣмъ, что здѣсь онъ былъ не только отвлеченнымъ мыслителемъ, но и

практикомъ, и его банкирскій опытъ вооружалъ его нужными практическими знаніями. По этому вопросу Рикардо является основателемъ и однимъ изъ важнѣйшихъ представителей такъ называемаго Currency-Theorie, или количественной теоріи денегъ.

Эту теорію онъ развивалъ въ своихъ памфлетахъ. Цѣнность денегъ находится въ прямой зависимости отъ ихъ количества, и тотъ практическій вопросъ, на который Рикардо отвѣчалъ въ этой теоріи, былъ именно вопросъ о томъ, какимъ образомъ довести бумажныя обезцѣненныя деньги, выпущенныя Англійскимъ Банкомъ, до ихъ номинальной цѣнности (al pari). Онъ разрѣшалъ это просто Нужно уменьшать ихъ количество до тѣхъ поръ, пока онѣ не поднимутся Дальнѣйшія ученія о деньгахъ внесли значительную поправку въ эту простую количественную теорію; было указано, что самое количество денегъ, которое потребуется для обращенія товаровъ, опредѣляется не только цѣнностью оборотнаго капитала, но и быстротой обращенія монеты Затѣмъ указано было, что деньги въ мѣновомъ и особенно капиталистическомъ хозяйствѣ употребляются не только какъ средство обращенія, но и какъ средство сбереженія Слѣдовательно, отношеніе между признаніемъ цѣнности денегъ и ихъ количества значительно сложнѣе.

Во всякомъ случаѣ, для своего времени вліяніе Рикардо въ банковой политикѣ было очень могущественно и сказалось на банковомъ законодательствѣ

Заслуживаетъ упоминанія для характеристики міровоззрѣнія Рикардо еще его общая точка зрѣнія на народное богатство, на валовой и чистый доходъ. О Рикардо лордъ Брунъ выразился такъ, что „какъ будто онъ свалился съ неба." Лордъ Брунъ, повидимому, хотѣлъ отмѣтить этимъ чрезвычайное безпристрастіе Рикардо въ его дедукціи.

Рикардо принадлежитъ къ числу тѣхъ экономистовъ, которые спеціальную точку зрѣнія политической экономіи, именно точку зрѣнія возрастанія мѣновыхъ цѣнностей, проводятъ иногда дальше, чѣмъ это допустимо. Эта особенность его сказывается особенно наглядно на вопросѣ о валовомъ и чистомъ доходахъ и ихъ отношеніи къ населенію: „Если только чистый доходъ націи, т.е. ея рента и прибыль, остаются однѣ и тѣ же, то нѣтъ ни малѣйшей важности, состоитъ ли нація изъ 10, или 12 милліоновъ жителей. (Средства ея по содержанію флота, армій и всякаго рода непроиз-

водительнаго труда должны находиться въ соотвѣтствіи съ ея чистымъ, а не валовымъ доходомъ). Если бы 5 милліоновъ людей могли произвести столько пищи и одежды, сколько необходимо для 10 милліоновъ, то пища и одежда 5 милліоновъ составляла бы чистый доходъ. Будетъ ли представлять для страны какую-нибудь выгоду, если на производство такого же чистаго дохода потребуется 7 милліоновъ человѣкъ, другими словами, если 7 милліоновъ человѣкъ будутъ работать надъ производствомъ такого количества пищи и одежды, которое достаточно для 12 милліоновъ? Пища и одежда 5 милліоновъ человѣкъ продолжала бы оставаться чистымъ доходомъ. Употребленіе на производство большаго числа людей не дало намъ возможности прибавить къ нашей арміи и флоту ни одного человѣка, ни внести гиней больше налога."

Вотъ разсужденіе, подъ впечатлѣніемъ котораго французскій экономистъ Сисмонди въ началѣ XIX вѣка выразился по поводу Рикардо: „Какъ? Богатство для васъ - все, а люди ничего не значатъ?"

Эту точку зрѣнія историкъ политической экономіи Ингрэмъ справедливо характеризуетъ, какъ возрожденіе меркантилизма.

Но несомнѣнно, что при такомъ общемъ міровоззрѣніи, личный характеръ Рикардо, по научному безпристрастію и справедливости, остается выше упрековъ. Его любовь къ правдѣ проявилась особенно ярко въ его отношеніи къ вопросу о машинахъ, которыя онъ сначала оцѣнивалъ лишь съ точки зрѣнія увеличенія производительности труда, но, понявъ ихъ соціальное значеніе и нѣкоторыя отрицательныя стороны, Рикардо не замедлилъ признать недостаточнымъ прежнее свое пониманіе (смотрѣть главу о машинахъ).

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ.

Смитъ, Мальтусъ и Рикардо суть важнѣйшіе представители такъ называемой классической школы политической экономіи. Но она насчитываетъ еще рядъ менѣе важныхъ представителей, изъ которыхъ наиболѣе крупнымъ является Джонъ Стюартъ Милль, живший съ 1806 до 1873 года. Основные свои взгляды Милль изложилъ въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Нѣкоторые неразрѣшенные вопро-

сы политической экономіи", въ которой соединено нѣсколько этю-довъ по вопросамъ политической экономіи. Изъ нихъ первый этюдъ посвященъ вопросу о международномъ обмѣнѣ, второй - о потребленіи, третій - вопросу о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, четвертый - о прибыли и, наконецъ, пятый - касается вопроса о методахъ политической экономіи; этому вопросу Д С.Милль посвящаетъ много страницъ и въ своей „Логикѣ". Милль является столько же политико-экономомъ, сколько и философомъ, даже больше философомъ. Его перу, кромѣ „Системы логики", принадлежитъ нѣсколько философскихъ трактатовъ Политическая экономія Милля извѣстна намъ по его спеціальному изслѣдованію въ видѣ очень популярнаго курса, подъ заглавіемъ „Основанія политической экономіи въ связи съ нѣкоторыми положеніями общественной философіи". Этотъ курсъ не представляетъ собой самостоятельнаго изслѣдованія. Онъ повторяетъ предыдущее развитіе экономической науки, обогащая ее лишь нѣкоторыми практическими соображеніями. Но главное достоинство этого курса - это ясность изложенія, по крайней мѣрѣ многихъ главъ, что сдѣлало его чрезвычайно популярнымъ какъ на родинѣ, такъ и за предѣлами ея, и въ томъ числѣ и въ Россіи. Курсъ политической экономіи Милля читался раньше, читается и до сихъ поръ, является и до сихъ поръ руководствомъ по политической экономіи. „Основанія политической экономіи" были переведены на русскій языкъ въ 60-хъ годахъ Н.Чернышевскимъ, который издалъ ихъ со своими примѣчаніями, въ которыхъ онъ выпрямляетъ Милля въ соціалистическую сторону и въ которыхъ онъ полемизируетъ съ нѣкоторыми его основными положеніями. Въ „Основаніяхъ политической экономіи" заслуживаетъ упоминанія нѣкоторые отдѣльные вопросы. Въ числѣ этихъ вопросовъ слѣдуетъ назвать вопросъ о мелкой земельной собственности и объ аграрномъ законодательствѣ. Милль имѣлъ передъ собой тяжелую картину сельскохозяйственныхъ отношеній Англіи, и онъ относится къ мелкой земельной собственности гораздо положительнѣй, нежели предыдущіе экономисты. Онъ устанавливаетъ для законодательства задачу насажденія этой собственности. Соотвѣтствующія страницы у Милля представляютъ собой настоящій дифирамбъ мелкой земельной собственности; здѣсь-то и употреблено много разъ впослѣдствіи цитированное выраженіе: „дайте мелкому собственнику безплодную скалу, и онъ ее

своимъ трудомъ превратитъ въ плодородный садъ". По вопросу о заработной платѣ Милль высказываетъ рядъ соображеній, дополняющихъ и ограничивающихъ желѣзный законъ заработной платы Рикардо и Мальтуса. Онъ указываетъ, что заработная плата опредѣляется не только конкуренціей, но и обычаями, привычками и потребностями рабочаго класса; кромѣ того, Милль отрицательно относится къ идеѣ невмѣшательства государства въ экономическія отношенія. При этомъ въ теченіе своей жизни Милль медленно и постепенно передвигается отъ либерализма и индивидуализма къ соціализму.

Заслуживаетъ упоминанія еще одно произведеніе Милля, хотя оно лежитъ внѣ области политической экономіи, это - его „Автобіографія", въ которой онъ разсказываетъ, какъ шло его духовное развитіе. „Автобіографія" также имѣется на русскомъ языкѣ и представляетъ собой очень интересный психологическій документъ.

Слѣдующимъ представителемъ классической политической экономіи является Кэрнсъ. Ему принадлежитъ рядъ монографій, изъ которыхъ важнѣйшая - о методахъ политической экономіи. Кромѣ того, ему же принадлежитъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „О нѣкоторыхъ основныхъ принципахъ политической экономіи", которое распадается на три части: о цѣнѣ, о трудѣ и капиталѣ и о международной торговлѣ. Кэрнсъ въ этой книгѣ, между прочимъ, касается вопросовъ о заработной платѣ, условіяхъ конкуренціи труда. Если Милль сдѣлалъ шагъ впередъ при изслѣдованіи имъ отвлеченной формулировки заработной платы Рикардо, указавъ на ограниченіе этого закона обычаемъ и привычками, то Кэрнсъ вводитъ еще другое соображеніе, именно указываетъ, что конкуренція между представителями труда и капитала вовсе не совершается въ той общей формѣ, какъ это представляетъ себѣ Рикардо. Въ дѣйствительности рабочій классъ распадается на группы рабочихъ спеціалистовъ въ данной области; эти группы между собой фактически не конкурируютъ, и конкуренція протекаетъ въ предѣлахъ этихъ обособленныхъ группъ. Вслѣдствіе этого весь процессъ взаимоотношенія труда и капитала пріобрѣтаетъ совершенно другой характеръ. Это - весьма важное соображеніе, особенно для теоріи трэдъ-

юніоновъ, профессіональныхъ союзовъ, самое существованіе ко - торыхъ основано на этой идеѣ существованія группъ, не конку - рирующихъ между собой, замкнутыхъ въ опредѣленныхъ границахъ.

Менѣе громкое имя изъ представителей англійской полити - ческой экономіи принадлежитъ трудолюбивому Макъ-Кёллоху и Се- ніору. Послѣднему принадлежитъ формулировка нѣкоторыхъ инте - ресныхъ идей въ политической экономіи, которыя если не были новы, то, во всякомъ случаѣ, своеобразно выражены. Ему принад лежитъ, между прочимъ, наиболѣе отчетливая, крайняя формулиров- ка ученія о заработномъ фондѣ, т.е. о томъ, что заработная плата опредѣляется частнымъ изъ дѣлимаго - опредѣленнаго за- работнаго фонда и дѣлителя - количества рабочихъ, слѣдователь но, равна дроби, въ которой числитель - заработный фондъ, а знаменатель - число рабочихъ. Сеніоръ происхожденіе капитала объяснялъ изъ воздержанія. Всѣ капиталы, полагаетъ онъ, про - исходятъ путемъ воздержанія, и прибыль является вознагражде- ніемъ за это качество.

Кромѣ Сеніора, заслуживаетъ упоминанія еще Торнтонъ, ко- торый написалъ книгу о трудѣ. Подобно Сеніору, онъ стоитъ на почвѣ теоріи заработнаго фонда и отрицаетъ осуществимость притязаній рабочихъ союзовъ.

Англійская школа политической экономіи имѣетъ еще рядъ другихъ второстепенныхъ представителей. Общее ихъ направле - ніе, насколько они связаны съ классической школой, характери- зуется болѣе или менѣе рѣшительнымъ либерализмомъ, защитой невмѣшательства государства въ хозяйственныя отношенія. Въ 30-хъ годахъ въ Англіи образовалась лига защиты свободной торговли, основанная Кобденомъ; она имѣла главной задачей борьбу съ пошлинами на хлѣбъ, отмѣны которыхъ она добивалась. Такъ какъ наиболѣе энергичную дѣятельность она проявила въ Манчестерѣ, то самое направленіе въ политической экономіи, отстаивающее свободу торговли и невмѣшательства государства въ хозяйственныя отношенія, т.е. направленіе экономическаго либерализма, носитъ иногда названіе манчестерскаго направле - нія, иногда это направленіе носитъ названіе фритредерства, т.е. свободной торговли (отъ слова free-trade)

Манчестерство отличается отъ ученія физіократовъ и Ада- ма Смита, съ ихъ системой естественной свободы, во первыхъ,

отсутствіемъ соотвѣтствующей философской доктрины, которая была обща и физіократамъ, и Адаму Смиту, и, во вторыхъ, тѣмъ, что, высказанное въ болѣе позднюю историческую эпоху, оно въ соціальномъ смыслѣ получаетъ другія, менѣе привлекательныя, черты.

Фритредерство перенеслось на континентъ, и послѣдователи классической школы на континентѣ распространяютъ завѣты экономическаго либерализма.

ЖАНЪ БАПТИСТЪ СЭЙ.

Во Франціи наиболѣе виднымъ представителемъ экономическаго либерализма и выразителемъ идей классической экономической школы является Жанъ Баптистъ Сэй, жившій отъ 1768 по 1832 г. Сэй вообще пользуется преувеличенной дурной славой въ исторіи политической экономіи. То, что намъ извѣстно о немъ изъ его біографіи, не даетъ, во всякомъ случаѣ, никакихъ основаній сколько-нибудь заподозривать его личную честность и принципіальность. Сэй былъ очень независимаго образа мыслей, и за свои идеи подвергся преслѣдованію со стороны тогдашняго французскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи ученымъ, въ то же время имѣлъ и практическія способности и сумѣлъ составить себѣ состояніе въ хлопчатобумажной промышленности, которой раньше никогда не занимался.

Научное значеніе Сэя приближается къ тому, которое Милль имѣлъ въ свое время и для своего народа. Онъ является популяризаторомъ, въ которомъ хотѣли было видѣть французскаго Смита, но который въ дѣйствительности былъ второго разряда Миллемъ. Его трудъ, представляющій собой систематическое изложеніе политической экономіи, былъ очень популяренъ въ свое время, многими лицами охотно читался и содѣйствовалъ распространенію экономическихъ знаній во Франціи вообще. Въ настоящее время сочиненія Сэя не представляютъ самостоятельнаго интереса для науки, кромѣ одной теоріи и по сейчасъ заслуживающей упоминанія - это, именно, его теорія рынковъ.

Періодическіе кризисы, которые происходили въ Англіи въ началѣ XIX вѣка, поставили передъ экономической мыслью задачу ихъ объясненія. Мальтусъ, отвѣчая на вопросъ о причинахъ кризисовъ и о средствахъ избавленія отъ нихъ, доказывалъ, что отъ кризисовъ можно избавиться повышеннымъ потребленіемъ предметовъ роскоши, поэтому онъ и указывалъ на значеніе землевладѣльцевъ, какъ такихъ потребителей вообще непроизводительнаго потребленія.

Сэй борется съ этой идеей, доказывая, что въ дѣйствительности средствомъ противъ перепроизводства является дальнѣйшее производство товаровъ, слѣдовательно, съ нимъ надо бороться не путемъ развитія непроизводительнаго потребленія, а дальнѣйшимъ развитіемъ производительности страны. Сэй разсуждаетъ такъ: „человѣкъ въ промышленности старается сообщить цѣнность своимъ продуктамъ, создавая для нихъ какое-либо полезное употребленіе, и, можно надѣяться, что его товаръ будетъ оцѣненъ и проданъ только тамъ, гдѣ есть люди, имѣющіе средства купить его. Изъ чего состоятъ эти средства? Изъ другихъ цѣнностей, изъ другихъ продуктовъ, плодовъ промышленности, изъ ихъ капиталовъ, земель. А изъ этого слѣдуетъ, хотя на первый взглядъ это можетъ показаться парадоксомъ, что сбытъ для продуктовъ создается самимъ производствомъ.

„Если какой-нибудь продавецъ матерій скажетъ: „въ обмѣнъ на мои продукты я требую не продуктовъ, а денегъ", то ему не трудно было бы доказать, что покупатель его товара можетъ заплатить ему деньги, полученными за товары, которые онъ продаетъ въ свою очередь. Ему можно было бы отвѣтить такъ: тогда фермеръ купитъ ваши матеріи, если у него будетъ хорошій урожай, и онъ купитъ у васъ ихъ тѣмъ больше, чѣмъ обильнѣе будетъ его жатва. Но онъ ничего не купитъ, если самъ ничего не произведетъ. Да и сами вы у него купите хлѣба и шерсти настолько, насколько сработали матеріи. Вы утверждаете, что вамъ нужны не продукты, а деньги, а я вамъ говорю, что вамъ нужны продукты. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вамъ деньги? Не правда-ли, затѣмъ, чтобы купить на нихъ сырыхъ матеріаловъ для вашей промышленности или съѣстныхъ припасовъ для васъ самихъ? Но изъ этого вы сами видите, что вамъ нужны не деньги,

а продукты. Деньги, за которыя вы продадите ваши продукты и на которыя вы купите другіе продукты, будутъ служить для той же цѣли двумъ другимъ сторонамъ, а потомъ опять въ другой и въ третій разъ и такъ безъ конца..." Сэй отмѣчаетъ и то вліяніе на сбытъ товаровъ, которое оказываетъ урожай хлѣба: „хорошій урожай выгоденъ не только земледѣльцамъ, но и торговцамъ всѣми другими продуктами, а не однимъ хлѣбомъ. Покупаютъ всегда больше, когда урожай больше; наоборотъ, дурной урожай вредитъ всѣмъ продажамъ."

„Если это такъ, то откуда берется, спросятъ меня, такое большое количество товаровъ, которые иногда загромождаютъ обращеніе, потому что не находятъ себѣ покупателей? - На это я отвѣчу, что если товары не продаются, или продаются съ убыткомъ, то они, значитъ, превышаютъ сумму потребностей въ нихъ, или потому, что ихъ было произведено слишкомъ много, или еще болѣе потому, что другія производства дали товаровъ меньше, чѣмъ нужно. Извѣстныхъ продуктовъ слишкомъ много, потому что не достаетъ другихъ."

Односторонность и неполнота ученія Сэя заключается въ томъ, что онъ беретъ капиталистическое производство только какъ товарное производство и разсматриваетъ отдѣльныя области производства, какъ разновидности производства товаровъ. Между тѣмъ, при капиталистическомъ производствѣ эти товары суть не просто товары, а товарная форма производительнаго капитала. Въ этихъ товарахъ воспроизводятся тѣ элементы цѣнности, которые вообще имѣются въ капиталистическомъ производствѣ, т.е. воспроизводится затраченная часть постояннаго капитала, заработная плата и прибыль. Значитъ, теорія рынковъ должна показать, какъ въ товарномъ рынкѣ размѣщаются эти отдѣльные элементы капитала. Но такъ вопроса Сэй не ставилъ и не могъ ставить вслѣдствіе того, что самый анализъ капиталистическаго производства у Сэя отличается неполнотою. Тѣмъ не менѣе, въ основѣ своей идеи Сэй былъ болѣе правъ, нежели Мальтусъ.

ФРЕДЕРИКЪ БАСТІА.

Изъ представителей экономическаго либерализма во Франціи слѣдуетъ упомянуть еще о Фредерикѣ Бастіа, жившемъ отъ 1801 по 1850 г. Это - одно изъ наиболѣе опороченныхъ въ широкихъ кругахъ именъ въ исторіи политической экономіи. Бастіа въ свое время былъ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ, искреннихъ и, можно сказать, увлекательныхъ, искусныхъ выразителей экономическаго либерализма. Нечего и говорить о томъ, что какихъ либо обвиненій противъ его личной жизни на основаніи его біографіи привести нельзя. Его жизнь протекла въ скромномъ трудѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги, отъ какихъ-либо карьерныхъ стремленій. Онъ былъ совершенно захваченъ своими идеями. Бастіа умеръ отъ чахотки, при чемъ въ послѣднее время, уже въ болѣзни, писалъ свой послѣдній трудъ объ „Экономическихъ гармоніяхъ".

Бастіа написалъ рядъ произведеній, большею частью памфлетнаго характера, въ которыхъ онъ въ острумной формѣ выражаетъ свои идеи. Самое главное изъ этихъ произведеній носитъ названіе „Экономической гармоніи", почему и самое это направленіе носитъ иногда названіе „гармонизма". Въ своихъ сочиненіяхъ онъ занимается разнообразными вопросами экономической жизни и экономической политики. Очень извѣстны его соображенія относительно происхожденія процентовъ на капиталъ и самого капитала. (Изложеніе и критику этихъ соображеній мы находимъ у германскаго соціалиста Родбертуса). Соображенія эти, какъ у Рикардо, вообще какъ у абстрактныхъ теоретиковъ, выведены гипотетически, на измышленномъ примѣрѣ. Бастіа приводитъ такой примѣръ: два столяра работаютъ, при чемъ одинъ дѣлаетъ рубанокъ, затрачивая на него 10 дней, и затѣмъ этимъ рубанкомъ предполагаетъ работать остальные 290 дней года, расчитывая этимъ рубанкомъ повысить производительность своего труда. Къ этому плотнику, Якову, приходитъ его сосѣдъ, Гильомъ, и проситъ „услуги" - ссудить ему этотъ рубанокъ на годъ. Между ними происходитъ договоръ, въ которомъ Бастіа въ шуточной формѣ воспроизводитъ аргументы сторонниковъ и противниковъ прибыли на капиталъ. Его собственная мысль такова, что сосѣдъ

Гильомъ не только долженъ возвратить совсѣмъ новый рубанокъ, но такъ какъ онъ пользовался „услугой" и этимъ лишилъ Якова возможности пользоваться своимъ рубанкомъ, то долженъ еще возмѣстить понесенный Яковомъ ущербъ. Отсюда Бастіа выводитъ законность и неизбѣжность процентовъ. Эту идею онъ формулируетъ слѣдующими положеніями: „1) законность процентовъ основывается на слѣдующемъ положеніи: всякій, кто соглашается дать капиталъ на извѣстный срокъ, оказываетъ услугу. Стало быть, процентъ законенъ въ силу принципа: услуга за услугу. 2) Непрерывность процентовъ основывается на положеніи: берущій взаймы долженъ сполна вернуть занятое въ извѣстный срокъ, слѣдовательно, если предметъ или его цѣнность возвращены его собственнику, то онъ можетъ опять дать ее взаймы. Когда она будетъ возвращена ему во второй разъ, онъ можетъ отдать ее взаймы въ третій разъ, и т.д. до безконечности."

Это соображеніе, можетъ быть и правильное, имѣетъ тотъ основной недостатокъ, что оно внѣисторично, оно не считается съ конкретно существующими условіями происхожденія капитала и капиталистическихъ отношеній. И здѣсь Бастіа подлежитъ также критикѣ, какъ и Рикардо и другіе представители классической школы.

Отстаивая закрнность и непрерывность процентовъ, Бастіа съ ѣдкой ироніей нападаетъ и критикуетъ мнѣніе тѣхъ, кто отъ всѣхъ золъ ждетъ помощи у государства. Эта его ирония противъ вѣры во всемогущество государства, государственнаго фетишизма, мнѣ кажется, во многомъ не потеряла своего значенія и до сихъ поръ. И въ настоящее время слишкомъ легко различныя трудности разрѣшаютъ ссылкой на государство, огосударствленіе, государственное вмѣшательство и т.д. Между тѣмъ, въ дѣйствительности сила государства хотя и велика, но, во всякомъ случаѣ, она находится въ прямой зависимости отъ силъ общества, вообще отъ реальныхъ возможностей. „Государство, - говоритъ Бастіа, - что это такое? Гдѣ оно? Что оно дѣлаетъ? Что должно дѣлать?" „То, что мы знаемъ теперь про него, это - какая то таинственная личность, которая, навѣрное, больше всего на свѣтѣ хлопочетъ, больше всѣхъ тормошится, болѣе всѣхъ завалена работой, съ которою болѣе всѣхъ совѣтуются, которую болѣе всѣхъ обвиняютъ, къ которой чаще всѣхъ взываютъ о помощи."

„Сто тысячъ голосовъ изъ печати и съ трибуны кричатъ ему всѣ разомъ: организуйте трудъ и рабочихъ; искорените эгоизмъ; подавите нахальство и тиранію капитала; сдѣлайте опыты съ навозомъ и яйцами; изборозднте страну желѣзными дорогами; оросите равнины; облѣсите горы; устройте образцовыя фермы; учредите благоустроенныя мастерскія; населите Алжиръ; выкормите дѣтей; обучите юношество; поддержите старость; разошлите жителей городовъ по деревнямъ; уравновѣсьте выгоды всѣхъ промышленностей; давайте взаймы деньги безъ процентовъ всякому, кто желаетъ получить; освободите Италію, Польшу и Венгрію; воспитайте и усовершенствуйте верховую лошадь; поощряйте искусство, дайте намъ музыкантовъ и танцовщицъ; запретите торговлю и заодно создайте намъ торговый флотъ; откройте истину и заодно зарониге въ наши головы сѣмена разума. Назначеніе государства - просвѣщать, развивать, расширять, укрѣплять, одухотворять и освящать душу народовъ. Я ничего такъ не желаю, какъ если бы вы дѣйствительно открыли внѣ насъ существующее благотворное и неистощимое въ своихъ дѣяніяхъ существо, называемое государствомъ, которое бы имѣло наготовѣ хлѣбъ для всѣхъ ртовъ, работу для всѣхъ рукъ, капиталы для всѣхъ предпріятій, масло для всѣхъ ранъ... которое бы предусматривало всѣ наши нужды, предупреждало бы всѣ наши желанія, удовлетворяло бы нашу любознательность, исправляло бы всѣ наши промахи, всѣ наши ошибки и избавляло бы насъ отъ всякой предусмотрительности, осторожности, проницательности, опытности, порядка, экономіи, воздержанія и всякаго труда"... Но, по мнѣнію Бастіа, „государство - это фикція, посредствомъ которой всѣ стараются жить на счетъ всѣхъ", отказываясь отъ своей иниціативы и своей отвѣтственности. Это мнѣніе, конечно, преувеличено, какъ преувеличена вся позиція экономическаго либерализма, но въ немъ есть то здоровое зерно, что оно направлено противъ легкомысленнаго преувеличенія могущества государства. Это легче всего возникаетъ въ государствахъ, управляемыхъ деспотически и бюрократически, пока общество не имѣетъ осязательнаго ощущенія этой мощности государства. Но чѣмъ болѣе государственность растворяется въ обществѣ, чѣмъ болѣе государственное правленіе становится общественнымъ самоуправленіемъ, тѣмъ болѣе ощутимы реальныя границы государственной мощи. Чѣмъ болѣе воспи-

тывается и развивается личная инициатива, личныя способности, тѣмъ болѣе государство теряетъ эту роль всесильнаго фетиша, отъ котораго ожидается разрѣшеніе всѣхъ трудностей.

Бастіа называется обыкновенно „гармонистомъ", потому что въ основу своего міровоззрѣнія онъ кладетъ вѣру во всеобщую гармонію интересовъ. Изъ этого принципа онъ выводитъ и свой либерализмъ, требованіе всеобщей свободы, результатомъ которой и будетъ гармонія. Гармонизмъ Бастіа является запоздалымъ повтореніемъ того, что высказалъ Кенэ, Смитъ, и, благодаря такому запозданію, нѣкоторыя стороны его ученія, конечно, явились болѣе опасной односторонностью, чѣмъ было въ свое время. Но критическая позиція Бастіа открываетъ ему нѣкоторыя такія стороны, которыя остаются закрытыми для направленій, преувеличивающихъ вліяніе государства, и, какъ критикъ, онъ имѣетъ поэтому больше значенія, нежели своими положительными утвержденіями.

Въ противоположность Бастіа, во французской литературѣ тогда уже была высказана мысль о недостаточности принциповъ экономическаго либерализма экономистовъ Сисмондомъ де-Сисмонди. Этотъ экономистъ является однимъ изъ предшественниковъ современной исторической школы и соціальной политики. Онъ отличается, съ одной стороны, сочувствіемъ къ судьбамъ рабочаго класса, а, съ другой, онъ нападаетъ на отвлеченность политической экономіи, которая, по его выраженію, была не болѣе, какъ хрематистикой, т.е. экономіей денегъ и мѣновыхъ цѣнностей, и недостаточно вниманія оказывала человѣку и личности самого трудящагося. Государству онъ ставитъ задачу вмѣшательства въ промышленную жизнь въ цѣляхъ соціальнаго мира. Сисмондъ де-Сисмонди извѣстенъ въ политической экономіи, какъ горячій поклонникъ и защитникъ мелкаго земледѣлія.

Въ Германіи абстрактная политическая экономія имѣетъ въ началѣ XIX вѣка крупнѣйшаго представителя въ лицѣ одного изъ сильнѣйшихъ экономическихъ умовъ Германіи и одного изъ точнѣйшихъ мыслителей - именно Тюнена. Его перу принадлежитъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Изолированное государство". Въ этомъ сочиненіи, какъ показываетъ само названіе, онъ разсматриваетъ гипотетическій случай, какъ сложились бы экономическія отношенія, если бы всѣ условія соотвѣтствовали въ точности теоре-

тическимъ предположеніямъ. Здѣсь онъ выводитъ теорію позе - мельной ренты, совпадающую съ теоріей Рикардо, но строитъ ее вполнѣ независимо отъ него Большая часть его трактата посвящена экономіи сельскаго хозяйства. Онъ изслѣдуетъ здѣсь, какъ располажатся въ различныхъ массахъ и въ различномъ разстояніи отъ центральнаго города различныя сельско-хозяйственныя си - стемы въ зависимости отъ отношенія къ рынку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ очень много практическихъ подтвержденій изъ своей собственной практики. Онъ также много интересовался вопросомъ о заработной платѣ и стремился вывести теоретически естественное увеличеніе заработной платы. Посредствомъ сложныхъ мате - матическихъ и теоретическихъ соображеній онъ пришелъ къ заключенію, что естественная заработная плата опредѣляется квад - ратнымъ корнемъ изъ произведенія величины, выражающей собой сумму средствъ, необходимыхъ для существованія рабочихъ, и величины продуктовъ труда рабочихъ, такъ что, если первую величину обозначить черезъ „а", а вторую „в", то истинная величина заработной платы выразится квадратнымъ корнемъ изъ „ав" ($\sqrt{ав}$). Тюненъ такъ дорожилъ этимъ открытіемъ, что прика - залъ эту формулу выгравировать на своемъ могильномъ памятни - кѣ.

Тюненомъ я закончу изложеніе ученій болѣе или менѣе примыкающихъ къ классической школѣ или вообще къ направленію экономическаго либерализма.

Экономическій либерализмъ неизбѣжно долженъ былъ вызвать противъ себя и идейную и практическую реакцію. Эта реакція должна была возникнуть въ двухъ направленіяхъ: съ одной сто - роны, не могъ не возбуждать протеста отвлеченный апріоризмъ классической школы, тѣ дедуктивные пріемы, односторонность которыхъ больше всего сказалась у Рикардо. Реакціей противъ апріорныхъ отвлеченностей классической школы является историзмъ, историческое направленіе политической экономіи. Затѣмъ направленіе экономическаго либерализма и проповѣдь государственнаго невмѣшательства должны были вызвать и практическую реакцію, съ одной стороны, у защитниковъ интересовъ производства, а, съ другой - интересовъ распредѣленія съ точки зрѣнія экономиче - ской и съ точки зрѣнія соціалистической.

Съ точки зрѣнія экономической можно ожидать возраженій

противъ либерализма, какъ наиболѣе цѣлесообразной формы экономической политики, какъ противъ наиболѣе разумнаго способа развитія производительныхъ силъ. Противъ либерализма высту - паетъ протекціонизмъ, ученіе о необходимости покровительствен наго вмѣшательства государства, нео-меркантилизмъ. Что касается области соціальнаго распредѣленія, то здѣсь противъ либерализма выступаетъ соціализмъ, требующій вмѣшательства государства въ область распредѣленія.

Что касается историзма, то хотя и существуетъ въ исторіи политической экономіи направленіе, называющее себя спеціально исторической школой, но въ дѣйствительности историзмъ не является особенностью какой-либо одной школы, это есть просто симптомъ большей зрѣлости нашей науки. Она по самой своей природѣ есть наука историческая. Только на самой ранней ступени своего развитія она могла довольствоваться абстрактными дедукціями, Робинзонадами, которыя не имѣютъ историческаго значенія. Дальнѣйшее развитіе политической экономіи должно было дѣлать и дѣлало ее все болѣе исторической.

ФРИДРИХЪ ЛИСТЪ.

Наиболѣе полнымъ и талантливымъ представителемъ протекціонизма въ своей критикѣ смитіанизма и манчестерства является германскій писатель Фридрихъ Листъ, который былъ не только теоретическимъ мыслителемъ, но и практическимъ дѣятелемъ. Его бурная и неудачливая въ личномъ отношеніи жизнь протекла въ патріотическомъ служеніи своему отечеству; и недаромъ совре - менная Германія въ числѣ создателей нѣмецкаго національнаго могущества съ благодарностью упоминаетъ и все болѣе и болѣе оцѣниваетъ Фридриха Листа. Листъ родился въ 1789 году въ Рейт лингенѣ и учился въ Тюбинденѣ. Въ 1817 г. онъ получилъ кафедру въ томъ же Тюбинденскомъ университетѣ. Въ 1819 г. Листъ сталъ во главѣ нѣмецкаго торговаго союза и въ томъ же году избранъ въ Вюртенбергскую палату депутатомъ отъ своего роднаго города Рейтлингена. Здѣсь онъ навлекъ на себя нерасположе-

ніе правительства позиціей, которую онъ занялъ. Онъ сразу внесъ предложеніе относительно отмѣны внутреннихъ таможенъ и заключенія торговаго союза германскихъ государствъ. Германія въ то время распадалась на рядъ мелкихъ государствъ, раз - дробленныхъ между собой таможенными ставками, и, конечно, достиженіе завершенія экономическаго объединенія этихъ госу - дарствъ было наиболѣе настоятельной задачей, которую сознаЛъ въ себѣ Фридрихъ Листъ. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ попытку организовать оппозицію, за что былъ по требованію министерства удаленъ изъ палаты и приговоренъ къ 10 мѣсяцамъ тюрьмы. Отсюда начинается его скитальческая жизнь. Онъ бѣжитъ во Францію, но черезъ два года, надѣясь на монаршую милость, возвращается на родину. Здѣсь его арестовываютъ и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тюрьмы высылаютъ за границу. Онъ уѣзжаетъ сначала въ Швейцарію, а затѣмъ въ 1825 г. въ Америку. Здѣсь онъ пріобрѣтаетъ извѣстность своими экономическими статьями и наживаетъ себѣ состояніе благодаря удачному веденію промышлен - ныхъ предпріятій. Послѣ этого онъ возвращается въ Европу и въ 1831 году получаетъ мѣсто американскаго консула въ Лейпцигѣ. Въ это же время онъ начинаетъ свою агитацію въ пользу германской системы желѣзныхъ дорогъ. Не нужно забывать, что это было время, когда только что началось желѣзнодорожное строительство, и понятно, что для оцѣнки всего экономическаго значенія желѣзнодорожнаго строительства и извѣстнаго его плана постройки германской системы этихъ дорогъ требовалось много экономической проницательности. Промышленный кризисъ въ Америкѣ лишилъ Листа всего его состоянія. Въ 1841 году вышла его книга „Національная система политической экономіи", представляющая собой важнѣйшій вкладъ Фридриха Листа въ экономическую науку. За этотъ трудъ Іенскій университетъ присудилъ ему степень доктора правъ. Послѣдніе годы своей жизни, уже съ разстроеннымъ здоровьемъ, Листъ много путешествуетъ, не находя себѣ покоя. Онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1846 году, на 57-омъ году своей жизни. Что касается его воззрѣній, то данныя о нихъ черпаются главнымъ образомъ изъ его произведенія: „Національная система политической экономіи". Эта книга имѣетъ очень выразительный эпиграфъ: „Et la patrie et l'humanité", т.е. „и родина и человѣчество". Этимъ эпигра-

фомъ и заглавіемъ онъ уже устанавливаетъ разницу между своей политической экономіей и смитовской, вообще классической. Классическая экономія является космополитической, его политическая экономія - національной. Между личностью и человѣчествомъ, по мнѣнію Листа, стоитъ государство или нація. „Подобно тому, какъ отдѣльный человѣкъ въ государствѣ или націи можетъ достигать своихъ индивидуальныхъ цѣлей несравненно легче, нежели въ одиночествѣ, точно также всѣ націи несравненно легче достигали бы своихъ цѣлей, если бы онѣ были соединены правомъ, вѣчнымъ миромъ и свободой сношеній." А для того, чтобы это осуществить, требуется извѣстное могущество отдѣльной націи, а это могущество зависитъ отъ ея экономическаго положенія. „Чѣмъ болѣе развивается и совершенствуется народное хозяйство націи, чѣмъ она цивилизованнѣе и могущественнѣе, тѣмъ больше возвышается ея цивилизація и могущество, тѣмъ сильнѣе можетъ развиваться экономическое образованіе."

„Въ національно-экономическомъ поступательномъ движеніи націи нужно различать слѣдующія главныя стадіи развитія: состояніе дикости, состояніе пастушеское, земледѣльческое, земледѣльческо-мануфактурное, наконецъ, земледѣльческо-мануфактурно-коммерческое."

Листъ пользуется для классификаціи историческими хозяйственными дѣленіями. Въ настоящее время экономическая наука пользуется другой классификаціей; но самая идея исторически разсмотрѣть хозяйственныя формы въ ихъ послѣдующей связи для того времени имѣетъ большую научную цѣнность.

„Переходъ земледѣльческихъ народовъ въ классъ земледѣльческо-манифактурно-торговыхъ націй можетъ совершиться подъ вліяніемъ свободнаго обмѣна не иначе, какъ въ предположеніи, что у всѣхъ націй, призванныхъ къ развитію мануфактурной жизни, въ одно и то же время совершался одинаковый процессъ развитія, и въ такомъ только случаѣ, если бы націи не полагали другъ другу различныхъ препятствій на пути ихъ экономическаго преуспѣнія и если бы онѣ не мѣшали ихъ историческому движенію войнами и таможенными ограниченіями."

Но такъ какъ такихъ условій, очевидно, не существуетъ, то приходится ставить вопросъ о тѣхъ средствахъ, которыя должны въ государствахъ содѣйствовать развитію производительныхъ

силъ. Такимъ средствомъ является таможенная охрана и введеніе пошлинъ. Онъ говоритъ: „націи, менѣе другихъ развитыя, вслѣдствіе болѣе раннихъ успѣховъ другихъ націй и вслѣдствіе чужеземныхъ таможенныхъ системъ, принуждены въ самихъ себѣ отыскивать средства для перехода отъ земледѣльческаго состоянія въ мануфактурное и, насколько это для нихъ возможно, для ограниченія посредствомъ собственной таможенной системы торговли съ націями, опередившими ихъ и стремящимися къ мануфактурной монополіи."

„Таможенная система, поэтому, не есть, какъ утверждали, изобрѣтеніе спекулятивныхъ головъ, а естественно вызвана стремленіемъ народовъ къ самосохраненію и къ обезпеченію своего благосостоянія и преуспѣнія и къ установленію преобладанія ихъ надъ другими націями."

Политическая экономія Смита и его школы, по мнѣнію Листа, есть экономія мѣновыхъ цѣнностей. Онъ же хочетъ создать экономію развитія производительныхъ силъ. Въ настоящее время понятіе производительныхъ силъ и развитія производства до такой степени связаны съ ученіемъ Маркса и его школы, что забываютъ о томъ, что первый, кто высказалъ эту мысль, былъ Листъ. При этомъ самое пониманіе идеи производительныхъ силъ у него полнѣй, богаче, плодотворнѣй, нежели у Маркса. У Маркса пониманіе производительныхъ силъ установляется главнымъ образомъ съ точки зрѣнія мѣновыхъ, матеріальныхъ цѣнностей, не столько силъ, сколько продуктовъ; между тѣмъ Листъ ставитъ вопросъ о развитіи производительныхъ силъ въ ихъ живомъ, органическомъ, творческомъ состояніи, не въ ихъ статикѣ, но въ исторической динамикѣ. „Производительныя силы народовъ зависятъ не только отъ труда, сбереженій, нравственности и способности людей или ихъ обладанія естественными сокровищами и матеріальными капиталами, но также отъ соціальныхъ, политическихъ и гражданскихъ учрежденій и законовъ и главнымъ образомъ отъ обезпеченности ихъ бытія, самостоятельности и національной мощи. Какъ бы ни были отдѣльные люди бережливы, прилежны, искусны, предпріимчивы, разумны и нравственны, однако безъ національнаго единства, безъ національнаго раздѣленія труда и безъ національной кооперації производительныхъ силъ нація никогда не въ состояніи достигнуть высокой степени бла-

госостоянія и могущества или обезпечить себѣ прочное обладаніе своими интеллектуальными, соціальными и матеріальными богатствами."

Въ другомъ мѣстѣ онъ еще шире устанавливаетъ понятіе производительныхъ силъ, именно какъ способность создавать богатства, такъ что развитіе производительныхъ силъ у Листа есть понятіе источника мощи націи, которая суммируется изъ силъ духовныхъ, соціально-политическихъ и матеріальныхъ. Далѣе Листъ останавливается на вопросѣ о воспитательныхъ средствахъ, которыя должны быть примѣнены по отношенію къ народному хозяйству. Эти воспитательныя средства различны въ зависимости отъ историческаго момента. Ложность манчестерской школы и классической политической экономіи именно состоитъ въ томъ, что онѣ видятъ въ либерализмѣ и государственномъ вмѣшательствѣ исторически незыблемый всобщій принципъ экономической политики. Между тѣмъ, по мнѣнію Листа, такая политика пригодна для государства, находящагося на ступени земледѣльческой. "Желать поднятія земледѣлія посредствомъ таможенныхъ пошлинъ - задача безсмысленная, такъ какъ внутреннее земледѣліе можетъ быть экономически поднято лишь туземною же фабрично-заводскою промышленностью и такъ какъ запрещеніе ввоза чужеземныхъ сырыхъ матеріаловъ и продуктовъ земледѣлія задержитъ развитіе мануфактурной промышленности страны."

Дальнѣйшее развитіе экономической жизни поставило рядъ ограниченій этому принципу, но въ общемъ эта мысль справедлива въ томъ отношеніи, что само земледѣліе не нуждается въ покровительственныхъ пошлинахъ для своего развитія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока страна является экспортирующей. Но когда страна переходитъ отъ земледѣлія къ обрабатывающей промышленности, то тогда необходима таможенная охрана отъ конкуренціи государствъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія. Листъ разсматриваетъ таможенныя пошлины, какъ воспитательныя средства, которыя должны быть отмѣнены по миновеніи надобности. Онъ называетъ ихъ иногда костылями промышленности, будучи убѣжденъ, что "протекціонная система является единственнымъ средствомъ для поднятія отставшихъ странъ до уровня опередившихъ ихъ націй, которыя отъ природы не получили никакой вѣчной монополіи мануфактурной промышленности, а

лишь выиграли во времени передъ другими націями; поэтому протекціонная система является съ указанной точки зрѣнія могущественной силой, влекущей націю къ конечной цѣли - ассоціаціи народовъ, а слѣдовательно, къ истинной свободѣ торговли." Такъ понимаетъ Листъ значеніе пошлинъ въ историческомъ развитіи. Въ настоящее время эти идеи Листа сдѣлались до такой степени признанными истинами политической экономіи, что свобода торговли защищается лишь какъ частное средство въ примѣненіи къ опредѣленнымъ условіямъ, но отнюдь не какъ универсально примѣнимое начало экономической политики. Принципъ исторически-относительной національной обособленности даннаго хозяйства, выдвинутый Листомъ, получилъ всеобщее признаніе въ политической экономіи. Слѣдующей заслугой Листа является болѣе глубокое пониманіе самой общественной экономіи. "Вся общественная экономія націи вообще должна быть разсмотрѣна съ точки зрѣнія принципа раздѣленія операцій труда и комбинаціи производительныхъ силъ... Высшее раздѣленіе труда въ странѣ составляетъ раздѣленіе труда умственнаго и труда физическаго. Они находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи. Чѣмъ больше умственное производство содѣйствуетъ развитію нравственности, религіознаго чувства, просвѣщенія, увеличенію знанія, расширенію свободы и политическому совершенствованію, развитію личной и имущественной безопасности гражданъ и внѣшнему могуществу націи, тѣмъ обширнѣе будетъ и матеріальное производство; чѣмъ болѣе матеріальное производство производитъ богатства, тѣмъ болѣе успѣховъ достигаетъ умственное производство." "Наисовершеннѣйшее раздѣленіе труда и наилучшая комбинація производительныхъ силъ въ матеріальномъ производствѣ сказываются въ земледѣліи и фабрично-заводской промышленности."

Листъ выводитъ,такимъ образомъ, политическую экономію изъ того тупика, въ который привелъ ее Смитъ своимъ различеніемъ производительнаго и непроизводительнаго труда и признаніемъ производительнымъ лишь трудъ, создающій матеріальныя цѣнности. Но не этимъ только Листъ вноситъ поправку въ систему Смита. Онъ указываетъ на слѣдующія три основныя черты политической экономіи Смита: "во первыхъ, безпочвенный космополитизмъ, который не признаетъ сущности націонализма и не при-

нимаетъ въ расчетъ національныхъ интересовъ; во вторыхъ, бездушный матеріализмъ, который всюду преимущественно замѣчаетъ только мѣновыя цѣнности и упускаетъ изъ виду нравственные и политическіе интересы настоящаго и будущаго, а также производительныя силы націи; въ третьихъ, разрушительный партикуляризмъ и индивидуализмъ, которые, не понимая сущности природы соціальнаго труда и дѣйствія ассоціаціи производительныхъ силъ въ ея наивысшихъ проявленіяхъ, разсматриваютъ, въ сущности, лишь частную промышленность въ томъ видѣ, въ какомъ она развилась бы при свободѣ отношеній въ обществѣ, т.е. во всемъ человѣчествѣ, если бы оно не было расчленено на отдѣльныя націи."

Но между отдѣльнымъ человѣкомъ и человѣчествомъ стоитъ нація съ ея особымъ языкомъ и литературой, съ ея собственнымъ происхожденіемъ и исторіей, съ ея собственными нравами и обычаями, законами и учрежденіями, съ ея правами на существова - ніе, независимость, прогрессъ, вѣчную устойчивость и съ ея обособленной территоріей. Образовавшись въ ассоціацію посредствомъ солидарности умственныхъ и матеріальныхъ интересовъ, составляя одно самостоятельное цѣлое, которое признаетъ надъ собой авторитетъ закона, но въ то же время, какъ цѣлое, владѣя еще естественной свободой по отношенію къ другимъ подобнаго рода ассоціаціями, - нація, при существующемъ міровомъ порядкѣ, не можетъ обезпечить свою самостоятельность и независи - мость иначе, какъ собственными силами и своими частными средствами. Подобно тому, какъ отдѣльный человѣкъ только благодаря націи и въ нѣдрахъ націи достигаетъ умственнаго образова - нія, производительной силы, безопасности и благосостоянія, такъ и цивилизація человѣчества немыслима и невозможна иначе, какъ при посредствѣ цивилизаціи и развитіи націи." Поэтому „задача политической (національной) экономіи заключается въ экономическомъ воспитаніи націй и въ подготовленіи ихъ къ вступленію во всемірное общество будущаго." Поэтому, подводя общія заключенія, Листъ характеризуетъ систему Смита, какъ космополитическую политическую экономію, которая „по существу дѣла не что иное, какъ система частной экономіи всѣхъ индивидуумовъ страны или всего человѣчества, какимъ бы оно было, если бы не существовало ни отдѣльныхъ государствъ, ни націй, ни

національныхъ интересовъ, ни особыхъ государственныхъ устройствъ и культуръ, ни войнъ, ни національныхъ стремленій; это не что другое, какъ теорія цѣнностей, конторская или купеческая теорія, а не ученіе о томъ, какимъ образомъ возбудить, увеличить, поддержать и обезпечить производительныя силы націи въ выгодахъ ея цивилизаціи, благосостоянія, могущества, устойчивости и независимости."

Листъ является основателемъ исторической политической экономіи. Онъ вполнѣ сознательно и отчетливо ставитъ задачи экономической жизни на историческую почву и въ этомъ состоитъ его значеніе въ исторіи политической экономіи.

СОЦІАЛИЗМЪ, ЕГО ВИДЫ, ВАЖНѢЙШІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ.

Въ порядкѣ изложенія намъ предстоитъ сейчасъ глава о соціализмѣ. О соціализмѣ я читаю спеціальный курсъ и поэтому, въ виду недостаточности оставшагося времени, я принужденъ быть очень кратокъ и ограничиться самыми основными чертами и фактами.

Въ пору торжества идей либерализма, когда физіократы, Адамъ Смитъ, а еще позже фритредеры провозглашали принципы государственнаго невмѣшательства въ экономическія отношенія, ихъ воодушевляло убѣжденіе, что осуществленіемъ свободы устанавливается соціальная гармонія, что наилучшимъ способомъ разрѣшенія не только экономическихъ, но и соціальныхъ вопросовъ является именно невмѣшательство государства въ экономическія отношенія. Но чѣмъ больше развивались эти послѣднія, тѣмъ больше выяснялась сначала односторонность и недостаточность, а затѣмъ и прямая ошибочность этихъ началъ, тѣмъ болѣе росло разочарованіе въ либерализмѣ, какъ системѣ экономической политики.

Начало XIX столѣтія, какъ вы знаете, ознаменовалось бурнымъ развитіемъ капиталистическаго производства, обнаружившемъ при этомъ наиболѣе отрицательныя, наиболѣе суровыя свои соціальныя послѣдствія, сначала въ Англіи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ. Антагонизмъ, заложенный въ капитализми

ческомъ производствѣ, рознь труда и капитала, постепенное накопленіе богатства съ одной стороны и нищета рабочаго класса или, по крайней мѣрѣ, низкій уровень ихъ благосостоянія съ другой - все это съ необыкновенной силой стало передъ общественнымъ сознаніемъ и больше всего передъ сознаніемъ самихъ лично заинтересованныхъ въ разрѣшеніи соціальнаго вопроса классовъ. Весь XIX вѣкъ и наше время, можно сказать, стоитъ подъ знакомъ соціальнаго вопроса (неразрѣшеннаго и до сихъ поръ), какъ его поставила новѣйшая капиталистическая жизнь. Соціальный вопросъ въ самомъ общемъ смыслѣ - борьба съ бѣдностью, съ имущественнымъ неравенствомъ - вовсе не представляетъ собой особенности только нашего времени; напротивъ, мы не знаемъ такой счастливой исторической эпохи, которая бы не имѣла своего вопроса о бѣдности, своего соціальнаго вопроса. Но современный соціальный вопросъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ отличается отъ соціальнаго вопроса другихъ историческихъ эпохъ особой отчетливостью своей постановки и поэтому особой остротой, слишкомъ сознается всѣми, чтобы отъ соціальнаго вопроса можно было бы какъ-нибудь уйти сознаніемъ и не стоять по отношенію къ нему въ томъ или другомъ положительномъ или отрицательномъ отношеніи. Бѣдность, необезпеченность труда, безработица, которыя ставятъ вопросъ о правѣ на трудъ, о возможности приложенія своего труда, затѣмъ продолжительный рабочій день, недостаточная заработная плата и другія нужды труда - все это вызываетъ широкое развитіе въ обществѣ соціалистическихъ и коммунистическихъ идей и все это совершенно подрываетъ идеи экономическаго либерализма. Либерализмъ, какъ соціальная политика, не потребовалъ даже какихъ либо особыхъ теоретическихъ опроверженій: онъ просто былъ отвергнутъ самой жизнью. Просто жизнь перемѣстилась на другую историческую плоскость, съ которой всѣ перспективы представляются иначе, чѣмъ онѣ представлялись Адаму Смиту и физіократамъ. Если они боролись съ вмѣшательствомъ государства, то соціализмъ протестуетъ противъ недостаточности этого вмѣшательства и хочетъ распространить и усилить это вмѣшательство; онъ предоставляетъ въ этомъ смыслѣ, какъ я указывалъ ранѣе, возвратъ къ идеямъ меркантилизма, но только въ ихъ соціалистиче-

скомъ приложеніи. Общая идея соціалистическаго преобразованія народнаго хозяйства именно и сводится къ тому, чтобы вмѣсто отдѣльныхъ хозяевъ или индивидуалистическихъ хозяйствъ, находящихся между собой въ отношеніи свободной конкуренціи, поставить одного хозяина - само общество, организованное въ государство. Государству при этомъ предоставляется вся полнота экономической мощи. Оно соединяетъ въ себѣ всю энергію предпринимателя и заводитъ весь распредѣлительный механизмъ.

Если сдѣлать шагъ еще дальше и предположить обобществленіе не только производства, но и потребленія, то получимъ коммунизмъ, болѣе полное, рѣшительное осуществленіе соціализма. Всѣ эти идеи о томъ, чтобы устранить частную конкуренцію и вручить въ руки государства или самоуправляющихся общественныхъ союзовъ веденіе хозяйства, какъ мы знаемъ, не только не новы, но чрезвычайно стары. Мы уже познакомились съ рядомъ соціалистическихъ системъ глубокой древности, напр., у Платона, среднихъ вѣковъ, эпохи реформаціи и болѣе поздней эпохи. Соціализмъ нашего времени находится въ непосредственной связи съ фактомъ хозяйственной жизни нашего времени. Онъ представляетъ собою систему, построенную на переработкѣ этихъ фактовъ подъ ихъ впечатлѣніемъ. Соціализмъ въ этомъ смыслѣ есть прежде всего антиманчестерство, антилиберализмъ, онъ прежде всего возникаетъ какъ отрицаніе либерализма, какъ протестъ противъ него. Поэтому онъ характеризуется вѣрой въ творческое могущество государства, - вѣрой, которую, какъ вы помните, такъ иронически изображаетъ Бастіа. Однако, это антиманчестерство, эта государственная форма соціализма не есть единственная, которую знаетъ новое время. Рядомъ съ этой государственной концепціей соціализма новое время знаетъ и антигосударственную, анархическую его концепцію. Анархическій соціализмъ, отрицая социальное могущество, при этомъ указываетъ, что и антиманчестерство все-таки слишкомъ много оставляетъ за государствомъ, слишкомъ много отдаетъ въ руки государственной власти. Нельзя ли совсѣмъ отстранить государство и организовать общества безъ государственныхъ формъ на основѣ общественныхъ, самоуправляющихъ союзовъ. Этотъ союзъ можетъ вести хозяйство на общесоціалистическихъ или даже коммунистическихъ началахъ. Въ такомъ случаѣ получится то, что называется или анархическимъ комму-

низмомъ или анархическимъ соціализмомъ. Онъ существуетъ подъ различными названіями, но, во всякомъ случаѣ, характеризуется отрицательнымъ отношеніемъ къ государству.

Такимъ образомъ, соціализмъ можетъ быть или государственный или же антигосударственный, анархическій. Понятіе соціализма можетъ быть принимаемо и въ широкомъ и въ узкомъ смыслѣ слова. Въ послѣднемъ можно разумѣть подъ соціализмомъ уже осуществленный соціалистическій строй, т.е. тотъ конечный результатъ, котораго достигаетъ общество, развивающееся въ соціалистическомъ направленіи; въ такомъ случаѣ изъ понятія соціализма нужно будетъ исключить все то, что представляется историческимъ движеніемъ по отношенію къ этой конечной цѣли. Можно понимать соціализмъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ болѣе эволюціонномъ, т.е. вкладывать въ его понятіе не только конечную цѣль, какъ предѣлъ развитія, но и путь къ нему, и тогда получится болѣе широкое пониманіе соціализма, какъ извѣстной системы соціальной политики или совокупности различныхъ мѣръ порядка, преобразующихъ постепенно, болѣе или менѣе рѣшительно, народное хозяйство въ направленіи соціалистическомъ. Соціализмъ, понимаемый въ этомъ широкомъ смыслѣ, конечно, неизбѣжно является тѣмъ, что нѣмцы называютъ Stük-Socialismus, частичнымъ соціализмомъ, и въ этомъ смыслѣ его понятіе расширяется настолько, что, строго говоря, заключаетъ въ себѣ почти всю соціальную политику; каждый соціальный законъ, направленный на охрану труда или къ страхованію рабочихъ, или ограниченію рабочаго дня, или увеличенію заработной платы и т.д. можетъ быть понимаемъ, какъ мѣра, частично приближающая насъ къ соціализму, заключающая въ себѣ, такъ сказать, кусокъ этого соціализма. Соціализмъ въ этомъ широкомъ и практическомъ смыслѣ принимаетъ различныя формы, обозначаемыя обыкновенно отдѣльными терминами.

Говорятъ о государственномъ соціализмѣ, чтобы обозначить этимъ именно совокупность мѣръ соціальнаго характера, принимаемыхъ государствомъ,-сюда относится вся область соціальнаго законодательства. Говорятъ о муниципальномъ соціализмѣ, чтобы имъ обозначить совокупность мѣръ, касающихся хозяйства, вѣдомаго муниципалитетами, различными самоуправляющимися единицами. Затѣмъ говорятъ о кооперативномъ соціализмѣ, чтобы выяс-

нить тѣ хозяйственныя преобразованія, которыя вырабатываются кооперацією.

Соціализмъ можно различать также по практическимъ методамъ воздѣйствія, по тѣмъ путямъ, которые то или другое ученіе предлагаетъ для осуществленія цѣли. Можно различать на основаніи этого критерія соціализмъ мирный или эволюціонный и соціализмъ революціонный. При чемъ этотъ революціонный соціализмъ можетъ рекомендовать различные пути - или по преимуществу политическій или по преимуществу экономическій. Этимъ революціоннымъ соціализмомъ политическаго типа себя считаетъ и особенно считалъ себя раньше марксизмъ, который надѣялся на захватъ политической власти путемъ парламентскаго представительства. Примѣръ революціоннаго соціализма экономическаго характера представляетъ собой развивающійся въ послѣднее время и особенно во Франціи синдикальный соціализмъ, такъ называемый революціонный синдикализмъ, который въ принципѣ отрицаетъ парламентскіе политическіе пути и въ то же время рекомендуетъ революціонныя мѣры для достиженія соціалистическаго преобразованія общества, главнымъ образомъ, всеобщую стачку.

Также и соціализмъ эволюціонный или мирный можетъ быть по преимуществу политическимъ или по преимуществу экономическимъ. Большинство существующихъ парламентскихъ соціалистическихъ партій въ настоящее время, хотя и удерживаютъ революціонныя требованія въ программахъ, представляютъ собой такія партіи мирнаго практическаго соціализма. Все кооперативное движеніе,-которое такъ могущественно въ Англіи и Бельгіи, напр., - представляетъ собой мирный экономическій соціализмъ.

Изъ самаго понятія соціализма, ставящаго себѣ извѣстныя практическія задачи и въ то же время обосновывающаго свои требованія теоретически, ясно, что теорія и практика въ соціализмѣ сливаются почти нераздѣльно

Что касается теоретическихъ основаній соціализма, то здѣсь могутъ быть большія различія, какъ въ области чисто экономическихъ ученій, такъ и въ области общихъ ученій. Что касается экономическихъ теорій соціализма, то слѣдуетъ сказать, что самой характерной и распространенной среди соціа-

листовъ экономической теоріей является ученіе классической школы, въ особенности ученіе Рикардо о трудовой теоріи цѣнности со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Это ученіе въ той или иной модификаціи, въ той или иной переработкѣ прини - мается очень многими соціалистами сравнительно въ весьма ран- нюю эпоху. Трудовая теорія цѣнности сдѣлалась столь распро - страненной среди соціалистовъ теоріей не потому вовсе, какъ думаютъ нѣкоторые, чтобы она была сама по себѣ, по самому су- ществу соціалистической. Мы знаемъ, что и раньше существовали и въ настоящее время существуютъ соціалисты, совсѣмъ не раз - дѣляющіе трудовую теорію цѣнности, считающіе ее не научной, не отвѣчающей фактамъ дѣйствительности. Такую большую распростра ненность она получила вслѣдствіе тѣхъ выводовъ, которые были сдѣланы изъ этой теоріи. Выводы эти - такъ называемая теорія капиталистической эксплуатаціи (Ausbeutungstheorie). Эта тео- рія эксплуатаціи характеризуется тѣмъ, что разъ цѣнности со- здаются трудомъ, то прибыль на капиталъ и вообще нетрудовой доходъ являются продуктомъ неоплаченнаго труда, - слѣдова - тельно, капитализмъ основывается на этомъ неоплаченномъ тру - дѣ, на эксплуатаціи рабочаго класса. Хотя ни Смитъ, ни Рикар- до, которые это ученіе выставили, сами отнюдь не сдѣлались благодаря этому соціалистами, но это ученіе оказалось настоль- ко удобной и благодарной основой для критики капитализма, что оно очень рано сдѣлалось по преимуществу соціалистическимъ. Это ученіе о прибавочной цѣнности и значеніи труда, какъ един- ственнаго создателя цѣнности, появляется въ экономической ли- тературѣ уже въ XVIII вѣкѣ. Такъ, оно вполнѣ отчетливо выра - жено въ XVIII вѣкѣ англійскимъ квакеромъ Веллерсомъ и затѣмъ соціалистами начала XIX вѣка: Грэемъ, Томсономъ, Годскинымъ, впослѣдствіи Овеномъ, нѣкоторыми французскими соціалистами, а затѣмъ нѣмецкими соціалистами: Родбертусомъ и Марксомъ. И только въ самыя послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, вмѣстѣ съ раз- витіемъ австрійской теоріи, не только среди экономистовъ не- соціалистическаго направленія, но и среди соціалистовъ наблю- дается все чаще и чаще отказъ отъ трудовой теоріи цѣнности по мотивамъ научнаго характера. Затѣмъ распространеннымъ общимъ ученіемъ соціализма является другое положеніе классической школы, формулированное съ наибольшей ясностью тоже Рикардо,

именно - законъ заработной платы, по которому она держится на минимумѣ, - то, что обыкновенно Лассаль называлъ желѣзнымъ закономъ заработной платы. Или же оно замѣняется еще болѣе широко формулированной, такъ называемой теоріей обнищанія, согласно которой положеніе рабочихъ не улучшается развитіемъ капитализма, но скорѣй даже ухудшается или, по крайней мѣрѣ, остается безъ измѣненія. Наконецъ, общепризнанной экономической теоріей соціализма является такое ученіе о концентраціи производства и поглощеніи болѣе крупными предпріятіями болѣе мелкихъ. Эта идея вполнѣ отчетливо сознается уже въ началѣ XIX вѣка французскимъ соціализмомъ, напр., Фурье. Она играетъ существенную роль у Родбертуса и Маркса. Изъ приведеннаго ясно, насколько велика научная зависимость экономическихъ идей соціализма отъ классической школы, болѣе всего отъ Рикардо.

Обращаясь къ соціализму, какъ къ общей теоріи, какъ къ общему міровоззрѣнію, мы должны отмѣтить, что обыкновенно и экономическій идеалъ и практическія средства, предлагаемые той или иной соціалистической системой, обыкновенно конструируются какъ выводы изъ болѣе общихъ теоретическихъ предпосылокъ. Соціализмъ въ настоящее время притязаетъ быть цѣлостнымъ, общимъ міровоззрѣніемъ. Естественно можетъ быть поставленъ вопросъ о характерѣ различныхъ соціалистическихъ системъ въ связи съ этими общетеоретическими предпосылками.

Прежде всего несомнѣнно, что соціализмъ, какъ система практической политики, какъ планъ хозяйственнаго преобразованія, отнюдь не связанъ съ какимъ-либо однимъ опредѣленнымъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ. Исторія соціализма можетъ лучше всего показать, что къ соціализму приходили и приходятъ, отправляясь отъ различныхъ міровоззрѣній. Поэтому слѣдуетъ перечислить главные типы соціализма по этимъ общимъ предпосылкамъ. Въ этомъ смыслѣ можно указать слѣдующіе три основные типа соціализма: соціализмъ христіанскій, философско-идеалистическій и матеріалистическій. Что касается перваго вида соціализма, то здѣсь, какъ показываетъ само названіе, соціалистическія требованія выставляются какъ требованія религіозной этики, какъ способъ практическаго осуществленія христіанской любви и солидарности. Примѣры такого соціализма въ наиболь -

шемъ количествѣ даетъ Англія, которая выставила цѣлый рядъ соціалистовъ, начиная съ эпохи реформаціи, проникнутыхъ духомъ христіанства; затѣмъ позднѣе, въ серединѣ XIX вѣка, здѣсь выступили группы соціалистовъ, сами называвшихъ себя христіанскими соціалистами, затѣмъ такіе крупнѣйшіе соціальные и полусоціалистическіе мыслители, какъ Томасъ Карлейль и Рескинъ, стоятъ на почвѣ христіанскаго міровоззрѣнія.

Примѣры христіанскаго соціализма можно указать во всѣхъ другихъ странахъ. Такъ, въ Германіи существуетъ такъ называемое евангелически-соціальное движеніе, хотя и не вполнѣ соціалистическое. Во Франціи первый крупнѣйшій соціалистъ XIX вѣка Сенъ-Симонъ озаглавилъ свой соціалистическій трактатъ: „Новое христіанство". Сюда можетъ быть отнесенъ и Фурье и затѣмъ цѣлый рядъ соціалистовъ: Леруа, абб. Ламенэ и др. Въ Россіи сюда относится до извѣстной степени В.С.Соловьевъ и его школа.

Философско-идеалистическій соціализмъ принадлежитъ главнымъ образомъ Германіи, которая выставила цѣлый рядъ крупнѣйшихъ представителей философскаго идеализма. Зачатки соціализма находятъ даже у Канта. Затѣмъ несомнѣнно соціалистомъ является Г.Г.Фихте, одинъ изъ геніальныхъ представителей классическаго идеализма. Идеалистомъ въ философіи является Лассаль, а равнымъ образомъ и Родбертусъ. Затѣмъ въ самое послѣднее время выступаетъ цѣлый рядъ дѣятелей и теоретиковъ соціализма, которые въ своемъ общефилософскомъ міровоззрѣніи являются идеалистами, главнымъ образомъ, неокантіанскаго направленія. (Сюда же можно отнести въ извѣстномъ смыслѣ Жореса).

Наконецъ матеріалистическій соціализмъ связывается съ матеріалистической философіей различныхъ оттѣнковъ. Этого типа соціализмъ является широко распространеннымъ, количественно онъ представляется, вѣроятно, даже наиболѣе распространеннымъ видомъ соціализма въ настоящее время.

Однимъ изъ раннихъ представителей этого соціализма въ Англіи являются Робертъ Оуэнъ и цѣлый рядъ соціалистовъ, примыкающихъ къ лѣвому крылу радикально-политическаго движенія въ Англіи, извѣстнаго подъ именемъ чартизма. Наиболѣе чистымъ представителемъ матеріалистическаго соціализма является Марксъ, его школа и все движеніе, какъ политическое, такъ и экономическое, вызванное имъ какъ въ Пруссіи, такъ

и въ другихъ странахъ.

Изъ этого перечня вы можете заключить, что соціализмъ не есть одно законченное мировоззрѣніе, неизмѣнное съ начала до конца.

Я перечислилъ основныя или, по крайней мѣрѣ, представляющіеся мнѣ наиболѣе важными принципы классификаціи видовъ соціализма. Ко всѣмъ этимъ перечисленнымъ классификаціямъ и даже вмѣсто нихъ прибавляютъ еще одну: раздѣленіе соціализма на научный и утопическій.

Различеніе между соціализмомъ научнымъ и утопическимъ основывается на произвольной переоцѣнкѣ однихъ соціалистическихъ направленій и недооцѣнкѣ другихъ. Это разграниченіе было введено Энгельсомъ, при чемъ имъ подразумѣвалось, что научнымъ соціализмомъ является только марксизмъ (теперь иногда къ Марксу присоединяютъ еще Родбертуса), а всѣ остальные виды соціализма суть утопическіе. Но болѣе углубленное пониманіе какъ природы соціалистическихъ ученій, такъ и выяснившейся въ исторіи сравнительной цѣнности различныхъ системъ рѣшительно не позволяютъ намъ сдѣлать такую расцѣнку. Въ каждой изъ соціалистическихъ системъ имѣются элементы какъ научные, такъ и ненаучные, ошибочные, а также сверхнаучные, и ни одна не имѣетъ правъ притязать на какую-либо исключительную научность. Поэтому правильнѣй въ результатѣ чисто научнаго анализа каждой системы указывать, что представляетъ въ ней научную цѣнность, а что не представляетъ, нежели теперь надѣлять ту или иную систему направленіемъ научнымъ или ненаучнымъ.

Теперь обращусь къ краткой характеристикѣ соціализма въ XIX столѣтіи въ Зап. Европѣ. Начну съ Англіи, - во первыхъ, какъ родины новѣйшаго соціализма, а, во вторыхъ, какъ страны, наиболѣе рано обнаружившей основныя противорѣчія капиталистическаго строя. Если не останавливаться на второстепенныхъ представителяхъ соціализма, то наиболѣе крупнымъ соціалистомъ первой половины XIX вѣка въ Англіи является несомнѣнно Робертъ Овенъ.

Робертъ Овенъ былъ въ большей степени практическимъ дѣятелемъ, соціальнымъ реформаторомъ, нежели соціалистическимъ теоретикомъ. Происходя изъ бѣдной семьи, онъ своимъ трудомъ и своей энергіей весьма рано составилъ себѣ состояніе и сдѣлал-

ся однимъ изъ собственниковъ хлопчато-бумажной фабрики въ Нью-Ланаркѣ. Здѣсь онъ достигъ такихъ блестящихъ результатовъ въ смыслѣ воспитанія фабричнаго населенія, затѣмъ вообще улучшенія положенія рабочаго класса, что въ Нью-Ланаркъ пріѣзжали изъ разныхъ странъ посѣтители осматривать его, какъ достопримѣчательность Оставивъ Нью-Ланаркъ, Овенъ увлекается разными практическими начинаніями, предпринимаетъ нѣсколько коммунистическихъ экспериментовъ (въ Америкѣ и Ирландіи). Затѣмъ онъ увлекается соціально-революціоннымъ движеніемъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, извѣстнымъ подъ названіемъ чартизма, выставившаго сначала требованіе введенія всеобщаго избирательнаго права. Къ этому времени относится мысль Овена относительно основанія всеобщаго рабочаго союза, который бы принялъ въ свое вѣдѣніе все производство и, такимъ образомъ, осуществилъ бы соціалистическое хозяйство. Эта идея имѣла блестящій, но кратковременный и непрочный успѣхъ, смѣнившійся полнымъ разочарованіемъ. Въ то же время Овенъ дѣлаетъ попытку осуществленія трудового банка, т.е. такого банка, который бы устранилъ необходимость денегъ; при посредствѣ этого банка по представленію Овена продукты труда обмѣнивались бы на продукты потребленія непосредственно, участіе прибавочной цѣнности было бы устранено. Банкъ этотъ тоже потерпѣлъ неудачу. Дальнѣйшая практическая дѣятельность Овена и наиболѣе значительная по своимъ историческимъ послѣдствіямъ принадлежитъ къ области кооперативнаго движенія Овенъ, хотя и связывалъ со своими опытами кооперації большія задачи, нежели они могли разрѣшить, но справедливо считается духовнымъ отцомъ кооперативнаго движенія. Онъ былъ воодушевленъ идеями рабочей самопомощи, осуществляемой на почвѣ экономической организаціи для совмѣстнаго потребленія, а также для совмѣстнаго производства; въ дальнѣйшемъ, хотя и съ большими измѣненіями, онѣ осуществились въ развитіи кооперативнаго движенія.

Что касается теоретическихъ идей Овена, то онъ принадлежитъ, какъ я уже упоминалъ, къ числу представителей матеріалистическаго соціализма. Основная его соціально-философская идея состоитъ въ томъ, что человѣкъ, отдѣльная личность, есть вполнѣ продуктъ той общественной среды, въ которой онъ живетъ, и вслѣдствіе этого онъ не отвѣтственъ за свои дѣй -

ствія и за свои поступки.

Въ слѣдующую эпоху 40 - 60-хъ годовъ наиболѣе вліятель - ной группой соціалистовъ въ Англіи была группа такъ называемыхъ христіанскихъ соціалистовъ. Во главѣ ихъ стоитъ проф. Моррисъ, затѣмъ священникъ Чарльзъ Кингслей, адвокатъ Людловъ и цѣлый рядъ другихъ видныхъ и пользовавшихся общимъ уваженіемъ представителей англійской интеллигенціи. Эти лица съ одной стороны содѣйствовали раскрытію разныхъ соціальныхъ язвъ, отрицательныхъ сторонъ положенія рабочаго класса, а съ дру - гой - поставили своей задачей разрѣшеніе соціальнаго вопроса мирнымъ путемъ, развитіемъ кооперацій и въ этомъ смыслѣ продолжали до извѣстной степени экономическія идеи Овена. Кромѣ того, по ихъ иниціативѣ черезъ парламентъ прошли нѣкоторые очень важные для рабочихъ законы, и затѣмъ ими былъ основанъ народный университетъ въ цѣляхъ просвѣщенія англійскихъ рабочихъ. Христіанскіе соціалисты, поддерживавшіе связь съ англиканской церковью, вмѣстѣ съ тѣмъ находились подъ вліяніемъ одного изъ величайшихъ людей Англіи XIX вѣка, Томаса Карлей - ля. Хотя Карлейль не является въ строгомъ смыслѣ соціалистомъ въ полномъ объемѣ, но какъ соціальный моралистъ, какъ критикъ капиталистическаго строя, Карлейль, собственно, можетъ быть поставленъ въ ряду соціалистовъ. Въ критикѣ Карлейль отправляется отъ предпосылокъ христіанско-этическаго, общерелигіознаго характера и въ этомъ смыслѣ его больше всего можно сблизить съ Толстымъ. Извѣстно, напримѣръ, выступленіе Карлейля памфлетомъ по вопросу о чартизмѣ, его причинахъ и значеніи чартизма въ соціально-революціонномъ движеніи, благодаря которому вскрылась передъ англійскимъ обществомъ неприглядная картина новаго положенія рабочаго класса, создавшагося въ капитализмѣ.

Карлейль въ своемъ памфлетѣ о чартизмѣ съ необыкновенной силой раскриваетъ истинную сущность чартизма, который нисколько не былъ подавленъ репрессіями. Затѣмъ въ рядѣ своихъ сочиненій, въ особенности въ „Прошлое и настоящее", „Sartor Resartus", Карлейль подвергаетъ такой безпощадной критикѣ си - стему свободной конкуренціи экономическаго либерализма, что болѣе рѣзкой критики нельзя найти у представителей и болѣе рѣшительнаго соціализма. Въ качествѣ средства противъ золъ

свободной конкуренціи Карлейль предлагаетъ организацію труда, во главѣ которой стояли бы лица по своему призванію, по своимъ талантамъ достойныя этого („капитаны промышленности").

Къ Карлейлю близко примыкаетъ своимъ общимъ міровоззрѣніемъ и своимъ отношеніемъ къ капитализму и своимъ соціальнымъ моралізмомъ другой знаменитый писатель начала XIX вѣка - Джонъ Рескинъ.

Рескинъ подвергаетъ капитализмъ критикѣ не только съ той же стороны, какъ и Карлейль, но и со стороны эстетической. Онъ, будучи первокласснымъ художественнымъ критикомъ и вообще эстетикомъ, показываетъ, насколько уродуетъ красоту природы, красоту человѣка, красоту человѣческой души окружающая его соціальная обстановка. Въ своихъ практическихъ выводахъ Рескинъ до извѣстной степени приближается къ Карлейлю. Наконецъ, изъ представителей соціализма въ самое новѣйшее время, въ наши дни, въ Англіи наиболѣе заслуживаетъ вниманія и является для насъ характернымъ такъ называемое общество фабіанцевъ. Это - общество интеллигентовъ, ученыхъ, писателей, которые стоятъ на почвѣ эволюціоннаго, мирнаго и частичнаго соціализма, и свое прозвище приняли отъ полководца Фабія, какъ извѣстно, получившаго названіе кунстатора, т.е. медлителя. Къ числу фабіанскихъ соціалистовъ относятся и наиболѣе крупные экономисты современной Англіи - супруги Сидней и Беатриса Веббы.

Теперь перейду къ Франціи. Во Франціи уже въ предреволюціонное время, въ XVIII вѣкѣ, можно слышать соціалистическіе мотивы и можно назвать цѣлый рядъ представителей соціалистическихъ идей XVIII вѣка - Морелли, Мабли, Бриссо и Бабефъ, который въ эпоху великой французской революціи, въ 1795 г., устроилъ даже заговоръ для отмѣны частной собственности. Наиболѣе извѣстнымъ французскимъ писателемъ, привлекшимъ вниманіе къ соціалистическимъ идеямъ въ началѣ XIX вѣка, является графъ Сенъ-Симонъ, по отзывамъ его біографовъ, необыкновенно привлекательная, блестящая личность, вызывавшая къ себѣ восторженное отношеніе у людей, знавшихъ его.

Онъ былъ изъ древняго знатнаго рода, но разорился и, находясь въ нищетѣ, вырабатывалъ свои идеи. Сенъ-Симона нельзя причислить къ безусловнымъ представителямъ соціализма, ему остается въ значительной степени чужда идея противопоставле-

нія интересовъ труда и капитала, для него и то и другое сливаются въ понятіе промышленности, какъ силы, которую онъ противопоставляетъ старымъ феодальнымъ аристократическимъ привилегіямъ. Эта сила созидательная и творческая требуетъ для себя соотвѣтственнаго мѣста въ государствѣ и связывается не съ наслѣдственными привиллегіями, а съ личными заслугами. У Сенъ-Симона особенно интересно развитіе этой идеи въ томъ отношеніи, что онъ связываетъ ее съ особыми объясненіями исторіи. Онъ формулируетъ здѣсь нѣкоторыя идеи, сдѣлавшіяся весьма извѣстными и распространенными впослѣдствіи въ марксизмѣ, именно идею классовой борьбы и до извѣстной степени идею экономическаго объясненія исторіи (экономическій матеріализмъ). Есть основаніе думать, что Сенъ-Симонъ черезъ посредство нѣмецкаго экономиста Лоренца Штейна, написавшаго изслѣдованіе о французскомъ соціализмѣ, имѣлъ косвенное вліяніе и на Маркса. Наряду съ этимъ Сенъ-Симонъ подчеркиваетъ начало равенства въ смыслѣ равенства условій приложенія труда для каждой отдѣльной личности и отрицанія сословныхъ привиллегій. Въ своемъ важнѣйшемъ, наиболѣе соціалистическомъ трактатѣ, названномъ имъ „Новое христіанство", Сенъ-Симонъ высказываетъ ту мысль, что соціальный вопросъ разрѣшимъ лишь на почвѣ религіи. Люди должны считать другъ друга братьями и религія есть та сила, которая приведетъ къ скорѣйшему разрѣшенію соціальнаго вопроса. Идеи, выраженныя Сенъ-Симономъ, получили болѣе отчетливое и притомъ болѣе опредѣленное соціалистическое истолкованіе въ рукахъ его учениковъ, его школы, во главѣ которой стоятъ Базаръ и Анфонтенъ. По ученію сенсимонистовъ, существуютъ вообще два начала, на которыхъ строится общество: эгоизмъ, которому соотвѣтствуетъ индивидуализмъ, и затѣмъ единство, которому соотвѣтствуетъ ассоціація. Эти два начала, центробѣжная и центростремительная силы, въ различныхъ комбинаціяхъ соединяются въ разныя эпохи исторіи, и преобладаніе той или другой опредѣляетъ собой характеръ данной эпохи. Соотвѣтственно преобладанію силъ разрушительныхъ, эгоистическихъ, эпоха бываетъ критической, съ преобладаніемъ разлагающихъ процессовъ, а преобладаніе ассоціирующихъ, соединяющихъ началъ образуетъ органическую эпоху, въ которой процессъ роста, творчества преобладаетъ надъ противоположными процессами. Вся исторія чело-

вѣчества съ этой точки зрѣнія представляется для учениковъ Сенъ-Симона какъ чередованіе органическихъ и критическихъ эпохъ, при чемъ первая органическая эпоха относится къ классическому міру, именно къ эпохѣ расцвѣта Греціи и величія Рима. Періодъ упадка древняго Рима, такъ называемая эллинистическая эпоха, принадлежитъ уже къ эпохамъ критическимъ. Затѣмъ новая органическая эпоха наступаетъ съ христіанствомъ и продолжается до реформаціи, съ которой начинается новая критическая эпоха, продолжающаяся и до нашихъ дней.

Съ Сенъ-Симона, по мнѣнію его учениковъ, начинается уже новая органическая эпоха, когда раздробленное общество на началахъ какъ бы новой религіи соединяется въ ассоціаціи. Организація производства въ эту новую эпоху должна измѣниться въ томъ смыслѣ, что каждый долженъ найти соотвѣтственное мѣсто въ обществѣ, и для этого должна быть устранена та эксплуатація человѣка человѣкомъ, которая существовала сначала въ видѣ рабства, затѣмъ крѣпостничества и, наконецъ, сохраняется въ видѣ наемнаго труда. Новой органической эпохѣ надлежитъ уничтожить привиллегіи богатства, для чего непосредственнымъ средствомъ служитъ отмѣна наслѣдственнаго права; имущества должны распредѣляться по масштабу способностей, но распоряженіе имуществомъ все-таки должно оставаться въ частныхъ рукахъ. Итакъ -каждому по способностямъ и обладателю данной способности соотвѣтственно его работѣ. Государство должно взять въ свои руки регулированіе всего производства и потребленія, для этого оно должно устроить центральный банкъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ распоряженіе землей и капиталомъ, оно должно распоряжаться промышленностью и торговлей, наблюдать за ними и т.д. Однимъ словомъ, ученики Сенъ Симона предписываютъ государству цѣлый рядъ такихъ задачъ, которыя вообще предписываютъ ему и другіе соціалисты. Ученикамъ Сенъ-Симона удалось образовать школу, число послѣдователей которой въ 1831 году доходило до 40 тыс. человѣкъ, но движеніе оставалось главнымъ образомъ интеллигентскимъ и не просачивалось въ ряды массы, поэтому оно имѣетъ въ исторіи значеніе главнымъ образомъ какъ идейное броженіе, подготовляющее дальнѣйшее развитіе соціалистическихъ идей.

Младшимъ современникомъ Сенъ-Симона былъ Шарль Фурье

(1772 - 1837 г.) - Фурье выработалъ въ рядѣ своихъ сочиненій сложную, запутанную, странную по формѣ, соціалистическую систему, въ которой психологическія соображенія и даже космологическія чередуются съ экономическими и практическими. Центромъ системы Фурье является человѣческая личность, имѣющая извѣстныя потребности и стремленія и ищущая ихъ удовлетворенія. Эти стремленія вложены въ человѣка Богомъ и, по мнѣнію Фурье, сами по себѣ доброкачественны, такъ что ихъ удовлетвореніе не способно нарушить общественную гармонію, въ особенности въ томъ случаѣ, если они будутъ удовлетворяться по соотвѣтственному плану. Въ такомъ случаѣ они могутъ создать даже взаимное притяженіе членовъ общества, его сплотить. Нужно предоставить, слѣдовательно, свободное развитіе естественнымъ стремленіямъ общества, невозможность ихъ удовлетворять есть основное зло, связанное съ ошибочной организаціей общества. За эту дисгармонію, за нищету массъ, за разныя соціальныя изъяны Фурье бичуетъ современное общество. Настоящую эпоху онъ называетъ эпохой цивилизаціи, при чемъ она отличается въ его представленіяхъ не только относительной бѣдностью, вслѣдствіе неправильнаго распредѣленія, но и абсолютной бѣдностью, - бѣдностью производства. Для того, чтобы отъ нея освободиться, нужно повысить прежде всего производительность труда, развитіе производительныхъ силъ, для этого нужно, съ одной стороны - повысить количество труда, а съ другой - улучшить его организацію. Количество труда уменьшается въ настоящее время вслѣдствіе существованія праздныхъ, нетрудящихся элементовъ общества; съ одной стороны - домашнихъ членовъ семьи, дѣтей, прислуги, стариковъ, а съ другой - лицъ обезпеченныхъ и не считающихъ себя обязанными трудиться; надлежащая организація общества сумѣетъ использовать разныя силы и наиболѣе производительнымъ образомъ. Другимъ источникомъ современной бѣдности, и по мнѣнію Фурье, является мелкая форма производства, его раздробленность; по его убѣжденію крупныя предпріятія неизбѣжно поглощаютъ мелкія и они технически настолько цѣлесообразнѣе, что рано или поздно наступитъ время, когда совсѣмъ небольшое число крупныхъ капиталистовъ станетъ во главѣ производства. Мысль Маркса о концентраціи производства, приводящей къ поглощенію мелкихъ производителей немногими крупными капитали-

стами, вполнѣ отчетливо формулирована уже у Фурье. Эта концентрація производства привела бы къ цѣлому ряду выгодъ, связанныхъ вообще съ болѣе крупными предпріятіями. Поэтому онъ высказывается и противъ раздробленія мелкихъ земельныхъ участковъ и противъ раздѣленія потребленія; въ производствѣ должна быть искусственно даже вводима крупная форма. Переходъ отъ эпохи цивилизаціи къ эпохѣ достодолжнаго существованія человѣка будетъ эпохой, которую Фурье называетъ эпохой гарантизма, названной имъ такъ потому, что въ эту эпоху каждому гарантируется, обезпечивается необходимое для существованія. Для этой цѣли устанавливается государствомъ дешевый кредитъ, затѣмъ страхованіе рабочихъ и доступность орудій труда для среднихъ сословій. Эта эпоха гарантизма должна повести къ созданію новаго соціальнаго строя, основаннаго на крупной хозяйственной единицѣ, на организаціи производительныхъ ассоціацій, называемыхъ Фурье фалангами, живущими совмѣстно въ общихъ зданіяхъ, называемыхъ фаланстерами; на каждую фаланстеру онъ считаетъ по 400 семействъ. Однимъ словомъ, старая идея, которую вы помните и у Мора съ его общими обѣдами, общими домами (а еще ранѣе у Платона) повторяется и у Фурье. Отличительной особенностью Фурье здѣсь является то, что хотя онъ вводитъ нѣкоторыя черты коммунизма, именно крупное производство, право всѣхъ на трудъ, обезпечивающее, слѣдовательно, устраненіе нищеты, но въ то же время оставляетъ нѣкоторыя черты индивидуализма, именно - частная собственность въ его проектѣ не уничтожается, она только принимаетъ форму права не на средства производства, а на участіе въ продуктѣ общаго дохода. Поэтому весь продуктъ труда распредѣляется такимъ образомъ: 5/12 отдается труду, 4/12 - капиталу и 3/12 - таланту.

Одну изъ самыхъ интересныхъ идей Фурье представляетъ его проектъ организаціи труда въ фаланстерахъ: какимъ образомъ достигнуть всеобщей повинности труда, если къ труду не побуждаетъ угроза нищеты и нужды? Этотъ вопросъ есть вообще одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и, можно сказать, роковыхъ для механическаго соціализма: какъ ввести всеобщую повинность труда, не прибѣгая къ идеѣ долга, личной отвѣтственности, слѣдовательно, личнаго нравственнаго развитія. Для тѣхъ соціалистическихъ системъ, которыя этотъ элементъ личности и ея свободы устраняютъ, остает-

ся только одинъ отвѣтъ: государственное принужденіе, общая повинность труда, вводимая государствомъ. Фурье отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ связи со своей теоріей о человѣческихъ потребностяхъ и въ связи со своей классификаціей человѣческихъ влеченій и страстей. Излагать эту классификацію было бы сложно и долго, но основная мысль Фурье заключается въ томъ, что при извѣстномъ благопріятномъ распредѣленіи труда каждый человѣкъ найдетъ для себя то, къ чему онъ склоненъ, при этомъ трудъ будетъ наслажденіемъ, удовольствіемъ, онъ становится подобенъ игрѣ. Фурье сравниваетъ организацію труда въ фаланстерахъ съ дѣтской игрой. Если предоставить каждому заниматься его любимымъ дѣломъ, то тяжесть труда будетъ устранена, а вся производительность труда будетъ увеличена. Къ этому онъ прибавляетъ еще другой аргументъ: онъ говоритъ, что въ настоящее время наиболѣе непріятный трудъ оплачивается наиболѣе скудно, между тѣмъ въ этихъ фаланстерахъ плата за трудъ должна быть тѣмъ выше, чѣмъ непріятнѣе трудъ.

Затѣмъ въ развитіе своей идеи онъ вноситъ много страннаго, курьезнаго или соблазнительнаго, между прочимъ, онъ вводитъ здѣсь свободную любовь, нѣчто вродѣ безпорядочнаго полового общенія. Но справедливы были указанія, что критиковать его на основаніи этихъ странностей и чудачествъ внѣшности было бы не вполнѣ правильно, и въ общемъ развитіе соціалистической мысли Фурье занимаетъ довольно опредѣленное и довольно замѣтное мѣсто.

Идеи Фурье имѣли много послѣдователей; во Франціи изъ его учениковъ наиболѣе извѣстенъ Консидеранъ. Идея ассоціаціи, какъ средства разрѣшенія соціальнаго вопроса, послѣ Фурье довольно прочно укореняется во французскомъ соціализмѣ и находитъ цѣлый рядъ сторонниковъ, главнымъ образомъ въ группѣ французскихъ христіанскихъ соціалистовъ, таковы Бюше, Поль Леру, аббатъ Ламенэ, Неккеръ и всѣ тѣ христіанскіе соціалисты, которые полагали въ основу экономическихъ преобразованій производительныя ассоціаціи. Но особенно большую извѣстность принципъ ассоціаціи пріобрѣлъ въ связи съ именемъ французскаго соціалиста Луи Блана. Луи Бланъ пропагандировалъ принципъ производительныхъ ассоціацій, которыя основывались бы при правительственной поддержкѣ, на оказываемый правительствомъ кредитъ. Свободную кон-

куренцію производства, предоставленіе собственному ходу, Луи Бланъ считаетъ необходимо приводящимъ къ соціальному бѣдствію и замѣнить принципъ свободной конкуренціи предлагаетъ принципомъ ассоціаціи. Луи Бланъ не только теоретически отстаивалъ свои идеи, но ему пришлось подвергнуть ихъ практической провѣркѣ, именно во время февральской революціи 1848 года во Франціи, революціи, которая носила рѣзко выраженный соціальный характеръ, и когда были произведены двоякаго рода соціалистическіе эксперименты. Съ одной стороны, временное правительство приняло на себя обязательство бороться съ безработицей устройствомъ мастерскихъ для безработныхъ. Правительство поставило себѣ задачей практически осуществить признаніе права на трудъ. Съ этой цѣлью были ассигнованы суммы для организаціи различныхъ общественныхъ работъ съ цѣлью дать заработокъ безработнымъ. Разумѣется, всѣ эти эксперименты кончились неудачно. Дѣйствительно, для государства, имѣющаго ограниченныя средства, почерпаемыя обычно путемъ налоговъ, при оставленіи въ полной силѣ свободной конкуренціи бороться такими ограниченными средствами съ результатами этой системы - безработицей, очевидно, не подъ силу. Очень скоро обнаружилось, что количество лицъ, обращающихся къ государственной помощи, гораздо больше, чѣмъ государство можетъ ея оказать. Другой экспериментъ, произведенный декретомъ собранія въ іюлѣ 1848 года, имѣлъ въ виду осуществить Луи-Блановскую идею производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ. Было ассигновано 3 милліона франковъ для оказанія помощи производительнымъ ассоціаціямъ, но эти деньги были затрачены безрезультатно, и этотъ экспериментъ также кончился ничѣмъ.

Изъ французскихъ соціалистовъ первой половины XIX вѣка большой извѣстностью пользуется еще Жанъ Батистъ Прудонъ, жившій отъ 1809 - 1865 года. Однако, называть Прудона соціалистомъ можно только съ большими ограниченіями. Онъ сближается съ соціализмомъ въ критикѣ темныхъ сторонъ современнаго соціальнаго строя. Въ положительной своей части онъ является не соціалистомъ, а скорѣе индивидуалистомъ, при томъ съ анархическимъ оттѣнкомъ.

Наибольшей извѣстностью изъ сочиненій Прудона пріобрѣли его мемуары подъ заглавіемъ: „Что такое собственность?", появившееся въ 1840 году, какъ работа написанная на тему, заданную Парижской Академіей Наукъ. Прудонъ здѣсь разсматриваетъ одну за другой теоріи обоснованія собственности: 1) теорію первоначальнаго захвата, въ согласіи съ которой собственность появляется вслѣдствіе распредѣленія земельныхъ участковъ при первоначальномъ разселеніи; 2) теорію трудовую, согласно съ которой собственность возникаетъ въ связи съ тѣмъ, что на нее затрачивается трудъ, при чемъ наиболѣе трудно для этой теоріи объяснить собственность на земельные участки; 3) теорію легальную, объясняющую собственность существованіемъ законовъ, ее охраняющихъ. Всѣ эти теоріи онъ по различнымъ мотивамъ отвергаетъ, такъ что собственность въ его глазахъ лишается всякаго оправданія. Поэтому онъ отвѣчаетъ на вопросъ, поставленный въ заглавіи мемуара „Что такое собственность?" извѣстнымъ парадоксомъ, что собственность есть воровство. Если вы припомните, эту формулировку наука наша знала съ очень отдаленныхъ временъ - именно нѣкоторые средневѣковые писатели такъ относились къ частной собственности по мотивамъ религіозно-аскетическимъ; такъ смотрѣлъ, напримѣръ, св. Амвросій, Везарій фонъ-Гейстербергъ и др. Собственностью создается возможность присвоенія нетрудового дохода, т.е. собственность есть источникъ полученія прибавочной цѣнности, а, такъ какъ это Прудонъ считаетъ соціальнымъ зломъ, то онъ и является противникомъ собственности. Но одновременно онъ и противникъ коммунизма, такъ какъ коммунизмъ, по его мнѣнію, обусловливаетъ эксплуатацію сильныхъ слабыми, подобно тому, какъ частная собственность наоборотъ - эксплуатацію слабыхъ сильными

Самымъ основнымъ экономическимъ сочиненіемъ Прудона является книга подъ заглавіемъ: Система экономическихъ противорѣчій", вышедшая въ 1846 году Это есть основной трудъ Прудона, гдѣ онъ излагаетъ цѣлую теоретическую систему, основанную на теоріи цѣнности. По мнѣнію Прудона, вся экономическая система капитализма состоитъ изъ противорѣчій, при чемъ основнымъ противорѣчіемъ, лежащимъ на днѣ, такъ сказать, этой системы, является противорѣчіе между мѣновой и потребительной

цѣнностями, именно несоотвѣтствіе, которое существуетъ между полезностью, важностью и необходимостью предмета для жизни и его мѣновой цѣнностью, рыночной оцѣнкой. Въ связи съ этимъ онъ изслѣдуетъ всѣ основные факты капиталистическаго хозяйства. Прудонъ хочетъ освободиться отъ темныхъ сторонъ капиталистическаго хозяйства и основныхъ его противорѣчій уничтоженіемъ денегъ и процентовъ на капиталъ. Но способъ уничтоженія денегъ и процентовъ на капиталъ Прудонъ видитъ не въ общественной или государственной организаціи производства, а въ системѣ, которую онъ называетъ „мутуалистической", основанной на взаимности, т.е. на взаимной связи отдѣльныхъ производствъ, которыя все-таки остаются частными и другъ отъ друга независимыми. Для установленія этой системы Прудонъ проектируетъ трудовой банкъ, при посредствѣ котораго были бы устранены деньги, и товары получили бы способность непосредственной вымѣниваемости. Въ мѣновомъ хозяйствѣ качествомъ непосредственной обмѣниваемости или, какъ говорится въ политической экономіи, способностью быть всеобщимъ мѣновымъ эквивалентомъ обладаютъ только деньги. Прудонъ хочетъ съ помощью своего трудового банка распространить это качество на всѣ товары; онъ практикуетъ, слѣдовательно, такое учрежденіе, въ которое всякій производитель могъ бы представить свой товаръ и получить тѣ товары, которые ему нужны, при чемъ посредникомъ для него были бы трудовыя деньги, выраженныя въ ассигнаціяхъ, написанныхъ на извѣстное количество часовъ труда. При посредствѣ такого банка по мысли Прудона уничтожились бы всѣ злоупотребленія при обмѣнѣ и могла бы быть осуществлена болѣе важная цѣль, именно безплатный кредитъ: банкъ могъ бы ссужать на основѣ трудовой цѣнности орудія производства производителямъ, не взимая за это процентовъ. Такимъ образомъ, было бы побѣждено основное зло современнаго общества - проценты на капиталъ.

Прудонъ былъ наканунѣ того, чтобы примѣнить свои идеи къ практической жизни, уже былъ основанъ банкъ, но до конца дѣло не дошло по независящимъ обстоятельствамъ.

Я упомянулъ, что Прудонъ придерживался анархическихъ воззрѣній; онъ считалъ, что мутуалистическая система въ производствѣ приведетъ къ устраненію государства за его ненуж-

ностью и замѣнѣ закона свободно установленнымъ договоромъ; принципъ, на которомъ построена и экономическая и политическая организація у Прудона, есть свобода въ смыслѣ антигосударственномъ и антисоціалистическомъ. Останавливаться на критикѣ воззрѣній Прудона не представляется здѣсь цѣлесообразнымъ.

Собственно Прудономъ и заканчивается рядъ французскихъ соціалистовъ, получившихъ всемірную или, по крайней мѣрѣ, общеевропейскую извѣстность, хотя имъ, понятно, не заканчиваются работы соціалистической мысли во Франціи, но главный центръ вниманія въ серединѣ и во второй половинѣ XIX вѣка переносится въ Германію, выставившую цѣлый рядъ крупнѣйшихъ представителей соціализма въ лицѣ Лассаля, Родбертуса и Маркса.

Фердинандъ Лассаль жилъ съ 1825 по 1864 г. Его извѣстность основывается столько же на его научной и литературной дѣятельности, сколько и на практической, агитаціонной работѣ, приведшей къ основанію рабочей соціалистической партіи въ Германіи. Подъ предсѣдательствомъ Лассаля и значительной степени его энергіей былъ основанъ всеобщій германскій рабочій союзъ за годъ до смерти Лассаля. Хотя этотъ союзъ послѣ его смерти насчитывалъ всего 4000 человѣкъ, но фактически онъ явился началомъ теперешней соціалъ-демократической партіи въ Германіи.

Въ области теоретической Лассаль проявилъ себя, съ одной стороны, чисто научными изслѣдованіями по наслѣдственному праву, затѣмъ по греческой философіи (философія Гераклита Темнаго) и отчасти въ брошюрахъ и статьяхъ характера экономическаго и историко-философскаго. По своимъ общимъ идеямъ Лассаль примыкаетъ къ философіи Гегеля и отчасти, Фихте, вообще къ философіи германскаго идеализма, по своимъ же экономическимъ идеямъ Лассаль является послѣдователемъ отчасти Рикардо, отчасти Луи Блана и вообще французскихъ соціалистовъ съ ихъ идеями объ ассоціаціяхъ. Въ своихъ рѣчахъ Лассаль обычно развивалъ ту мысль, что рабочему сословію въ данный историческій моментъ принадлежитъ совершенно исключительное историческое призваніе, что оно является носителемъ основной идеи исторической эпохи.

Если для среднихъ вѣковъ, по мнѣнію Лассаля, руководящей была идея землевладѣнія, феодальной аристократіи, если эпоха

отъ великой французской революціи до 1848 г. есть эпоха господства буржуазіи, такъ послѣ 1848 г. наступаетъ эпоха, характеризующаяся историческимъ призваніемъ и ролью рабочаго сословія, и это историческое призваніе онъ ихъ убѣждаетъ осуществить. Но чтобы рабочее сословіе было въ состояніи осуществить свое призваніе, необходимо чтобы оно отдало себѣ ясный отчетъ въ своемъ историческомъ, соціальномъ и экономическомъ положеніи. Въ области экономической Лассаль столкнулся съ сильной агитаціей среди рабочихъ, направленной къ созданію среди нихъ ассоціацій или обществъ самопомощи. Эти общества самопомощи, вообще идеи организаціи рабочаго сословія на основѣ экономической взаимопомощи въ Германіи проповѣдывалъ, главнымъ образомъ, Шульце-Деличъ, съ которымъ въ борьбу и вступилъ Лассаль. Лассаль доказывалъ въ полемикѣ съ Шульце-Деличемъ, что никакія сколько нибудь существенныя улучшенія въ положеніи рабочихъ, въ увеличеніи заработной платы, вообще улучшеніи жизненной обстановки, не могутъ быть достигнуты посредствомъ экономической взаимопомощи потребительными обществами и вообще различными экономическими палліативами по той причинѣ, что заработная плата опредѣляется желѣзнымъ закономъ. Этотъ же желѣзный законъ, учитъ Лассаль вслѣдъ за Рикардо, держитъ заработную плату на уровнѣ средствъ необходимыхъ для жизни. Слѣдовательно, въ предѣлахъ этого экзистенсминимума никакія существенныя улучшенія невозможны. Желѣзный законъ заработной платы сдѣлался главнымъ рычагомъ въ его борьбѣ съ идеями экономической самопомощи Шульце-Делича, и на немъ же обосновывалъ онъ и свой положительный проектъ.

Положительный проектъ Лассаля въ значительной степени напоминаетъ мысль Луи Блана объ основаніи производительныхъ ассоціацій рабочихъ. Рабочіе только тогда могутъ надѣяться на существенное улучшеніе въ своемъ экономическомъ положеніи, если частные капиталисты будутъ вытѣснены и замѣнены коллективными предпріятіями изъ самихъ рабочихъ. Шульце-Деличъ, вообще сторонники экономической самопомощи тоже стремились внушить рабочимъ, въ особенности ремесленникамъ, значеніе производительныхъ ассоціацій или артелей. Отличіе Лассаля отъ Шульце-Делича заключается въ томъ, что Лассаль считаетъ эту идею осуществимой и разрѣшаемой только при условіи государственной по-

мощи этимъ производительнымъ ассоціаціямъ на почвѣ государ - ственнаго кредита. Эти ассоціаціи могутъ только въ томъ случаѣ сдѣлаться способными выдерживать конкуренцію, если будутъ снабжены достаточными капиталами, а имъ, по мнѣнію Лассаля, можетъ ихъ снабдить только государство, если только оно за - хочетъ ихъ снабдить. Такъ что же представляетъ изъ себя государство? Государство, - обращаясь къ рабочимъ, говоритъ Лас - саль, - если оно соотвѣтствуетъ фактическому соціальному со - ставу населенія, должно быть - вы сами, потому что рабочіе представляютъ собой большинство населенія. А для того, чтобы они получили вліяніе, соотвѣтствующее ихъ численности, необходимо, чтобы избирательная система давала этому вліянію соотвѣтствующее выраженіе, а это возможно только при введеніи всеобщаго избирательнаго права. Слѣдовательно, идея производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ приводитъ Лассаля къ требованію всеобщаго избирательнаго права.

Итакъ, всеобщему германскому рабочему союзу Лассаль указывалъ задачу прежде всего политическаго характера, именно добиваться всеобщаго избирательнаго права. Такимъ образомъ, Лассаль этимъ предопредѣлилъ германское рабочее движеніе, какъ движеніе по преимуществу политическое; какъ извѣстно, всеобщее избирательное право черезъ годъ послѣ смерти Лассаля было введено, но не какъ завоеваніе рабочаго класса, но какъ слѣдствіе политическаго расчета со стороны Бисмарка, введшаго всеобщее избирательное право.

Скоро послѣ смерти Лассаля его основная идея производительныхъ ассоціацій и, равнымъ образомъ, желѣзный законъ заработной платы были отвергнуты его же собственной партіей.

Крупнымъ теоретикомъ соціализма въ Германіи былъ Карлъ Родбертусъ фонъ-Ягецовъ, жившій отъ 1805 г. до 1875 г. Родбертусу принадлежитъ рядъ трудовъ, относящихся къ области какъ экономической теоріи, такъ и къ исторіи, главнымъ образомъ къ экономической исторіи античной древности, затѣмъ онъ занимался также вопросами поземельнаго кредита. Въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ онъ развиваетъ трудовую теорію цѣнности и проистекающую изъ нея теорію прибыли на капиталъ или, какъ онъ ее называетъ, теорію „ренты вообще". Эпоха капиталистическаго производства, по мнѣнію Родбертуса, характеризу-

ется раздѣльностью капиталовладѣнія, землевладѣнія и труда. Для того, чтобы возможно было капиталистическое производство, необходимы экономическія и правовыя условія. Необходима из - вѣстная производительность труда, который долженъ производить больше, чѣмъ потребляетъ рабочій, давать извѣстный остатокъ. Юридическое условіе есть право собственности на орудія производства, позволяющее капиталистамъ и затѣмъ землевладѣль - цамъ присвоивать этотъ излишекъ, который Родбертусъ и называетъ рентой вообще. Рента вообще распадается на двѣ части, на прибыль на капиталъ, представляющій чистый доходъ капиталиста и повемельную ренту, долю землевладѣльца. Существованіе зе - мельной ренты онъ объясняетъ тѣмъ, что въ землевладѣніи от - сутствуетъ сырой матеріалъ, а, слѣдовательно, и самая затрата капитала на сырой матеріалъ. Между тѣмъ, капиталы стремятся къ равной прибыли. Значитъ, если затрата капитала въ земле - владѣніи будетъ меньше, чѣмъ въ промышленности на всю ту до - лю, которая была затрачена въ послѣдней на сырой матеріалъ, то поэтому общая доходность въ послѣдней выше, чѣмъ въ промыш - ленности, и излишекъ дохода земледѣлія и составляетъ земель - ную ренту. Отличительной чертой ученія Родбертуса является еще его теорія заработной платы. Онъ училъ, что доля заработ - ной платы въ продуктѣ - независимо отъ того, увеличивается или уменьшается заработная плата абсолютно - съ развитіемъ ка питалистическаго производства имѣетъ тенденцію къ уменьшенію, поэтому рабочій классъ получаетъ все меньшую долю въ произво - димыхъ продуктахъ и можетъ все въ уменьшающейся степени быть покупателемъ этихъ продуктовъ; и такъ какъ его покупательная способность сокращается, то въ итогѣ образуется остановка въ сбытѣ товаровъ и торговые и промышленные кризисы. Что касает - ся практическихъ идей Родбертуса, то Родбертусъ принадлежитъ къ числу соціалистовъ-консерваторовъ, которые больше всего на - дѣются на положительное творческое вмѣшательство государствен - ной власти въ экономическія отношенія, и вообще не ожидалъ скораго соціалистическаго переворота. Онъ высказываетъ, что соціалистическій строй наступитъ не скоро, такъ черезъ 500 лѣтъ, а пока надо заботиться о соціальныхъ реформахъ, на пер - вомъ мѣстѣ объ урегулированіи заработной платы.

Слѣдующимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ соціалистовъ Германіи

является Карлъ Марксъ, жившій отъ 1818-1883 гг. Идеи Маркса, помимо ихъ научнаго и теоретическаго значенія интересны потому, что въ настоящее время онѣ опредѣляютъ теоретическое міровоззрѣніе германской соціалдемократической партіи и отчасти вліяютъ на соціалистическое движеніе нѣкоторыхъ другихъ странъ Идеи его относятся, съ одной стороны, къ области философіи исторіи, а съ другой - къ политической экономіи. Что касается философіи исторіи, то міровоззрѣніе Маркса опредѣляется какъ экономическій матеріализмъ; онъ считаетъ основаніемъ всѣхъ соціально-историческихъ процессовъ развитіе производительныхъ силъ, факторъ экономическій. Но развитіе производительныхъ силъ совершается съ исторической необходимостью, и перемѣна въ ихъ развитіи влечетъ за собой перемѣну въ политическомъ строѣ общества, въ его сознаніи, психологіи, въ его отвлеченныхъ и идеологическихъ построеніяхъ. Всѣ формы производительныхъ отношеній въ исторіи до настоящаго времени отличаются характеромъ антагонистическимъ, въ основу ихъ положено противорѣчіе, дисгармоническое отношеніе. Вслѣдствіе этого вся исторія, протекшая до сихъ поръ и настоящаго времени, характеризуется классовой борьбой, при чемъ въ этой классовой борьбѣ выражается антагонистическій характеръ развитія производительныхъ силъ. Въ области экономической Марксъ является, какъ и Родбертусъ, продолжателемъ Рикардо и развиваетъ его трудовую теорію цѣнности подобно нѣкоторымъ англійскимъ теоретикамъ и Родбертусу въ томъ направленіи, что онъ становится орудіемъ обличенія и критики капитализма. Подобно тому, какъ Родбертусъ объясняетъ существованіе ренты вообще изъ излишка произведеній труда, сверхъ своего содержанія, такъ и Марксъ существованіе нетрудового дохода объясняетъ прибавочнымъ трудомъ рабочихъ, производящихъ сверхъ необходимаго для своего существованія прибавочную цѣнность, которою и создается прибыль на капиталъ, проценты, земельная рента, вообще различные нетрудовые доходы. Общее развитіе капиталистическаго хозяйства Марксъ изображаетъ такими чертами: вслѣдствіе поглощенія болѣе крупными хозяйствами болѣе мелкихъ происходитъ концентрація производства; размѣры производства становятся все болѣе и болѣе крупными и число капиталистовъ, руководящихъ производствомъ, вслѣдствіе этого все уменьшается; такимъ

образомъ, капиталистическое производство само подготовляетъ организацію производства изъ одного центра.

Концентрація производства сопровождается, по ученію Маркса, сосредоточеніемъ рабочихъ массъ и прогрессирующимъ ихъ угнетеніемъ со стороны капитала, такъ что развитіе капитализма представляется, какъ созрѣваніе основного капиталистическаго противорѣчія между трудомъ и капиталомъ, при чемъ моментъ, когда это противорѣчіе окончательно созрѣетъ, и явится моментомъ революціоннаго созданія соціалистическаго строя. Свои экономическія идеи Марксъ развилъ въ рядѣ сочиненій, въ наиболѣе сжатой формѣ въ „Коммунистическомъ манифестѣ", который былъ составленъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ, а въ видѣ научной системы въ произведеніи „Капиталъ". Этими замѣчаніями ограничу по недостатку времени изложеніе ученій соціалистовъ и сдѣлаю теперь краткую характеристику новѣйшаго состоянія политической экономіи, главнымъ образомъ, академической, представители которой являются преподавателями высшихъ учебныхъ заведеній.

Новѣйшая политическая экономія въ общемъ характеризуется слѣдующими отличительными чертами: прежде всего историзмомъ. Историзмъ есть вообще основная черта научной мысли нашего времени, и я не преувеличу, если скажу, что это есть одна изъ величайшихъ и плодотворныхъ идей второй половины, въ особенности конца XIX вѣка. Его девизъ - все изучать въ исторіи, въ историческомъ развитіи, въ историческомъ становленіи, все понимать исторически, обо всемъ спрашивать исторически. Этотъ историзмъ, прежде всего, противоположенъ абстрактному, апріорному, дедуктивному способу разсмотрѣнія и разсужденія, который отличаетъ раннюю политическую экономію классической школы, а до извѣстной степени и соціалистовъ, поскольку они основываются на классической школѣ, особенно же на Рикардо.

Благодаря этому стремленію къ историзму, въ экономической наукѣ стирается, - и, можетъ быть, не безъ ущерба для научной ясности, - граница, которая отдѣляетъ собственно политическую экономію и экономическую исторію. Въ настоящее время можно назвать цѣлый рядъ писателей и цѣлый рядъ сочиненій, относительно которыхъ вы никакъ не скажете навѣрно, куда они относятся: къ политической экономіи или къ экономиче-

ской исторіи,-потому что и сама политическая экономія пред - ставляетъ собой въ настоящее время какъ бы кусокъ экономиче - ской исторіи. Пріурочить къ какому либо одному имени это величайшее теченіе научной мысли невозможно; можно сказать, что оно создано всѣмъ развитіемъ научной мысли и за предѣлами политической экономіи, поэтому ошибочно приписывать заслугу политическаго историзма какой либо одной школѣ, хотя бы и именующей себя спеціально исторической. Но такъ какъ такая историческая школа все-таки существуетъ, то я долженъ упомянуть о ней и назвать главныхъ ея представителей.

Въ сущности духовнымъ родоначальникомъ историческаго пониманія въ политической экономіи является уже Фридрихъ Листъ, но заслуга назвать свое направленіе историческимъ, дать, такъ сказать, имя ребенку принадлежитъ германскому экономисту Вильгельму Рошеру, который еще въ 40-хъ годахъ выпустилъ сочиненіе, озаглавленное: „Политическая экономія съ исторической точки зрѣнія". За Рошеромъ послѣдовали Гильдебрандтъ, затѣмъ Карлъ Книсъ, написавшій сочиненіе: „Политическая экономія съ точки зрѣнія историческаго метода", и цѣлый рядъ другихъ авторовъ. Нельзя сказать только, чтобы имъ было уже дано торжество историческому методу въ политической экономіи, ибо тор - жество это устанавливается не провозглашеніемъ этого метода, а его примѣненіемъ самимъ дѣломъ, и въ этомъ смыслѣ, конечно, создателями исторической политической экономіи являются тѣ, которые наиболѣе поработали въ области историческаго изученія экономическихъ отношеній.

Здѣсь нужно назвать прежде всего престарѣлаго Густава Шмоллера, написавшаго цѣлую библіотеку историческихъ изслѣдованій; затѣмъ Карла Бюхера, наиболѣе выдающагося представи - теля исторической политической экономіи нашихъ дней, и затѣмъ цѣлый рядъ изслѣдователей историческаго направленія, напр., А. Гольда, написавшаго „Исторію развитія Англіи", Шульце-Геверница, написавшаго исторію крупной промышленности Англіи и Россіи, и т.д.

Историческая постановка проблемы политической экономіи имѣла, между прочимъ, то значеніе, что она раздвинула рамки изученія, можно сказать, до безпредѣльности.

Въ настоящее время, можно сказать, буквально нѣтъ эпохи

и нѣтъ страны, экономическое изученіе которой съ исторической точки зрѣнія не представляло бы научнаго интереса, и успѣхи этого изученія выражаются въ томъ, что все яснѣе вырисовыва ется эволюція хозяйственной жизни, измѣненіе хозяйственныхъ формъ, историческая преемственность ихъ и ихъ историческая по слѣдовательность - мы поймемъ сами себя гораздо полнѣе и глуб же, если узнаемъ свою исторію.

Особенностью новѣйшей политической экономіи является так же и то, что можно назвать ея эмпиризмомъ, который выросъ изъ нѣкотораго разочарованія и до извѣстной степени утраты вкуса къ аппріорно-дедуктивнымъ постоеніямъ классической школы и вообще теоретической политической экономіи, къ ея законамъ, построеннымъ на основаніи отвлеченныхъ положеній.

Среди представителей исторической школы равнодушіе или пренебреженіе къ вопросамъ экономической теоріи имѣетъ широ - кое распространеніе, и можно назвать лишь отвлеченныя исключе - нія среди ея представителей, которые чужды этого равнодушія и пренебреженія (напр., проф. Зомбартъ). Современная экономиче - ская наука охотнѣе всего предметомъ своего изученія избираетъ конкретно-описательныя или историческія изслѣдованія, не обоб - щенія, выводы или законы, а прежде всего установленіе новыхъ фактовъ. Въ этомъ, если хотите, сказывается извѣстная научная безпринципность и безразличіе и извѣстная безпомощность; съ другой стороны, въ этомъ выражается и большая научная зрѣлость. Дедуктивная конструкція, робинзонады, къ которымъ прибѣгали ранѣе, въ настоящее время представляются дѣтскимъ, наивнымъ состояніемъ науки, къ которому просто невозможно возвратиться. Въ то же время экономическая наука приходитъ къ необыкновенной спеціализаціи и дифференцированію; это стоитъ, конечно, въ связи съ безмѣрнымъ усложненіемъ самаго объекта ея изслѣдова - нія; вѣдь народное хозяйство представляетъ собой сложнѣйшій механизмъ, и подобно тому, какъ теперь нельзя знать медицину вообще, а можно знать хорошо ухо, горло, носъ, равнымъ обра - зомъ все труднѣе оказывается знать политическую экономію во - обще, а приходится имѣть дѣло съ аграрнымъ вопросомъ, коопе - раціями и т.д. По этимъ причинамъ экономическая наука настоя - щаго времени и завалилась спеціальными монографіями, специ - альными изслѣдованіями. Наука ушла въ эти спеціальныя изслѣ -

дованія и сравнительно утратила общія перспективы. Однако это связано еще съ той ея слабостью, что въ политическую экономію вообще вносится очень мало критическаго философскаго духа; проблема критики познанія, проблемы болѣе или менѣе общефилософскаго характера рѣдко занимаютъ спеціалистовъ, занятыхъ детальными изслѣдованіями политической экономіи. Конечно, можетъ быть, это и облегчаетъ ихъ спеціальную работу, но это отражается на характерѣ экономической литературы.

Отличительной особенностью современной политической экономіи, на ряду съ ея историзмомъ и съ эмпиризмомъ, является еще та доминирующая роль, которую въ ней играетъ интересъ соціально-политическій, вопросы соціальныхъ реформъ.

Отличіе между соціально-политическимъ направленіемъ и соціалистическимъ въ данномъ случаѣ не столько принципіальное, сколько методологическое, по способу подхожденія къ вопросамъ. Тѣ стороны хозяйственной жизни, которыя соціалисты, въ особенности вышедшіе отъ классической школы, берутъ въ формѣ общихъ „законовъ" или „тенденцій", соціальные политики раздробляютъ на большое количество отдѣльныхъ конкретныхъ вопросовъ соціальной реформы, и въ этомъ смыслѣ современная экономическая эпоха характеризуется, какъ фактическое поглощеніе соціализма стремленіемъ къ соціальной политикѣ. Это направленіе соціально-политическое очень рѣзко обозначилось въ 70-хъ годахъ въ Германіи, когда былъ основанъ въ 1872 г. въ Эйзенахѣ „Союзъ соціальной политики". Этотъ союзъ за 37 лѣтъ своего существованія совершилъ поистинѣ колоссальную научную работу: десятки томовъ изслѣдованій историческихъ конкретныхъ описаній, касающихся разныхъ вопросовъ экономической и соціальной жизни. Во главѣ этого союза стоятъ профессора, почему въ 1871 г. Оппенгеймъ пустилъ въ ходъ ироническое названіе „катедеръ-соціализмъ", т.е. профессорскій соціализмъ.

Соціальная политика включаетъ въ себя разные оттѣнки и направленія, также какъ и катедеръ-соціалисты представляютъ собой весьма пестрое собраніе изъ представителей консерватизма, какимъ является напр., Шмоллеръ, до почти соціалистовъ, къ которымъ неопредѣленно приближается, напр., Зомбартъ; но отличительной особенностью всѣхъ ихъ является детальное, такъ сказать, дѣловое изученіе вопросовъ соціальнаго характера. Иногда

это направленіе и само себя характеризуетъ, какъ этическое направленіе. Шмоллеръ въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій называетъ его историко-этическимъ, но такое наименованіе представляется скорѣе всего недоразумѣніемъ и философскимъ и практическимъ. Въ практическомъ смыслѣ это направленіе, конечно, не можетъ имѣть монополіи быть этическимъ, а въ философскомъ смыслѣ оно вовсе не отличается какимъ-либо особымъ спеціальнымъ отношеніемъ къ этикѣ, которое давало бы право на это.

И въ области соціальной политики какія-либо обобщающія изслѣдованія и обобщающія заключенія также отсутствуютъ и, можетъ быть, столь же преждевременны и затруднительны, какъ и въ области историческаго изслѣдованія.

Для нашего времени, для теперешняго состоянія науки наиболѣе характерное явленіе представляютъ сводные теоретическіе трактаты или словари, энциклопедіи, составленные изъ очень многихъ спеціальныхъ статей, изъ которыхъ каждая составлена спеціалистомъ вопроса. Лучшимъ, можно сказать, классическимъ выраженіемъ политической экономіи въ настоящемъ ея состояніи является многотомная энциклопедія, такъ называемый „Словарь Общественныхъ наукъ", „Handwörterbuch der Staatswissenschaften" выходящій подъ общей редакціей Конрада, Эльстера, Лексиса, Ленинга, но фактически представляющій собой коллективный трудъ, множество спеціальныхъ изслѣдованій. Того же типа и „Словарь народнаго хозяйства" (Wörterbuch der Volkswirtschaft) подъ редакціей Эльстера.

Энциклопедіи представляютъ собой особенность не только одной германской литературы, но и другихъ странъ; и у насъ есть нѣчто соотвѣтствующее въ видѣ экономическихъ статей энциклопедическаго словаря, а отчасти въ рядѣ попытокъ создать экономическіе словари или экономическія энциклопедіи. Вообще, это есть форма научнаго произведенія, наиболѣе соотвѣтствующая современному положенію научныхъ знаній.

Характеризовать отдѣльныхъ представителей изъ нынѣ дѣйствующихъ спеціалистовъ политической экономіи, конечно, у меня не хватаетъ времени. Назову самыя извѣстныя имена среди германскихъ экономистовъ; на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ здѣсь Шмоллеръ столько же политическимъ своимъ изслѣдованіемъ, сколько и потому, что онъ имѣлъ наибольшее количество учениковъ и, такимъ образомъ, основалъ наиболѣе вліятельную

школу. Вмѣстѣ съ Шмоллеромъ, на кафедрѣ Берлинскаго университета дѣйствуетъ престарѣлый Ад. Вагнеръ, направленіе котораго обозначается, какъ государственный соціализмъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать историка хозяйственныхъ формъ Бюхера, также плодотворно вліяющаго на развитіе экономической науки, профессора Мюнхенскаго университета Брентано, имѣющаго массу видныхъ учениковъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ Шульце-Геверницъ. Отличительной особенностью школы Брентано является ея стремленіе въ исторіи соціальнаго развитія XIX вѣка искать путей къ соціальному миру. Не случайно, что Брентано явился въ 70-хъ годахъ однимъ изъ раннихъ изслѣдователей англійскаго трэдъ-юніонизма и его значенія въ соціальныхъ отношеніяхъ.

Особое мѣсто занимаетъ въ исторіи „австрійская школа", занимающаяся, главнымъ образомъ, экономической теоріей.

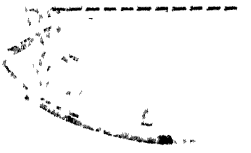
Отличительной особенностью теоретической мысли второй половины XIX вѣка является отчужденность и нѣкоторая даже оппозиціонность по отношенію къ классической политической экономіи.

Трудовая теорія цѣнности и трудовая теорія прибыли въ современной теоретической политической экономіи встрѣчаетъ по отношенію къ себѣ растущее равнодушіе, въ особенности послѣ того, какъ появился въ 1894-омъ году третій томъ „Капитала", многихъ разочаровавшій, когда выяснилась невозможность провести трудовую теорію цѣнности послѣдовательно, безъ ограниченій, черезъ всю систему политической экономіи. Несомнѣнно, что послѣ 1894 года шансы австрійской школы, которая борется съ трудовой теоріей цѣнности, весьма увеличились.

Школа эта, развивающая новую теорію цѣнности и капитала, называется австрійской, благодаря тому, что наиболѣе крупные представители ея занимаютъ кафедры въ австрійскихъ университетахъ; ее называютъ еще теоріей предѣльной полезности, потому что въ основѣ ея лежитъ теорія опредѣленія цѣнности благъ по опредѣленной полезности.

Представителями этой теоріи являются: Джевонсъ, Бемъ-Баверкъ, Визеръ, Менгеръ. Сюда же присоединяется до извѣстной степени математическое направленіе политической экономіи, представителями котораго являются: Россенъ, Вальра, Курно, Эдис -

вортъ, и нѣкоторые другіе, и особенность котораго состоитъ въ широкомъ употребленіи математическихъ символовъ для изображенія экономическихъ идей. Математическими символами изображаются отдѣльныя экономическія понятія, затѣмъ надъ ними производятся математическія дѣйствія и получаются нѣкоторые выводы, которые, по мнѣнію этой школы, имѣютъ обще-теоретическій характеръ. Это абстрактное направленіе противопоставляетъ себя историзму, но не оказываетъ на него никакого опредѣленнаго вліянія, а существуетъ скорѣй просто рядомъ съ нимъ, не соединяясь и не сливаясь.



О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

Меркантилизмъ, какъ первое міровоззрѣніе политической экономіи. Его основныя черты въ теоріи и практикѣ. Стадіи его развитія. Ученія о денежномъ и торговомъ балансѣ 3

Постепенное смягченіе меркантилизма и переходъ къ ученію о свободной торговлѣ въ Англіи и Франціи. Представители перехода. Посошковъ и его трудъ: „О скудости и богатствѣ" 24

Мальтусъ и „Опытъ о народонаселеніи" 96

Рикардо 123

Джонъ Стюартъ Миллъ 141

Жанъ Батистъ Сэй 145

Фредерикъ Бастіа 148

Фридрихъ Листъ 153

Соціализмъ, его виды, важнѣйшіе представители . . 160
